

Человек с неба.

Биография китайского проповедника брата Юна.

Составитель: Пол Хатауэй.

Пролог.

Теплым сентябрьским вечером группа верующих собралась в Банкогском международном аэропорту, чтобы приветствовать освобожденного брата Юна. С тех пор, как мы видели улыбчивое лицо своего друга в последний раз, прошло более восьми месяцев. Бирманские власти арестовали его в январе 2001 года и избили до полусмерти, а затем приговорили к семи годам тюремного заключения.

По всему миру обеспокоенные друзья брата Юна получали случайные сообщения о нем из уз Юн передавал следующее: "Бог послал меня свидетельствовать о Себе в этом месте, ибо здесь многие нуждаются в Иисусе. Здесь за решеткой я останусь столько времени, сколько определил мне Бог, и выйду отсюда не раньше, ни позже этого срока. Когда Бог решит, что мое служение в тюрьме закончилось, тогда и выйду отсюда".

Волей Божьей Юн освободился чудесным образом на седьмой месяц и седьмой день своего семилетнего срока.

Мы собрались тогда в аэропорту, чтобы встретить его и помочь ему. Мы ничего не знали о его состоянии, а ведь он мог быть болен, утомлен и ослаблен после ужасных испытаний. Но мы увидели совсем другую картину! В зале прибытия Юн появился внезапно. Он весь сиял, и улыбка не сходила с его лица. "Слава Богу! Хвала Господу!" - прозвучал его голос. «Слава Богу!», - мы взяли за руки и склонили головы в благодарственной молитве, а удивленные пассажиры между тем спешили мимо к месту регистрации.

Всюду в Китае брата Юна зовут "человеком с неба". Это имя брат получил после того случая, имевшего место в 1984 году. Тогда Юн отказался назвать властям свое настоящее имя - раскрыть его означало подвергнуть опасности местных христиан. Когда работники Комитета общественной безопасности (КОБ) стали угрожать, а затем набросились на него с кулаками, чтобы все же узнать его имя и место жительства, Юн закричал: "Я человек с неба! Мой дом на небе!". Местные христиане, собравшиеся на богослужение в близстоящем доме, услышали это своеобразное предупреждение Юна. Им всем тогда удалось избежать ареста. С тех пор верующие китайских домашних церквей зовут Юна "человеком с неба", в знак уважения к его мужеству и любви.. Юн, несомненно, признает, что в нем есть то, чего нельзя назвать небесным! Подобно каждому из нас, он противостоит искушениям и плотской немощи и глубоко осознает, что если бы не благодать Иисуса Христа, явленная в его жизни, то сам по себе он не стоил бы ничего. Он говорил своей жене Делинь: "Мы абсолютно ничего не стоим, так что гордиться нам совершенно нечем. Своего у нас нет ничего - нам нечем пожертвовать Богу. И то, что Он желает употребить нас, обусловлено всецело Его благодатью. Такова Его воля. И если бы Бог для своих целей пожелал избрать иных служителей, и никогда больше не употреблять нас, то нам не было бы на что жаловаться".

Освальд Чамберс писал: "Если ты всецело доверишься Богу, Он произведет с тобой Свой опыт. Опыты Божьи всегда удаются". Это действительно в отношении брата Юна. С момента первой встречи с Иисусом Христом, Юн положил служить Ему от всего сердца. Жизненные уроки и опыт брата Юна могут послужить великим ободрением для всех христиан, которые стремятся следовать за Господом Иисусом.

Верность и благодать Бога, явленные в судьбе Юна, находят отражение в книге. Она свидетельствует о том, как Бог призвал нищего, полуголодного юношу из бедного селения провинции Хэнань, и употребил, чтобы потрясти мир. Вместо разговоров о чудесах и

перенесенных страданиях Юн уделяет внимание личности и красоте Иисуса Христа. Он хочет, чтобы весь мир познал Иисуса таким, каким Он является на самом деле, не исторической, действующей на расстоянии Личностью, но Богом вездесущим, исполненным любви, вседержавным и всемогущим. Работая над этой книгой, я расспросил множество китайских христиан, очевидцев известных событий, и они полностью подтвердили все описанное ниже. Разнообразие книге придают вставки, сделанные Делинь (женой Юна) и главами некоторых домашних церквей в Китае. Эти свидетельства помогут читателю взглянуть на важнейшие события в жизни Юна с разных точек зрения и получить о них объемное представление.

Большинство размышлений Делинь было записано в то время, когда ее муж находился в узах за проповедь Евангелия. Верно сказано: "Не сильные мира сего изменяют мир, но слабые в руках сильного Бога" Все знающие брата Юна могут поручиться, что этот смиренный слуга Божий Хочет прославить не себя, а только Бога.

Пол Хатауэй.

Из низов общества.

Меня зовут **Лю Чжень Инь**. Верующие друзья называют меня брат Юн.

Однажды осенним утром я проснулся и не мог успокоиться. Сердце мое было взволновано. Это было в городе Берген на юго-западе Норвегии в 1999 году. А причина вот в чем. Я рассказывал в христианских общинах Скандинавии о домашних церквях в Китае и просил верующих помочь нам в благовествовании народам на территории всего Китая и за его пределами. Хозяева, у которых я остановился, пригласили меня посетить могилу Марии Монзен, известной лютеранской проповедницы в Китае, которую Бог могущественно употребил для возрождения церкви в разных уголках моей родины с 1901 до 1932 года. Ее служение было особенно действенно в южном Хэнане, откуда я родом.

Мария Монзен, небольшого роста изящная женщина, была великой в Царстве Божьем. Она не просто восхищала китайскую церковь своими речами, но и поражала своим удивительно жертвенным образом жизни. Будучи преданной, бескомпромиссной ученицей Иисуса Христа, она являла собой пример того, как нужно переносить испытания и страдать за Христа.

Бог употребил дарования Марии Монзен с такой силой, что ее служение сопровождалось множеством знамений и чудес. Она вернулась в Норвегию в 1932 году, чтобы позаботиться о своих престарелых родителях. Ее миссионерское служение в Китае завершилось. Мария никогда больше не вернулась в Китай, однако ее бескомпромиссная вера, неутомимая ревность в служении и стремлении изменять сердца людей для Христа и до сих пор живы в памяти китайской церкви.

И теперь для меня честью было посетить могилу Марии Монзен на ее родине. Интересно, был ли еще кто-нибудь из китайских христиан удостоен такой чести? Когда Мария Монзен оказалась в наших краях, там была горстка верующих. Церковь в то время была мала и незначительна. Сегодня счет идет на десятки миллионов. От имени этих миллионов я и хотел поблагодарить Бога за деятельность Марии Монзен.

Наш автомобиль остановился у небольшого кладбища на склоне узкой и глубокой впадины, протянувшейся между горами над рекой. Рассчитывая увидеть имя Марии Монзен на одном из нескольких сотен надгробных камней, мы обошли это кладбище за несколько минут. Не обнаружив могилы Марии Монзен, мы обратились за помощью в кладбищенскую контору. Управляющий кладбищенскими делами не был знаком с именем Марии Монзен и вынужден был достать учетную книгу погребенных на этом месте. Просмотрев ее, он сообщил нам нечто, во что мне просто не хотелось верить: "Так точно, Марию Монзен похоронили здесь в 1962 году. Однако ее могила многие годы оставалась без ухода, и сегодня там свободный участок земли без надгробного камня".

Подобного я никак не ожидал, поскольку в китайской культуре память о людях, совершивших великие дела, хранят на протяжении многих поколений. Местные верующие объяснили, что до сих пор держатся высокого мнения о Марии Монзен и свято чтят ее память. Так, по прошествии нескольких десятилетий после ее смерти, была издана ее биография. Что до меня, то оставить могилу Марии Монзен в неизвестности было бы надругательством, и это положение следовало исправить.

Я страшно огорчился. С болью в сердце я выговорил норвежским христианам, бывшим со мной : " Вы обязаны почитать эту служительницу Божию! Вот вам два года на восстановление могилы Марии Монзен и установку памятника. Если вы почему-то не сделаете этого, я лично договорюсь с братьями, и они проделают долгий путь из Китая в Норвегию, чтобы восстановить ее могилу! Многие братья в Китае за годы заключения в исправительных лагерях стали опытными каменотесами. Если вы не позаботитесь в достаточной мере, то они с великой охотой сделают за вас!"

Я родился в 1958 году (по восточному календарю это был високосный год) четвертым ребенком в семье из пяти в обычном крестьянском селении под названием Лю Лао-Чжуань уезда Наньян, на юге провинции Хэнань.

Население провинции Хэнань ныне составляет почти 100 миллионов человек, так что это самая густо населенная провинция Китая. Несмотря на это мне казалось, что место где я вырос, было раздольным, ведь там было много отложных гор, на которые мы взбирались, и росло множество деревьев, по которым мы лазили. Жить было трудно, но мне припоминаются веселые времена, когда я был маленьким мальчиком.

Все крестьяне нашего села, а их было шесть сотен, занимались земледелием. До сих пор здесь все остается по-прежнему, мало что изменилось. Мы возделывали , главным образом, картофель, кукурузу и пшеницу; кроме того, мы выращивали капусту и другие корнеплоды. Наш дом из сырцового кирпича был примитивной постройкой с соломенной крышей. В дождливую погоду здесь капало, как из решета, а зимой из каждой щели дул пронизывающий ледяной ветер. Когда температура в доме опускалась ниже нулевой по Цельсию, мы, чтобы согреться, топили печь оставшейся с осени соломой. Уголь семье был не по карману.

В летнее время дом почти не проветривался, поэтому из-за духоты невозможно было уснуть. Тогда мы выносили постели во двор и, подобно остальным в селе, ночевали на открытом воздухе.

Слово "Хэнань" означает "земля", расположенная к югу от реки. Имеется в виду одна из величайших рек Азии Хуанхэ (Желтая река), пересекающая северную часть провинции с востока на запад. Частые наводнения на этой реке на протяжении многих веков оборачивались бедствием для обитавшего по ее берегам народа. Мы узнали об этом, когда подросли, а тогда нам казалось, что северный Хэнань лежал от нас на расстоянии в миллион миль. Наше село, как гнездышко в отложных горах на юге провинции, защищенное от губительных наводнений и внешних влияний. Ни о чем, кроме урожая, мы не думали. Сельская жизнь тесно связана с циклом земледельческих работ пахотой, посевом, поливом и жатвой. Как говорил мой отец, наша жизнь была борьбой за кусок хлеба. В поле нужны были руки, и я вынужден был помогать своим братьям и сестрам уже с малых лет. Так что на учебу времени не оставалось.

Жители Хэнаня славятся в Китае своим упрямством, возможно, именно это упрямство помешало им принять христианство, когда протестантские миссионеры начали здесь благовествовать в 1884 году. Многие религиозные миссии трудились в Хэнане, не видя успеха. К 1922 году, после сорока лет миссионерской деятельности, во всей провинции насчитывалось только 12400 христиан - протестантов.

Людей, принявших "иноземных демонов", высмеивали и изгоняли из сельских общин. Часто в разных ситуациях подобное отношение принимало более ожесточенные формы. Верующих христиан избивали. Некоторых убивали за веру. Гонениям подвергались тогда и сами

миссионеры. Большинство населения принимало их за агентов колониального империализма, посланных для покорения умов и сердец в Китае чужими народами, между тем как их правительства грабили китайские природные ресурсы.

Произвол в отношении иностранцев достиг кульминации в 1900 году, когда члены тайного общества, под названием "Кулак во имя справедливости и согласия", возбудили всенародные выступления против иностранцев. Большинству удалось избежать резни, но много еще миссионеров находилось в отдаленных сельских районах внутреннего Китая, далеко от относительно безопасных городов на побережье. "Боксеры" устроили массовую резню, во время которой погибло свыше ста пятидесяти миссионеров и тысячи новообращенных китайцев.

Мужественные люди, они пришли, жертвуя собой, послужить нашему народу, принести нам любовь Господа Иисуса Христа и были за это лишены жизни. Они пришли, чтобы рассказать о Христе и наладить наш быт, возводя больницы, детские приюты и школы. За их добро мы заплатили злом, лишив их жизни. Они несли нам жизнь, а мы воздали им смертью.

Кое-кому в Китае показалось, что события 1900 года отпугнут миссионеров от дальнейших посещений Китая. Но думавшие так просчитались...

Первого сентября 1901 года в порту Шанхая встал на якорь большой корабль. Некая молодая девушка из Норвегии впервые сошла по трапу на китайскую землю. Это была Мария Монзен - одна из первых представительниц новой волны миссионеров, вдохновленных примером мучеников, пострадавших в Китае в минувшем году.

Монзен трудилась в Китае более тридцати лет. Какое-то время она жила и у нас в Наньяне, где поддерживала и наставляла возникшую здесь небольшую общину китайских верующих.

Мисс Монзен отличалась от большинства других миссионеров. Она, казалось, и не думала произвести хорошее впечатление на руководителей китайской церкви. Она часто говорила им : " Лицемеры! Вы почитаете Иисуса устами, сердце же ваше далеко отстоит от Него! Покайтесь, пока не поздно, чтобы избежать суда Божьего!" Так она несла огонь с жертвенника Божьего.

Монзен говорила христианам, что мало просто научиться жить, как спасенные верующие, но, чтобы войти в Царство Небесное, каждому следует возродиться к новой жизни. Согласно этому учению, она смещала акцент с головного знания и доказывала всем, что **каждый лично ответит перед Богом за свою внутреннюю, духовную жизнь**. Таким образом сердца обличались во грехе, и пламя возрождения распространялось всюду, где появлялась эта служительница Божья.

В 1940-х годах благую весть услышала моя мать из уст одного западного миссионера. Было ей тогда 20 лет. Конечно, она многое не поняла, но то, что она услышала, произвело на нее сильное впечатление. Всего больше она любила петь и слушать библейские истории от евангелистов, которые странствовали по сельской местности небольшими группами. Вскоре она стала посещать церковь и вручила свою жизнь Иисусу Христу.

В **1949 году** Китай стал коммунистическим государством. Вскоре всех миссионеров выдворили из Китая, церкви позакрывали, а тысячи китайских пасторов были брошены за решетку. Многие из них заплатились жизнью. Моя матушка видела процессию миссионеров, которых гнали из уезда Наньян. Это было в начале 1950-х. Ей не забыть их слез - сопровождаемые конвоем, они покидали Китай. Их служение внезапно обрывалось.

В 1950 году из одного только Вэньжоу (провинция Чжэцзян) сорок девять пасторов было отправлено в тюремно-трудовые лагеря недалеко от советской границы. Многих приговорили к двадцати годам тюремного заключения за то, что они преступили закон, проповедуя Евангелие. Из тех 49 пасторов домой вернулся только один - остальные все скончались за решеткой.

На моей родине, в уезде Наньян, верующих за отказ отречься от Христа распинали на стенах церквей. Другие разбивались насмерть, когда их, привязанных к арбам и лошадям, волокли по земле.

Одного пастора связали за руки и подвесили на веревке. Власти в ярости, что тот не отрекся от веры, высоко подняли его самодельным краном. Перед сотней лжесвидетелей, собравшихся, чтобы обвинить его в "контрреволюционной" деятельности, гонители в последний раз потребовали от пастора отречься от Христа. Но тот воскликнул : "Нет! Я никогда не отрекнусь от Господа, Который спас меня!".

Веревку выпустили , и он упал на землю.

Увидев, что он еще жив, мучители подняли его во второй раз и снова отпустили веревку. Да, этого пастора умертвили, но он теперь на небесах с наградой, как верный, претерпевший до конца.

Жизнь была трудна не только для христиан. Мао начинал тогда "Большой скачок" - социальный эксперимент, обернувшийся страшным повсеместным голодом. Это действительно был большой скачок, но только не вперед, а назад. В одном Хэнане тогда умерло 8 миллионов человек.

В эти трудные времена небольшая молодая церковь в моем родном Наньяне рассыпалась. Верующие здесь были как овцы без пастыря. Оставила христианскую общину и моя мать. В последующие десятилетия, не имея христианского общения, ни Слова Божьего, она забыла почти все, что узнала в молодости. Ее чувства к Богу охладели.

Первого сентября 2001 года - ровно через сто лет со времени первого прибытия Марии Монзен в Китай для миссионерской деятельности - свыше трехсот норвежских христиан собрались на кладбище Бергена для особенного молитвенного служения и ритуала посвящения. Новое прекрасное надгробье в память о Марии Монзен было поставлено тогда на средства разных церквей и отдельных христиан.

На камне было изображение Марии Монзен с выгравированным по-китайски именем и следующими словами :

Мария Монзен

1878-1962

Миссионерка в Китае

1901-1932

Когда я рассказал верующим в Китае о том, что надгробие Марии Монзен восстановлено, они испытали чувство облегчения и благодарности.

Нам всем следует почитать служителей Божиих, которых Он употребляет для создания Своего Царства. Они достойны чести и уважения.

Мое горячее желание исполнилось.

"Слушайте Меня, острова, и внимайте, народы дальние: Господь призвал Меня от чрева, от утробы матери Моей называл имя Мое" (Ис. 49:1)

Последовать за собой Бог призвал меня в юности. Мне было тогда 16 лет. Шел 1974 год, и по-прежнему всюду в Китае бушевала культурная революция.

В то время мой отец сильно болел. Он страдал бронхиальной астмой, которая осложнилась раком легкого. Затем раковая опухоль перешла на желудок. Врачи сказали ему, что он не подлежит лечению и скоро умрет. Мать предупредила: "Надежды на выздоровление вашего мужа нет. Возвращайтесь домой и готовьтесь к его смерти".

Отец все время лежал в постели и едва дышал. Он был весьма суеверным и думал, что причиной его болезни стало его поведение, огорчившее духов. Вот почему для изгнания злых духов он просил местного даосского священника через соседей прийти к нему. Болезнь отца истощила все наше имущество и силы. По причине бедности в школу я пошел поздно, в девять лет, и уже в шестнадцать, из-за тяжелой болезни отца, мне пришлось оставить ее. Чтобы выжить, моим братьям и сестрам и мне самому приходилось существовать на подаяния соседей и друзей.

Когда-то мой отец служил капитаном Национально-освободительной армии. До 1949 года он боролся с коммунистами, из-за чего в период культурной революции односельчане стали преследовать его. От его рук погибли многие, да и сам он едва ушел от смерти. У него было 12 пулевых ранений в ногу.

Когда я родился, отец назвал меня "Чжэнь Инь", что в переводе с китайского означает "Герой гарнизона".

Многим мой отец казался темной личностью и внушал страх. Соседи сторонились моего отца по причине горячности его характера. В период культурной революции хунвейбины обвиняли его в контрреволюционной деятельности, и ему пришлось вынести много унижительных допросов и побоев. Будучи храбрым человеком, он не признавался в "преступлениях", и не отвечал на вопросы, например, сколько человек он убил лично. Он упорствовал, не боясь побоев и даже смерти, и не говорил того, что хотелось услышать хунвейбинам.

У моего отца было как бы два лица. Среди людей он прослыл человеком весьма жестокого и дурного нрава. В общем, так оно и было. Он преподавал детям два главных урока: во-первых, нам следует быть жестокими и непреклонными к ближним, и, во-вторых, мы должны упорно трудиться при любых обстоятельствах.

Но я помню, как он открывался нам с другой стороны. Как любящий отец, он всегда старался оградить жену и детей от внешних угроз. В целом у меня с отцом сложились очень хорошие отношения.

Конечно, мы надеялись, что отец поправится, но состояние его здоровья неуклонно ухудшалось. Моя мать, обескураженная близкой потерей кормильца, ощущала в себе страшное давление. Она

и представить себе не могла, что может случиться с нами после смерти отца. Наше положение казалось таким безнадежным, что ей приходили мысли о самоубийстве.

Однажды ночью моей матери не спалось.

Внезапно весьма и четко она услышала голос, полный сострадания : "Иисус любит тебя". Она встала на колени и со слезами на глазах покаялась в грехах и вновь посвятила себя Господу Иисусу Христу. Так, подобно блудному сыну, моя матушка вернулась в родной дом, к Богу.

Она немедленно собрала всю семью, чтобы помолиться Иисусу. Она сказала нам: "Иисус - единственная надежда для отца". Услышав о случившемся, все дети отдали свои сердца Богу. Затем мы все возложили руки на отца и всю ночь до утра твердили простую молитву : " Иисус, исцели нашего отца! Иисус, исцели нашего отца!"

Когда наступило утро, отец сообщил, что ему стало намного лучше! В первый раз за многие месяцы он с удовольствием поел. А еще через неделю он совершенно поправился - раковой опухоли как не бывало! Вот какое чудо сотворил с ним Бог!

Для нас это было возрождением, и судьба нашей семьи переменилась самым решительным образом. Это было незабываемое, благословенное время. И сегодня, спустя тридцать лет с того дня, как Иисус исцелил моего отца, все пятеро из его детей по-прежнему следуют за Господом.

Мои родители тогда были так благодарны Господу за то, что Он сделал для нас, что им тотчас захотелось поделиться благой вестью со всеми. В то время запрещалось проводить какие бы то ни было встречи и общественные собрания и отец с матерью придумали следующий план. Они разослали нас к родственникам и друзьям с приглашением.

Приглашенные пришли к нам, не зная, что побудило нас созвать их. Многие думали, что умер наш отец и явились в траурной одежде! Как же они поразились, увидев нашего отца, приветствующим их на пороге нашего дома и совершенно здоровым! Когда у нашего дома собрались все родственники и друзья, отец с матерью пригласили их пройти внутрь. Они заперли дверь, прикрыли окна и рассказали, как наш отец совершенно исцелился по молитве Господу Иисусу. И тогда все наши родственники и друзья, встав на колени, с радостью приняли Иисуса, как Господа и Бога.

Это было волнующее, напряженное время. Я не только уверовал в Иисуса, но стал человеком, искренне желающим служить Богу от всего сердца.

Моя неграмотная мать стала в нашем селе первым проповедником. Она руководила небольшой церковью в нашем доме. Она много не помнила из Слова Божьего, но призывала нас всегда взирать только на Иисуса. По великой милости Иисус помогал нам, когда мы призывали Его. Припоминая прежние дни, я поражаюсь, как Бог употребил мою мать, несмотря на ее неграмотность и невежество. Сердцем она стремилась только к Иисусу. Некоторые из нынешних глав крупных домашних церквей в Китае обратились к Господу именно через служение моей матери. Тогда я еще многого не знал об Иисусе, хотя видел, каким образом Он исцелил моего отца и спас моих родных от гибели. Без всяких колебаний я возложил свое упование на Бога, Который исцелил моего отца и спас наше семейство. Я часто просил матушку рассказать об Иисусе. Она отвечала так: "Иисус есть Сын Божий, Который умер на кресте вместо нас, возложив на Себя все наши грехи и немощи. Он записал Свое учение в Библии" .

Я спросил, не осталось ли каких книг с учением Иисуса, чтобы я мог прочесть их сам. Она ответила: "Нет. Все книги пропали. Ничего не осталось".

Это было время "культурной революции" и найти Библию было просто невозможно. С тех пор мне больше всего хотелось иметь свою Библию. Я расспрашивал всех, кого мог, на что похожа Библия, но никто не знал. Одному брату довелось видеть рукописные копии отдельных книг Писания, а также тексты песнопений, но всю Библию он не видел ни разу. Некоторые из старых верующих припоминали, что много лет назад им приходилось видеть Библию. Слова Божьего на китайской земле не доставало.

У меня было такое влечение к Слову Божьему, что, видя мое отчаяние, матушка вспомнила одного старца из соседнего села. До культурной революции этот человек был пастором.

Чтобы добраться до его дома, нам с матерью пришлось проделать немалый путь пешком. Найдя этого человека, мы сказали ему, что хотели бы взглянуть на Библию.

"У тебя есть Библия?" - спросили мы у него.

Старец этот сильно испугался, хотя за веру он провел в узах почти 20 лет. Взглянув на меня и увидев мои лохмотья, босые ноги, он понял, что имеет дело с нищим юнцом. Он пожалел меня, но показать свою Библию так и не решился. В то время в Китае было очень мало Библий, и я не могу винить этого старца. Тогда запрещалось читать все, кроме цитатников Мао. Если бы этого человека застали за чтением Библии, то бросили бы ее в огонь, а владельцу ее со всем его семейством устроили бы посреди села показательную порку.

Но вот что сказал мне старый пастор: "Библия - это Небесная Книга. Если хочешь иметь свою Библию, молись Отцу Небесному. Только Он силен дать тебе Небесную Книгу. Бог верен и всегда отвечает тому, кто ищет Его всем сердцем".

Я поступил так, как мне посоветовал старый пастор.

Вернувшись домой, я принес в комнату камень и каждый вечер перед сном молился на нем, преклонив колени. А молитва у меня была самая простая: "Господи, пожалуйста, дай мне Библию. Аминь." Я не умел молиться иначе и продолжал молиться так больше месяца.

Однако все оставалось по-прежнему. Библии так и не было.

Тогда я снова отправился к тому пастору, на этот раз один, и сказал ему: "Я молился Богу, как ты советовал, но так и не получил Небесной Книги, которую мне так хочется читать. Ну, пожалуйста, покажи мне свою Библию. Я просто взгляну на нее! Я даже не трону ее Ты сам держи, а я буду смотреть. А если я перепишу несколько слов из нее, то буду просто счастлив и отправлюсь домой".

Старый пастор, видя в каком мучительном состоянии была моя душа, снова сказал мне: "Если ты действительно хочешь иметь Библию, то не просто молись на коленях Господу, но соблюдай пост и плачь. Чем больше будет слезить твое око пред Господом, тем скорее получишь Библию".

Я пошел домой с того дня начал поститься. Я не ел до самого вечера и только перед сном съедал один шарик распаренного риса. Я плакал перед своим Небесным Отцом как изголодавшееся малое дитя, желая вкусить и насытиться Его Словом. Следующие сто дней, пока хватало сил, я провел в молитвах о Библии. Отец и мать мои были уверены, что я лишился рассудка.

Оглядываясь на то далекое прошлое, я сказал бы, что этот опыт в целом был самым тяжелым переживанием из всех, которые мне пришлось когда-либо испытать.

И вот однажды, через несколько месяцев молитв перед Богом, около четырех часов утра, когда я стоял на коленях возле постели, мне вдруг было видение от Бога.

Я увидел, что карабкаюсь по крутому склону, толкая перед собой тяжелую арбу. Я направлялся в село, где надеялся выпросить пищи для родных. Мне было невыносимо тяжело, ведь я недоедал и ослаб от длительного поста. Старую арбу тянуло назад, и она могла опрокинуться на меня.

И тут я увидел троих человек, которые спускались с холма навстречу мне. Добрый старец с длинной бородой управлял большой арбой свежесвеженного хлеба. Двое других держались за арбу сбоку. Увидев меня, старец сжалился надо мной и спросил: "Ты хочешь есть?" Я ответил ему: "Да, но у меня нет ничего съедобного. Я иду раздобыть еду для семьи."

Мне было горько от того, что нам приходилось побираться. Когда наш отец заболел, мы распродали все ценное, чтобы купить лекарств. Есть было нечего и многие годы нам приходилось жить на подавание друзей и соседей. Когда добрый старец предложил мне поесть, я заплакал. Прежде никто и никогда не проявлял ко мне такой подлинной любви и сострадания.

Старец достал из арбы пакет красного цвета и велел двум слугам передать его мне. При этом он сказал: "Ты должен съесть это немедленно".

Развернув пакет, я увидел там свежую булочку. Я поднес эту булочку ко рту, и она тотчас превратилась в Библию! И тут я увидел себя на коленях со своей Библией в руках. Я обратился к Богу с благодарением: "Господи! Имя Твое достойно хвалы и славы! Ты не презрел моей молитвы. Ты даровал мне эту Библию Я хочу служить Тебе всю жизнь".

Здесь я проснулся и перевернул в комнате все, чтобы найти Библию. Все мои еще спали. Видение казалось мне таким реальным, но когда до меня дошло, что это был только сон, меня охватила невыразимая печаль и я громко зарыдал. Мои родители прибежали ко мне узнать, что случилось. Они подумали, что я сошел с ума после долгих постов и молитв. Я рассказал им о своем видении, но чем больше я им рассказывал, тем больше они убеждались в том, что я сошел с ума!

Матушка сказала мне: "На дворе ночь, до рассвета далеко, и к нам никто не приходил. Дверь на запоре".

Отцу пришлось удерживать меня силой. Со слезами на глазах он молился : "Дорогой Господь, помилуй моего сына. Пожалуйста, не дай ему потерять рассудок. Пусть я снова заболею, лишь бы он остался в своем уме. Пожалуйста, даруй моему сыну Библию!"

Мать с отцом и я встали на колени и вместе, держась за руки, помолились Богу.

Внезапно послышался слабый стук в дверь. Очень нежный голос позвал меня по имени. С нетерпением я бросился к дверям: "Вы принесли мне Хлеб?" Нежный голос ответил: "Да, у нас пакет с Хлебом для тебя".

Тут я узнал голос, который слышал в видении.

Я отворил дверь - передо мною стояли двое слуг того доброго старца из видения. в руках одного из них был красный пакет. Мое сердце готово было выпрыгнуть, когда я развернул пакет и взял в руки свою Библию!

Двое растворились в темноте.

Я прижал к сердцу Библию и тут же у дверей упал на колени. Снова и снова я благодарил Бога! Я обещал Иисусу, что с этой минуты я стану вкушать Его Слово, как изголодавшее дитя.

Позже я узнал имена этих людей. Один из них был брат Ван, другой - брат Сунь. Эти люди пришли ко мне из далекого селения и рассказали об одном благовестнике, которого я не знал. Во время культурной революции он сильно пострадал за Христа, замученный почти до смерти.

Приблизительно за три месяца до того, как я получил Библию, этот благовестник имел видение от Господа. Бог показал ему юношу, которому он должен был передать свою Библию из тайника. В видении ему было показано наше село и дом.

Подобно многим христианам того времени, этот старец спрятал свою Библию в банку и зарыл глубоко в землю в надежде, что придет день, когда он сможет снова выкопать ее и читать.

Только через несколько месяцев этот брат исполнил Божье повеление. Он попросил двух единоверцев передать мне пакет с Библией. Эти двое добирались до нашего дома целую ночь.

С тех пор я молился Иисусу, безгранично доверяя Ему. Слова Библии, я в том совершенно уверен, были словами Бога, обращенными ко мне лично. Я не выпускал Библии из рук. Даже во время сна, Небесная Книга была со мной. Я впитывал библейские истины как иссохшая земля воду.

Таким был первый дар от Бога, полученный мною в ответ на молитву.

Делинь.

Примерно в то же время, когда Бог готовил моего мужа к евангельскому служению, Он призвал меня стать Юну другом. Я родилась в 1962 году в уезде Наньян провинции Хэнань, в селе под названием Юэньчжан. Родное село Юна располагалось в нескольких милях от нашего.

Мы жили в бедности. В семье было семеро детей, и мы едва сводили концы с концами, так что нам всегда недоставало одежды и пропитания.

Обращаясь к своему детству, я вспоминаю как счастливые времена, так и дни тяжелой борьбы за выживание. Наше поле было далеко от дома, и каждый день нам приходилось добираться туда с тяжелой поклажей орудиями крестьянского труда. Кроме того, мы каждый день гнали туда и обратно свою скотину.

Мы, дети, должны были переносить в двух тяжелых корзинах на коромысле урожай хлопка. Иногда, оступившись, мы падали в грязь и ушибались до боли. На такую транспортировку уходил час и больше. Сельский труд был тяжелым и изнурительным.

Всю жизнь я провела в борьбе с гемофилией. Стоило порезаться, как место пореза начинало кровоточить, причем кровотечение долго не останавливалось. Иногда мне кажется, что я всю жизнь только и занималась, что перевязывала тряпьем ноги и руки, чтобы остановить кровотечение.

Моя мать в результате невероятных испытаний стала душевнобольным человеком. Днем она казалась нормальной, ночью же мы слышали, как она разговаривает сама с собой, смеется и плачет. Иногда она говорила со стеной, как с человеком.

После того, как моя мать приняла Евангелие, мир Божий постепенно овладел ею и она сделалась здравомыслящей. Нашей семье и соседям это обстоятельство стало веским доказательством в пользу христианского вероучения.

Я обратилась к Иисусу прежде всего потому, что сильно страдала от гемофилии. Моя соседка, верующая христианка, однажды сказала мне : " Если уверуешь в Иисуса, Он исцелит тебя".

В восемнадцать лет я посвятила себя Иисусу Христу.

Вечером того же дня меня привели на первое в моей жизни собрание домашней церкви. Неожиданно на место собрания прибыли сотрудники Комитета общественной безопасности, но нам под покровом ночи удалось убежать и спастись. Это был пролог того, что случится на пути следования за Господом!

Через несколько дней после крещения мне во время сна было ясное видение от Бога. Как-то человек привел меня к озеру с кристально чистой водой. Мне велели умыть руки и ноги. Я опустила незаживающие , израненные руки и ноги в воду, и увидела, как кожа на них совершенно восстановилась и даже обновилась. Утром, проснувшись, я увидела, что кожа моя стала нежной, как у младенца! То, что происходило со мной в видении, случилось в действительности!

С тех пор у меня нет никаких симптомов гемофилии. Благодаря этому чуду, Бог стал для моей души подлинной реальностью. Хотя жизнь наша была невыразимо трудной, и дня не проходило, без каких-либо гонений, я всем сердцем посвятила себя Иисусу, чтобы следовать за Ним чего бы это ни стоило.

Вместе со мной к Богу обратились еще две молодые женщины. Мы вместе посещали собрания. Собрания проводились в разных местах нашего уезда, так что мы нередко добирались до назначенного места час, а то и больше. После собраний я возвращалась одна. Было темно и страшно, и, кроме того, очень опасно из-за бандитов и бродячих собак.

И тогда, чтобы помочь мне, Бог сотворил еще одно чудо. В темноте, когда я возвращалась с собрания домой, временами я видела перед собой освещенную тропинку длиной шагов в десять, словно кто-то нес лампу, показывая мне путь, которым я должна идти. В кромешной тьме я часто оступалась, но затем появлялся этот свет, как от путеводной звезды, которая указывала мне верную тропинку. Этот свет светил не всегда, но он появлялся всякий раз, когда я уходила в сторону. От множества подобных опытов вера моя быстро возрастала.

"Отправляйся на запад и на юг".

Теперь от зари до зари я читал Слово Божье. Когда же наступало время работы в поле, я прятал Библию поглубже в карман, чтобы при первой возможности почитать. На ночь я брал Библию в постель и засыпал, прижимая ее к груди.

Вначале изучать Библию было непросто, ведь я имел всего три класса образования. Кроме того, Библия была напечатана традиционным иероглифическим шрифтом, а я знал только упрощенные иероглифы. Пришлось найти нужный словарь, и, читая Библию, кропотливо сверять иероглифы.

Наконец я прочел всю Библию, и стал заучивать наизусть из евангельских текстов по одной главе в день. Текст Евангелия от Матфея я запомнил за 28 дней. Вскоре я выучил следующие три Евангелия и перешел к книге Деяний.

Однажды около девяти часов утра, углубившись в чтение первой главы книги Деяний, я стал размышлять над следующим текстом: "Но вы примите силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли" (Деяния 1:8).

Я не знал, кто такой Дух Святой, и, чтобы расспросить о Нем, побежал к матушке. Не умея объяснить этого, она просто сказала: "Все, что помню, ты уже знаешь от меня. Может быть, тебе следует помолиться и спросить о Святом Духе у Бога, также как ты молился и просил о Библии?".

Моя мать не знала грамоты и не имела глубоких библейских познаний. Она могла пересказать всего лишь несколько стихов, которые слышала от других верующих.

Это был момент познания истины в моей жизни. Мне захотелось иметь общение с Богом и получить силу Духу Святого, и тогда я понял, как важно иметь запечатленное Слово Божье.

Я обратился к Богу с такими словами: "Господи! Мне нужна сила Святого Духа, Я хочу быть Твоим свидетелем". После этого Бог послал мне в сердце радость. Глубокое откровение любви Божьей и общение с Ним наполнили все мое существо. Прежде я никогда не любил петь, но теперь множество новых божественных гимнов полилось из моих уст. Я произносил слова, которых никогда не знал. Впоследствии я записал гимны, которые и теперь еще поют в китайских домашних церквях.

С упованием на Господа я стал ожидать Его указаний, и тогда случилось нечто удивительное. В один прекрасный вечер, около десяти часов (родители еще не спали), я помолился и стал заучивать наизусть 12 главу из книги Деяний. Я уже лежал в постели, как вдруг почувствовал, что кто-то похлопывает меня по плечу, и услышал голос: "Юн, Я собираюсь отправить тебя на запад и на юг, чтобы ты был Мне свидетелем".

Полагая, что это сказала матушка, я выпрыгнул из постели и отправился к родителям: "Мама, это ты звала меня? Меня кто-то похлопал по плечу!?" Но матушка сказала: "Мы тебя не звали. Отправляйся спать".

Тут я снова помолился и улегся спать.

Через тридцать минут после этого я услышал ясные слова: "Юн, отправляйся на запад и на юг и проповедуй там. Тебе предстоит свидетельствовать обо Мне и говорить от Моего имени".

Я сразу же встал и рассказал матери обо всем что случилось. Но она стала успокаивать меня и снова отправила в постель. Ей показалось, что я опять сошел с ума!

Тогда я встал на колени и помолился : "Иисус, если это Ты говоришь со мной, я слушаю Тебя. Если Ты призываешь меня благовествовать, я повинуюсь Твоему призванию".

На следующее утро Бог вразумил меня удивительным образом. Во сне я увидел того доброго старца, который передал мне Хлеб через братьев. Подойдя, он взглянул мне в глаза и сказал: "Отправляйся на запад и на юг. Ты должен там благовествовать и свидетельствовать о Господе.". Кроме того, я увидел большое собрание людей. Было видно, что старец обладал громадной властью над собравшимися. Он сказал мне: "Ты должен свидетельствовать обо Мне этим людям" Но, зная свое несовершенство, я ступешался. Вдруг ко мне подошла какая-то женщина, одержимая бесом. Старец сказал :

"Возложи на нее руки и во имя Иисуса Христа изгони беса". Я так и поступил. Женщина сначала забилась в судорога, но затем успокоилась, совершенно избавившись от бесовских сил, которые управляли ею. Это исцеление ошеломило всех. Никто в собрании не видел ничего подобного.

Внезапно из толпы народа вышел один юноша и спросил: "Это ты, брат Юн? Наши братья и сестры молились о тебе с постом три дня. Мы надеемся, что ты придешь к нам и возвестишь нам Благоую Весть. В нашем селе ты очень нужен".

Юноша назвал мне свое имя, возраст и название своего села. Тронутый этим, я сказал ему : "Приду к вам завтра же".

И я проснулся. Было четыре часа утра. Дождавшись, пока все проснется, я немедленно объявил родителям, что собираюсь возвещать Евангелие, как повелел мне Иисус Христос. Мать спросила меня, куда я намерен отправиться, Я ответил ей, что Бог трижды говорил со мной, и повелел отправляться благовествовать на запад и на юг, и вот я повинуюсь небесному призванию.

Вразумленный последним сновидением от Бога, я нисколько не сомневался в том, что все произойдет именно так, как мне было открыто. Я сказал матери: "Сегодня, после того, как я уйду, придет один юноша с юга. Ему 24 года, на нем будет белая рубашка и серые брюки с заплатами выше колен. Христиане в его селе молились и держали трехдневный пост. Им нужно, чтобы я пришел и свидетельствовал им о Господе. Сегодня утром я встретился с этим юношей во сне. Я обещал ему, что пойду с ним".

Мать ничего из моих слов не поняла и мне пришлось объяснить ей снова: "Сегодня к нам придет один юноша по имени Ю Цзин Чай. Пожалуйста, будь дома и прими его, Не отпускай его, пока я не вернусь домой".

Было еще утро, когда я вышел из села и направился на запад. Переходя мост, я встретил старого христианина по имени Ян. Он спросил меня, куда я иду. Я ответил, что сегодня утром Бог трижды обращался ко мне. Он желает, чтобы я благовествовал на западе и на юге.

Услышав это, брат Ян был растроган до слез: "А я как раз шел к тебе. Мне поручили привести тебя в село Гао, чтобы ты благовествовал там. Тамошние братья и сестры слышали, как ты молился и получил от Бога Небесную Книгу. Нам бы хотелось, чтобы ты пришел и поделился с нами Словом Божиим. Мы молились и постились о тебе три дня. И вот я пришел за тобой, чтобы привести тебя к нам".

Когда мы пришли в село Гао, все работали в поле - стояла уборочная страда. Но когда односельчане услышали голос Яна, "Вот человек, о котором вы молились", то побросали свои дела и подбежали к нам.

Мы прошли в дом. Я уселся на пол, а все остальные вокруг. Я очень волновался, потому что никогда прежде не беседовал с группой людей. Человек тридцать или сорок съедали меня глазами - так им хотелось услышать Слово Божие. Они жаждали истины. В селе Гао имелось несколько христиан, но большинство еще не уверовали в Господа.

Не желая ничего видеть, я сидел, держа Библию над головой.

"Вот она - Библия!" - объявил я всем, " Ангел Божий послал мне ее в ответ на мои молитвы. Хотите получить Библию - просите, как я".

Все смотрели на меня с открытым ртом. Они были поражены, услышав, каким образом я получил Библию, Им хотелось, чтобы я больше рассказал им о Боге. Тогда я не знал, что значит быть проповедником, Все, на что я был способен, это передать содержание Слова Божьего, то есть то, что я запомнил, поэтому я наизусть прочитал им от начала до конца все Евангелие от Матфея.

Не знаю, что поняли эти люди из моего выступления. Чтобы мне не сбиться, я быстро, не останавливаясь, прочел все, что вспомнил.

Когда я закончил, то почувствовал силу Духа Святого, и спел несколько псалмов из Писания, которые прежде никогда не разучивал.

Открыв глаза, я увидел, что Слово Божье пленило всех. Святой Дух обличил их во грехе. Все упали на колени и со слезами на глазах стали каяться. В тот вечер, а было мне тогда 16 лет, я познал силу и мощь Слова Божьего. Когда ты делишься им вдохновенно, искренне, оно касается сердец. На этом первом в моей жизни собрании многие милостью Божией отдали свои сердца Иисусу.

Я хотел идти, но они умоляли меня остаться и продолжить чтение Библии. Я отказывался, объясняя тем, что Бог повелел мне отправиться со свидетельством на юг, но они все равно не хотели меня отпускать, и так не дали мне уйти! Пришлось остаться и прочесть им первые двенадцать глав из книги Деяний. Затем я дал обещание, что запомню из Библии еще, и вернусь рассказать все, что узнаю сам.

Когда я собрался выйти из их села, ко мне подошла молодая женщина и спросила: "Ты сказал, что идешь на юг? А куда именно?"

"На юге есть один человек по имени Ю Цзин Чай. Я обещал ему, что сегодня утром пойду с ним в его село", - ответил я. Женщина удивилась и спросила, знаю ли я этого человека.

"Да, я его знаю", - ответил я.

"Но где же ты познакомился с ним?" - продолжала она спрашивать меня.

Я объяснил ей : "Я виделся с ним в видении, которое Бог послал мне сегодня утром". Тогда, не стесняясь слез, она расплакалась и сказала: "Человек по имени Ю Цзин Чай - мой брат!"

Эта сестра уверовала во Христа первой из всех ее родных. Потом она привела к Богу мать и брата. Хотя они теперь жили в разных селениях, все трое с постом молились обо мне. Господь соединил все так, как может только Он. Как удивительно потрудились здесь Святой Дух.

Жители села Гао трогательно, со слезами распрощались со мной.

Когда я оставил это село и направился домой, произошло нечто удивительное.

Расстояние между селом Гао и моим селом около шести километров. Большая часть пути здесь проходит узкими тропами, и на дорогу обычно уходит около двух часов. Поскольку брат Ю Цзин Чай, по всей видимости, уже дожидался меня в нашем доме, я пустился бегом, чтобы не заставлять его долго ждать.

Вот я бегу и увлеченно повторяю библейские стихи, не глядя по сторонам, как вдруг мгновенно, ничего не почувствовав и не заметив, я оказался в родном селе! Я вернулся домой не через два часа, а через несколько минут!

Мой опыт не поддается объяснению, но мне не забыть его никогда. Я думаю, что Бог здесь совершил чудо, подобно восхищению Филиппа (Деяния 8:38): "... Дух Святой сошел на евнуха, а Филипп восхитил ангел Господень, и евнух уже не видел его, и продолжал путь, радуясь. А Филипп оказался в Азоте и, проходя, благовествовал всем городам, пока пришел в Кесарию".

Когда я вошел в дом, матушка вся светилась от радости. Теперь она называла меня Самуилом. Она воскликнула: "Самуил, Самуил, приходил юноша, о котором ты сказал мне утром, Ю Цзин Чай. Он был одет точно так, как ты говорил".

Я спросил ее, где он теперь, но она ответила, что он уже ушел. Тогда я воскликнул в сердцах : " Ах, матушка, я же просил тебя задержать его до моего прихода! Я ведь должен был пойти с ним возвестить Благою весть в его селе".

На это матушка возразила мне: "Не волнуйся! Потерпи и дай мне рассказать тебе обо всем до конца. Когда этот милый юноша пришел к нам сегодня, я знала, что это был именно тот человек, о котором ты говорил мне сегодня утром. Его действительно звали Ю Цзин Чай. Когда я спросила его, действительно ли его зовут брат Ю, он очень удивился и потребовал сказать, откуда я знаю его имя. Тогда я спросила его: "Ведь тебя зовут Ю Цзин Чай? " Он почему-то страшно испугался и настойчиво спрашивал, откуда я знаю его полное имя. Я задала ему следующий вопрос : "Ты пришел просить моего сына пойти с тобой на юг, чтобы поделиться Благой вестью? "

Брат Ю удивился еще больше и спросил меня: "Ну, откуда вы все знаете? "

Я объяснила ему: "Братья и сестры постились и молились три дня, чтобы мой сын пришел к вам с проповедью Евангелия. Мой сын обещал, что пойдет с тобой. Но сегодня утром он пошел на запад и дома будет только под вечер. Не угодно ли тебе подождать его и выпить воды? "

Но брат Ю, услышав мои слова, так обрадовался, что тотчас бросился бежать домой. При этом он так торопился, что забыл у нас соломенную шляпу! Тем не менее, он успел сказать, что вернется за тобой на закате.

Итак, перед закатом Ю Цзин Чай был у нас во дворе. Весь в поту от долгого бега он выглядел таким, каким я запомнил его в сновидении. Я взял его за руку и сказал: "Я знаю, что ты брат Ю, с

друзьями молился три дня, чтобы я пришел к вам. Я видел тебя утром во сне. Иисус любит тебя. Теперь пойдем!"

Мы обнялись и вместе помолились. Теперь моя матушка в моем здравомыслии уже не сомневалась. Она возложила на нас руки и благословила, после чего мы с братом Ю, несмотря на темноту, отправились к нему в село на юг. В том селе я прочел людям все библейские стихи, которые знал наизусть.

Так в тот день в наших местах воссиял евангельский свет. Он стал светить не только на западе, но и на юге. Позднее за веру нас стали гнать и преследовать, но в первые дни все было так сладостно и восхитительно.

Бог изливал Своего Духа на многие отчаявшиеся сердца. Подобно людям, измученным жаждой в пустыне, они с радостью принимали воду Слова Божьего. Несмотря на то, что я тогда был подростком, в первый год моей христианской жизни Господь даровал мне приобрести для Иисуса более 2000 человек.

В то время мое восприятие "запада и юга" ограничивалось лишь окрестностями нашего села. Постепенно, год за годом эта территория по милости Божьей расширилась так, что в конце концов покрыла весь Китай и ближнее зарубежье.

Когда я благовествовал в селе Гао, Господь даровал мне способность петь перед народом песни из Священного Писания. Люди записывали слова, и таким образом запоминали эти песни.

Одна из песен была взята из Евангелия от Матфея, где Иисус говорит : " не противься злему, но кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую". Другая песня учила радоваться, когда нас гонят за истину. Еще одна песня предостерегала, что мы не должны уподобляться Иуде и отречься от Создателя.

То, что многие одновременно обратились к Иисусу, привлекло внимание властей. Всех христиан в селе Гао схватили и привели в полицейский участок. Полицейские требовали открыть : "Кто тебе рассказал об Иисусе? И как получилось, что вы обратились в эту ересь?"

Христиане же ликовали от радости. Они все твердили одно и то же: "Мы не уподобимся Иуде! Мы не отступим от нашего Господа Иисуса! "

Тогда полицейские начали избивать верующих, но те радовались еще больше. Они говорили : " Пожалуйста, господин, ударьте нас по другой щеке! " Христиане радовались и веселились.

Полицейские, утомленные побоями, наконец, сказали: "Все христиане — сумасшедшие!" Предупредив их в последний раз, отпустили домой.

Бог благословляет всю мою семью.

Я благодарен Богу за то, что Он спас всю мою семью.

Мой отец, в свое время чудесно исцеленный от злокачественной опухоли, через несколько лет ушел домой на небеса.

Мне было и тяжело и радостно в одно и то же время. Тяжело потому, что утратил отца в таком раннем возрасте, а радостно от того, что Бог спас его. Бог употребил болезнь моего отца, чтобы привести к подножию Креста все наше семейство.

Моя матушка, подобно Анне пророчице, "постом и молитвою служила Богу день и ночь" (Лк. 2:37)

Я благодарю Бога, что Он даровал мне не только замечательных родителей, но и добродетельную жену. Как записано в Слове Божьем: "Кто найдет добродетельную жену? Цена ее выше жемчугов; уверенно в ней сердце мужа ее, и он не останется без прибытка; она воздаст ему добром, а не злом, во все дни жизни своей" (Притчи 31:10 - 12)

Бог по милости Своей дал мне именно такую жену!

Делинь вышла за меня замуж потому, что любила и слушалась Господа. Наши матери были свахами. Мать Делинь, искренняя и честная женщина, всегда любила Бога.

Когда мы встретились с Делинь впервые, я сказал : " Бог избрал меня Своим свидетелем, чтобы я следовал за Ним крестным путем через большие страдания. Я нахожусь под постоянным преследованием властей, и, кроме того, я беден. Ты согласна, при таком положении вещей, выйти за меня замуж? "

Она ответила : " Не беспокойся, я никогда не оставлю тебя в беде. Мы станем одной плотью и будем вместе служить Господу".

Потом мы с Делинь пошли в отделение регистрации брака и, ответив на ряд вопросов, заполнили регистрационные бланки. Принимавший нас служащий попросил Делинь выйти и подождать в коридоре. Мне же велели пройти в другой кабинет, так как мое имя оказалось в списке разыскиваемых Комитетом общественной безопасности. Затем несколько прибывших полицейских арестовали меня.

Так началась наша совместная жизнь, но Делинь была верна мне и никогда не сожалела, что выбрала путь, на который, как она понимала, ее призвал Господь. Она пожелала идти путем креста.

Будучи моей женой, Делинь находилась под ужасным давлением своих родных, общины, властей и вообще со всех сторон, но она ни в чем не предала меня. Решив выстоять вместе со мной ради Господа, ей тоже пришлось пострадать в узах.

Разве я мог просить Бога о лучшей жене и подруге!

Через несколько дней после свадьбы мы с женой поехали на автобусе на важное совещание глав домашних церквей. На автобусной станции мы столкнулись лицом к лицу с председателем уездного Комитета по делам религий (КДР) Он опознал меня и схватил за воротник со словами : " Ни с места! Ты пойдешь со мной в отделение КОБ".

Он выхватил также сумочку Делинь.

Внезапно Дух Божий побудил меня бежать! Я крикнул Делинь: "Беги! ", и вырвался из рук полицейского прежде, чем тот понял, что происходит. Тогда он швырнул сумочку Делинь на землю и погнался за мной. Он бежал за мной и кричал: "Шпион! Хватайте шпиона! " На автобусной остановке возникло настоящее столпотворение. Я перепрыгнул через каменную ограду и ускользнул от толпы. Это было чудо. Потом в народе говорили, что человеку невозможно преодолеть преграду такой высоты. В общей суматохе удалось убежать и Делинь.

В уездный комитет общественной безопасности доставили сумочку моей жены, где нашли адрес собрания глав домашних церквей. Кобовцы явились туда и арестовали некоторых пришедших на собрание.

Делинь.

Я хочу рассказать вам, как мы познакомились с Юном.

Однажды, после того как я стала христианкой, мы пришли в близлежащее село, где раз в год проходило большое служение. Я была новообращенной, и мне надлежало креститься.

Это было ноябрь, и дни стояли холодные. Из соображения безопасности, крещение начиналось около полуночи. Нам думалось, что кобовцам не захочется оставить свои теплые постели посреди холодной ночи, чтобы помешать нам, но мы просчитались. Они прибыли в первом часу ночи и арестовали сразу более ста христиан.

Новообращенных, в том числе и меня, крестил брат Юн. Кобовцы велели строиться всем в две шеренги, чтобы переписать наши имена. В шеренге стоял и брат Юн, но когда полицейские ослабили контроль, он убежал. Бог ослепил глаза полицейских, и они просто не увидели его.

До этого мне уже не раз приходилось встречаться с братом Юном несколько раз, поскольку наши собрания в ночь на воскресенье проходили у него дома, но последние события, в связи с крещением, произвели на меня неизгладимое впечатление. Брат Юн показался мне слегка ненормальным!

Согласно старинным обычаям свадьбу нам справляли наши матери. Получив исцеление и спасение, моя мать решила, что должна подыскать мне в мужа непременно проповедника. В нашем уезде имелся только один холостой проповедник - это был Юн! Моя мать встретила с матерью Юна и они договорились о свадьбе.

Подобное решение обошлось моей матери дорого. Когда она объявила родным, что я выхожу замуж за проповедника, отец и братья пришли в ярость. Для них было лучше, если бы я вышла замуж за любого нищего, чем за проповедника. Они знали, что Юн был бедным, и не ждали от него ни подарков, ни денег в качестве выкупа за невесту. С их стороны было сделано все возможное, чтобы расстроить наш брак, но моя мать проявила в этом деле непреклонность.

В то время именно так в наших местах и устраивались браки.

Теперь все больше молодых людей самостоятельно решают вопрос брака, хотя многие браки еще устраиваются родителями.

Однако после помолвки, утвержденной моими родными, никаких встреч у меня с Юном не было; и, хотя его село находилось всего лишь в полутора километрах от нашего, встретиться и поговорить перед свадьбой хотя бы раз мы не имели возможности. Отца Юна я не знала, он скончался прежде, чем мы поженились.

И вот наступил день свадьбы. Я была наивной девушкой 18-ти лет. Моя мать сказала, что хотя Юн и очень бедный проповедник, я должна выйти за него замуж. Я не посмела ей перечить. Я не имела представления, что такое замужество, и не знала, что ожидает нас впереди. Я была всего лишь молодой девушкой, очень простой и невинной.

Перед свадьбой, чтобы получить разрешение на брак, мы с Юном пришли в уездный отдел регистрации брака. Исполнив при этом обычные формальности, я стала ожидать Юна в коридоре, но он так и не вернулся. Я больше не смогла ждать и вернулась домой.

Только потом я узнала, что произошло на самом деле. Когда Юн заполнял в отделе регистрации необходимые бланки, служащие обратили на него внимание и нашли, что он разыскивается кобовцами, как незаконный проповедник, вот почему его арестовали! Им уже было известно, что Юн благовествовал по всему уезду.

Вот как началась наша с Юном совместная жизнь! Юна арестовали, и наша свадьба состоялась больше чем через год после помолвки.

Свадьбу справляли двадцать восьмого ноября 1981 года в теплый солнечный день. Свадебную церемонию, которая проходила в доме Юна, проводил пресвитер Фу. Здесь поставили больше двадцати столов, за каждым разместилось по восемь - десять гостей, так что на пиршестве было около двухсот человек. Согласно нашим обычаям свадьба состоялась в доме жениха, и моих родителей не пригласили. На свадебной церемонии присутствовали все братья и сестры, а также семья Юна и его родственники.

Как сейчас помню, сначала была проповедь, а потом пресвитер Фу благословил нас. С тех пор мы муж и жена!

Во время медового месяца мы поехали на собрание в другую домашнюю церковь. С нами была одна сестра во Христе. Не успели мы выйти из автовокзала в Наньяне, как председатель К Д Р нашего уезда опознал моего мужа и схватил его за воротник.

Мы с сестрой помчались в туалет и начали разбирать Библию Юна и другие христианские книги на тетради. Мы знали, что у нас будут крупные неприятности, если обнаружат у него запрещенные книги.

Между тем, этот человек стал громко оглашать преступления Юна, которые он якобы совершил, Юн пришел в сильное возбуждение, вырвался от него и убежал. Мы встретились с ним в тот день уже гораздо позже.

Через три - четыре месяца после нашей свадьбы мы встретились в одном собрании километрах в тридцати от нашего дома. Однажды после ареста Юн бежал из-под стражи и с того времени был в розыске. Вернуться домой он уже теперь не мог. Тем не менее, скрываясь от полиции, Юн благовествовал на территории всего Китая.

До того брат Су познакомил нас с Чжаном Ронляном, и Юн стал трудиться вместе с Джаном. Хотя братья Су и Джан возглавляли разные сети китайских домашних церквей, вот что говорил моему мужу брат Су : "Ты идешь к ним в качестве представителя нашего движения, так что смиришься и стань благословением для группы Джана".

Переживания, связанные с тем, что Юна разыскивала полиция, и повседневные тяготы превысили тогда мою меру. В то время я забеременела, а через несколько месяцев случился выкидыш. Так мы лишились мальчика.

Было страшно тяжело, когда на вокзале или на автобусной станции я видела объявления " Разыскивается..." с фотографией мужа, преследуемого законом.

И все же быть женой Юна было захватывающе интересно! Женское начало во мне часто стремилось к налаженному быту и устроенной семейной жизни, но гонения и устроенный быть обычно несовместимы.

Путем гонений

Церковь в нашем уезде возрастала как в благодати, так и в численности, поскольку Бог совершал спасение множества людей и многие горели желанием приобретать новые души. Однако вскоре мы столкнулись с противодействием. Власти поднялись на нас потому, что число уверовавших во Христа неуклонно возрастало. Раньше в нашем уезде не было христиан.

Посчитав главой нашей церкви мою мать, власти начали ее преследовать. Ее водили по улицам с шутовским колпаком на голове, и заставляли посещать уроки "перевоспитания", чтобы "помочь ей избавиться от ложных убеждений".

После того, как руководить общиной стал я, гонение перекинулось с матери на меня. К матери стали приходить представители власти с расспросами о моем местонахождении, но она обычно не обращала на них внимания или делала вид, что не понимает, о чем они говорят. Через некоторое время ее оставили в покое, полагая, что она сошла с ума.

За проповедь Евангелия меня впервые арестовали в 17 лет. В последующем аресты и допросы в отделениях КОБ не прекращались.

Однако эти гонения не ослабляли нас, а делали сильнее. Чем больше преследовали нас, тем больше рвения и любви проявляли мы в деле благовестия.

Мы напоминали Израиля, которого поработили в Египте : " Но чем более изнуряли его, тем более он умножался и тем более возрастал, так что опасались сынов Израилевых" (Исход 1 :12)

В 1977 году умер мой отец. В последние дни он слабел и ничего не ел, и, наконец, в возрасте шестидесяти лет отошел в вечность. Раковая опухоль не дала метастазов.

Я тяжело перенес смерть отца. Я знал, что он спасен и теперь пребывает на небесах, но ужасно тосковал без него. Он был для меня поддержкой в служении и всегда побуждал меня служить Господу всем сердцем.

Зимой 1978 года мы впервые начали преподавать водное крещение. Новообращенных приходилось крестить в проруби, в ледяной воде ночами. Это было относительно безопасно, поскольку в это время полиция обычно дремлет. Не раз мы сотнями крестили людей в реках и в ручьях южного Хэнаня. Иногда Бог являл чудо: никто из крестящихся не ощущал ледяной воды. Некоторым вода казалось теплой!

В конце 1970-х годов к Богу ежедневно обращалось множество людей. Они имели насущную нужду в наставлении и утверждении в вере. Мне было едва за двадцать, но меня уже считали зрелым руководителем церкви и одним из " старейших " христиан. Я ведь обратился к Богу в 1974 году!

1980-й год стал необычным для церкви в Хэнане. Он запомнился нам как год, в который Бог постоянно творил знамения и чудеса, так что Слово Иисусово достигало множества людей. Тот замечательный год был свидетелем громадного роста Церкви. Позднее многие братья,

обращенные с 1980 года, стали главами Церкви Божьей во всем Китае. Хэнань превратился в китайскую Галилею, откуда, как известно, происходили многие из учеников Иисуса.

На одном собрании в уезде Наньян сотням людей (как верующим, так и неверующим) было видение прекрасного корабля, плывущего в море облаков над местом собрания. Многие под воздействием этого знамения каялись в своих грехах и посвящали свою жизнь Христу.

В селении Фэн Шуэйлинь (в переводе с китайского «Водораздельный хребет»), что тоже находится в уезде Наньян, после долгой и тяжелой болезни лежал при смерти один неверующий. Его родные никогда не слышали Благой Вести. И вот, однажды ночью, этому человеку явился Иисус и сказал : " Меня зовут Иисус. Я пришел спасти тебя".

Селение Фэн Шуэйлинь расположено в отдаленной гористой местности, которую наши проповедники еще не посещали. Там не было ни церкви, ни пастора, и когда я впервые попал в эту местность, то поразился тому, что Благая Весть достигла здесь многих сел, и множество семей приняли веру Христову. Но что удивляться, если Сам Иисус проповедовал им! Эти новообращенные теперь жаждали получить наставление из Его Слова.

В декабре 1980 года, за несколько недель до Рождества, сатана решил приступить к нам с сильными искушениями и обольщениями. Временно ослабив гонения и преследования, он начал лукавить и вводить нас в заблуждение. Местное правительство организовало съезд ста двадцати религиозных представителей со всего уезда. На съезд пригласили глав исламских, буддистских, даосских и христианских конфессий.

Тогда мы ничего не знали об основанном правительством движении " Патриотическая церковь трех благ"(ПЦТБ). Под "тремя благами" понимали три фундаментальных принципа этого политического движения : самораспространение, самообеспечение и самоуправление. Многие христиане посчитали это дело неплохим и обрадовались тому, что, по всей видимости, занимается заря нового дня, когда верующие будут поклоняться Богу свободно, без вмешательств и преследований со стороны государства. Я отправился на этот съезд, внутренне готовый присоединиться к новой церкви, и даже стать ее главой в нашем уезде, если это будет угодно Богу.

Съезд был организован объединенными усилиями местных отделений КДР и КОБ. Для каждой религиозной ассоциации на съезде предлагалось избрать своего председателя и своих членов комитета. Глава местного отделения КДР пригласил на это собрание меня, поскольку я пользовался репутацией евангельского проповедника, и, кроме того, у меня имелась Библия.

Больше девяноста процентов делегатов хотели видеть председателем христианской ассоциации меня, хотя некоторые публично оклеветали меня, называя пастором - самозванцем, поскольку я не учился в семинарии.

Один человек по имени Хо выступил в качестве моего главного обвинителя, так как на месте председателя ему хотелось видеть самого себя. Он утверждал, что уверовал в Иисуса с тех пор, как был еще во чреве матери! Однако все знали, что Хо во время культурной революции отрекся от Господа и исповедовал совершенно либеральное, сконцентрированное на человеке богословие.

По ходу съезда Хо гордо объявил себя более квалифицированным пастором, чем я, поскольку учился в семинарии и миссионерской школе еще до 1949 года. Он убеждал делегатов в том, что именно он лучше всех позаботится о делах Церкви в нашем уезде.

Хо сказал, что государство должно выступить против меня и моих сотрудников, поскольку мы ходили повсюду, незаконно благовествуя, исцеляя больных и изгоняя из людей бесов. Он говорил, что нас следует остановить, ведь мы нарушаем общественный порядок и угрожаем миру и стабильности.

На заседании этот человек пришел в ярость и стал кричать на меня. Пока мог, я оставался спокоен, но потом я почувствовал, как во мне вспыхнул огонь Божий, как у Иисуса, противостоящего менялам в храме.

Когда Хо закончил свою речь, поднялся руководитель местного отделений КОБ и предложил ему продолжить выступление против «лжехристиан» (наподобие Юна). Радостно потирая руки, он сказал: "Пожалуйста, расскажи нам все, что ты знаешь о том, как Юн и его товарищи нарушали общественный порядок. Поведай о греховности христианства. Расскажи, как эти самозванные пасторы хотят погубить наш народ".

Таким вниманием и почетом Хо был явно польщен и снова поднялся. Он гордо объявил: "Мы, подлинные христиане, имеем много жалоб против лжехристиан наподобие Юна".

Тут я вознегодовал на то, что этот человек клеветает и бесчестит Церковь Божью пред неверными. И уже не мог сдержаться. Я встал со своего кресла и повелел ему именем Иисуса Христа замолчать!

На съезде поднялся страшный шум. Я исполнился силой Духа Святого и объявил им слова Господни: "Это съезд негоден Богу!"

Я указал пальцем на людей, называющими себя верующими: "Вас, робкие сердцем, осудит Бог. Библия призывает не преклоняться под чужое ярмо с неверными. Могут ли свет и тьма уживаться вместе? Церковь Бога живого не должна иметь никакого общения с идолами. Бог и Его Церковь будут судить вас!"

Не успел я закончить своего выступления, как некоторые братья и сестры подбежали ко мне со слезами на глазах и усадили меня в кресло, умоляя остановиться во избежание страшных последствий.

Сотрудники КОБ и руководители религиозных общин пришли в бешенство. Они вскочили и стали бить по столу кулаками. Они угрожали мне: "Что возомнил о себе! Как ты смеешь срывать этот съезд? Приглашений на следующий съезд не жди!"

Услышав это, я тотчас встал и объявил: "Я уезжаю. И никогда больше не приглашайте меня на подобные собрания!"

Вот как Господь вел меня, чтобы мне посвятить свою жизнь делу евангелизации Китая и росту домашних церквей. С того дня я понял, что Царство Божие ни при каких условиях не должно связываться с политикой. Конечной целью марксистского учения является полное уничтожение всякой религии. Непорочная Невеста Христова никогда не будет под пятой атеистического государства и не поставит над собой людей, ненавидящих Бога!

Истинная Церковь является не организацией, управляемой земными уставами, а святым собранием живых камней с краеугольным камнем Иисусом Христом.

Покидая зал съезда, я почувствовал себя свободным как птица. Новая песнь родилась в моем сердце :

Вослед за Иисусом, пустившись из дома,

Свой крест я в туманные дали понес.

Деля свои тяготы с Господом Богом,

Евангелия радость я многим принес.

Пусть хлещут навстречу холодные ветры,

Потоки из слез омывают лицо,

И множество тягот ложится на сердце -

Они не отлучат меня от Него!

Господь утешает меня благодатью,

храня в совершенной любви от всего.

Я помолился : " Господи, куда мне идти? Господи, что будет со мной? "

И Бог тотчас напомнил мне слова из книги Иеремии 1 :5-8

" Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, я осветил тебя: пророком для народов поставил тебя. А я сказал: о, Господи Боже! Я не умею говорить, ибо я еще молод. Но Господь сказал мне : не говори " я молод" ; ибо ко всем, к кому пошлю тебя, пойдешь, и все, что повелю тебе, скажешь. Не бойся их; ибо Я с тобою, чтобы избавлять тебя, сказал Господь".

В последующие недели и месяцы Бог стал учить меня отличать Его Церковь от китайской "Патриотической церкви трех благ".

Мы знали, что патриотическое движение трех благ было целиком и полностью изобретением китайского правительства, которое в собственных политических интересах поручило "открытым, законным" церквям за соответствующую мзду управлять христианами.

Верующие из "Патриотической церкви трех благ" напоминают нам птиц в клетке. Да, они способны петь Богу, но окружающая среда сдерживает их, подрезает им крылья. Они свободны петь в пределах ограничений, наложенных на них. В домашних церквях мы радуемся и поем Ему из глубины сердца. Мы вырвались из клетки, и уже никогда не вернемся туда!

Известно, что птицы, посаженные в клетку, не имеют потомства. То же верно и в отношении большинства верующих "Патриотической церкви трех благ". Христиане же домашних церквей имеют свободу и благовествуют по всей стране, куда направит их Бог. В этих условиях воспроизводство учеников Христовых происходит в ускоренном темпе!

Мы знаем, что в наше время разрешенную правительством китайскую церковь посещают немало истинных последователей Иисуса. Я лично знаю многих и ценю их. Проблема вовсе не в птицах, содержащихся в клетке "Патриотической церкви трех благ", а в коррумпированном руководстве этого политического движения и в политической власти, которую используют для управления людьми.

Коррумпированные лидеры "Патриотической церкви трех благ" строжайшим образом ограничили деятельность пасторов и членов их общин. Никакое служение недопустимо без их согласия. Благовестию всячески препятствуют. Всякое детское служение строго воспрещается. Запрещено также проповедовать на определенные библейские темы, например, о Втором пришествии Господа Иисуса. Нельзя учить о божественном исцелении, а также об изгнании бесов. Не следует проповедовать по книге Откровение!

В домашних церквях мы просто не потерпели бы подобного вмешательства и манипуляций. Мы полагаем, что главой Церкви является Иисус, а вовсе не правительство. Мы отделились от "Патриотической церкви трех благ" и держим твердый курс на противостояние попыткам подчинить нас государственному контролю.

В ответ на это власти в Китае объявили долговременный сезон "охоты на птиц". Они не могут допустить существования свободных птиц, не желающих попасть в неволю. Иногда они ловко заманивают этих птиц в ловушку и сажают их в железные клетки, но даже там свободные птицы несут яйца и воспроизводят себе подобных, приобретая множество душ для Господа и за железной решеткой. С того времени мы перешли на метод "убегающих проповедников". Попросту говоря, мы проповедовали слово Божье, а потом бежали из одного места в другое, преследуемые полицией, как и повелел делать Своим ученикам Иисус: "Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой" (Матфей 10:23).

В июле 1981 года, будучи арестован во время собрания, я чудом избежал тюремного заключения. (Это было многолюдное собрание верующих из ста двадцати домашних церквей). Под покровом тьмы мне удалось бежать, когда полицейский автомобиль остановился на станции технического обслуживания, чтобы подкачать спустившуюся шину. Той ночью, лежа на влажной земле, я молился Богу: "Почему они гонят нас? Почему Ты не можешь защитить нас?"

И тогда Дух Святой напомнил мне два стиха из Писания :

"Ибо вы к тому призваны, поскольку и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его" (1 Петра 2 : 21).

"И даст вам Господь хлеб в горести и воду в нужде; и учителя твои уже не будут скрываться, и глаза твои будут видеть учителей твоих; и уши твои будут слышать слово, говорящее позади тебя : вот путь, идите по нему, если бы вы уклонились направо и если бы вы уклонились налево" (Ис. 30 : 20-21).

Господь снова напомнил мне, что Он призвал меня благовествовать западу и югу. Милости Божьей довольно для нас, и Его пути выше путей наших. Нам следует покоряться Богу и принимать от Него все, чему Он дает случиться. Иногда наступают времена мирные, иногда - времена сражений и гонений. Но те и другие времена приходят от Господа, чтобы сделать нас сосудами, удобными Ему.

В то время большинство наших сотрудников не могли вернуться домой, поскольку они были объявлены полицией в розыск. Если бы они вернулись домой, они были бы немедленно арестованы. Вот почему они рассеялись и благовествовали по всем городам и районам.

И моя жена не могла явиться домой. Полиция приходила в дома христиан и производила конфискацию всего имущества. Наше служение стало ночным. Мы собирались тайно по ночам, и скрывались днем, чтобы нас не могли обнаружить.

Пример, оставленный ранней церковью, стал для нас большим ободрением. Мы понимали, что в происходящем с нами не было ничего нового. Множество верующих во все времена с терпением переносили подобные испытания до конца.

Слово Божие утешало и укрепляло наши сердца. "Вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий, то сами среди поношений и скорбей служа зрелищем для других, то принимая участие в других, находившихся в таком же состоянии; ибо вы и моим узам сострадали и расхищение имения вашего приняли с радостью, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее" (Евр. 10 : 32-34).

Евангелие в течение многих веков всячески пыталось найти точку опоры на упрямо уклоняющейся от истины китайской земле. Наша земля была слишком каменистой для евангельских семян, однако Бог в Свое время добился цели, основав здесь Свою Церковь. Страдание, преследование и узы сделали так, что Христово Евангелие стало распространяться в Китае повсюду, причем ускоренным темпом. Если бы наша жизнь была более комфортной, то мы, по всей видимости, никогда не оставили бы своих домов. Мы же постоянно переходили с места на место, спасаясь от гонений, и благовествовали во многих провинциях, которые до того Благой Вести никогда не слышали.

Наньянское отделение КОБ разослало по почте ордера на мой арест. Меня обвиняли в нарушении общественного порядка. Доски объявлений на автобусных остановках и железнодорожных платформах, стены и сотни телеграфных столбов были обклеены нашими фотографиями и объявлениями о нашем розыске. Переодетые кобовцы слонялись по общественным местам, готовые арестовать меня.

Меня уже задерживали несколько раз при разных обстоятельствах, но каждый раз Господь помогал мне избежать ареста, спасаясь бегством.

Однажды мы проводили большое собрание в сарае на одной отдаленной ферме. Святой Дух действовал с такой силой, что верующие молились и славили Бога несколько ночей подряд. В одну из ночей мне было просто необходимо выспаться. Я вышел из сарая, где происходило богослужение и оттуда доносилось громкое пение, и улегся в поле на приличном расстоянии.

Я крепко спал, когда прибыли кобовцы и начали арестовывать служителей. Их затолкали в машины и доставили для допроса в полицейский участок. В полиции знали, что на этом собрании выступал я, и им очень хотелось арестовать меня. Кто-то выдал, что я где-то отдыхаю, хотя никто не знал, что я отправился спать в поле.

Полицейские перевернули вверх дном все строение, но найти меня не смогли. Затем они догадались выключить дизельный генератор и в наступившей ночной тишине попытаться определить мое местонахождение.

Вскоре они услышали шум, доносившийся с кукурузного поля. Так громко я храпел!

Кованные башмаки полицейских тотчас разбудили меня. Однако я спал в поле, а не в сарае, так что властям не удалось доказать, что я принимал участие в собрании, и тогда меня нехотя отпустили.

Подобные происшествия были первыми за многие годы испытаний и гонений. Господь научал нас тому, что значит идти путем гонений.

Делинь.

В начале 1980 годов ни у кого из нас не было своей Библии. На сотни верующих нашей церкви имелся только один экземпляр Нового Завета. Мы начали получать Библии немного позже, по завершении операции "Жемчуг", в результате которой отважные христиане зарубежных стран доставили в нашу страну миллион Библий на китайском языке. Все Библии были отсыревшими, так что нам приходилось высушивать их на солнце страницу за страницей, но это было неважно. Эти Библии стали для нас дороже золота!

В те дни, когда Юн выступил против марионеточной "Церкви трех благ", мне было видение от Господа. В этом видении я подошла к зеркалу на стене. Всмотревшись, я увидела в нем себя с двумя Книгами на голове.

В видении я могла летать как птица. Мне было так просторно! Потом с Книгами на голове я приземлилась на скале. И вот я стою на скале, и много озлобленных мужчин и женщин освистывают меня и бросаются в меня грязью. Они хотели поймать меня, но, когда было нужно, мне всегда удавалось отлететь от них.

Господь показал мне, какой станет моя жизнь с мужем. Мы будем свободны в Духе, но у нас будет множество врагов, которые постараются уничтожить нас. Мы можем летать в Духе, однако, всякий раз приземляясь, мы будем гонимы.

Таким было ясное откровение о моем будущем. В то время я не поняла этого видения, но годы шли и я видела, что все происходит так, как Господь показал мне тогда.

"Бог Петра - твой Бог".

В 1983 году по всему Китаю отмечался рост преступности - свирепые убийства, похищения людей, вымогательство и проституция. Правительство, утратившее контроль над ситуацией, начало проводить кампании по борьбе с преступностью. Сотни преступников подвергались публичной казни.

К сожалению, правительство посчитало преступными и домашние церкви из-за нашего отказа зарегистрироваться в составе ПЦТБ, так что и мы стали мишенью этой кампании. Власти и руководство ПЦТБ заклеили отделившихся христиан "духовной нечистью". Сотни руководителей домашних церквей согнали в тюремно-трудовые лагеря. Многих верующих в Хэнане подвергли смертной казни за веру в Иисуса.

Во время ужасных гонений брат Су поделился со мной рядом важных идей. Он сказал мне: "Вопрос о будущем китайских церквей требует тщательного рассмотрения. Уповая на Бога, мы должны проявить верность в малом. Нам нужно понять смысл уроков, которые нам Господь преподает из Писания, нашей жизни, переживаний и страданий. И нам следует начать молитвенное служение в ожидании Божиих откровений. Организуем учебные центры и будем распространять Евангелие во всех уголках нашей страны. Чтобы утвердить Церковь Божию В Китае, мы обязаны подготовить отборных воинов".

Брат Су написал трактат под названием "Строительство домашних церквей в Китае". Здесь он выделил семь основных библейских принципов, которыми мы должны руководствоваться в практической деятельности.

Я благодарил Бога за то, что у нас появился конкретный план дальнейшего развития домашних церквей, ведь до сих пор у нас фактически не было общенационального плана евангелизации Китая. Благовестие в Китае расширяется с 1983 года до сего дня, и уже тысячи тружеников посланы на жатву в стратегически важные районы, не охваченные евангелизацией.

Покорившись водительству Святого Духа, мы сосредоточились на провинции Шэньси, где ощущался недостаток евангельских тружеников. Немногочисленные сельские домашние церкви испытывали огромную нужду в ободрении и фундаментальном учении. В провинции Шэньси расположен город Сиань, древняя столица Китая. Эта провинция имела репутацию одной из самых неподдающихся евангелизации китайских провинций.

Однажды на молитвенном собрании в Хэнане, я услышал от глав домашних церквей, что ими получено письмо из церкви в Шэньси, где нас просят послать благовестников в их среду, чтобы помочь насаждать церкви. Мне сказали: "Последние дни мы постились и молились об этом. Брат Юн, Бог положил нам на сердце, что Ему угодно отправить тебя на запад, в Шэньси. Отправляйся без промедлений и возьми с собой двух наших сотрудников. Обе сестры никогда не участвовали в евангелизации, так что, преподай им уроки благовестия по пути. Евангельские труженицы искренне желают приводить людей к Богу".

Прежде, чем отправиться в Шэньси той же ночью, мы стали молиться Богу о подготовке сердец к принятию Его Слова. Неожиданно во время молитвы мне было ужасное видение, которое поколебало мое сердце. Я поразил их своим восклицанием: "Аллилуйя! Кровь Иисуса победила тебя!"

Все перестали молиться, их заинтересовало, что это со мной. Пот с меня катился градом, когда я рассказывал им следующее: "Только что мне было ужасное видение. Черное, отвратительное существо явилось за мной. У него было страшное, искаженное лицо. Придавив меня к земле, оно уселось на меня, так что я не мог даже шевельнуться. Одной рукой чудовище вцепилось мне в горло и начало душить, другой схватило что-то вроде железных клещей и пыталось ими зажать мне рот. Я едва дышал. Тогда я увидел большого и сильного Ангела, летящего ко мне. Из всех сил я ткнул пальцами в глаза дьявольского существа. Оно свалилось с меня, и Ангел унес меня в целости и невредимости. Тогда-то я и воскликнул: "Аллилуйя! Кровь Иисуса победила тебя!"

После того, как я рассказал о видении, мы помолились и стали участвовать в вечери Господней. Мы предали себя в руки Господа. Трое из нас - две молодые сестры и я - отправились в уезд Сяньян, что в провинции Шэньси. Сяньян представляет собой гористую труднодоступную местность на юго-востоке этой провинции. Большинство тамошних бедняков никогда прежде не встречали чужих людей.

Местные верующие, уже знавшие о нашем прибытии, организовали вскоре трехдневный семинар, на который пригласили глав домашних церквей из нескольких уездов Шэньси. В первый день семинара я говорил об истории христианства и миссионерском служении от времен ранней церкви до сего дня. На второй день, около часа пополудни, у меня пропал голос. Местные верующие предложили мне отдохнуть, а вместо себя поставить на служение моих сотрудниц. Я попросил сестру Цзюан проповедовать на тему спасения через Крест.

Ни одна из них прежде не выступала перед народом. Обе никогда даже не видели такого скопления людей! Сестра Дзюан так разволновалась, что упала на колени и зарыдала. Библия выпала у нее из рук на землю. Все сочувствовали ей и стали за нее молиться.

Меня отвели в комнату, где можно было прилечь. Укладываясь, я стал размышлять о проповеди, с которой выступил утром.

Внезапно послышался грохот! Несколько кобовцев выбили дверь моей комнаты и, схватив меня, придавили к койке. Один из них уселся на меня, придавив всем своим телом. Одной рукой он схватил меня за горло, другой вытащил удостоверение личности и закричал: "Мы из Комитета общественной безопасности. А ты кто такой?"

Тотчас мне припомнилось видение с чудовищем.

Два других кобовца заломили мне руки за спину и связали их, а затем и всего меня обмотали веревками. Один из них заметил деревянный крест на стене с начертанными на месте пересечения словами: "Ибо так возлюбил Бог мир". Слева и справа можно было прочитать: "Он умер на кресте", и "Он возложил на Себя грехи всех нас".

Полицейские прочли эти слова и громко рассмеялись. Они сорвали этот крест со стены и привязали его к моей спине. Затем они стали с остервенением пинать меня. Град ударов прошелся по моим рукам, ногам и бокам.

Тут вбежал хозяин дома и, встав перед кобовцами на колени, умолял их освободить меня. Он сказал: "Он добрый человек. Он не сделал ничего плохого. Пожалуйста, арестуйте меня вместо него".

Полицейские пинками вытолкали его из комнаты. При этом они кричали: "Тебе никогда не расплатиться за этого человека".

Так я впервые удостоился чести понести крест Христов на себе, причем в буквальном смысле слова! Кобовцы с торжествующим видом повели меня, окровавленного и избитого, в поселок Сяньян. Тут Святой Дух напомнил мне одно место Писания: "Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, поскольку мы сделали позором для мира, для Ангелов и человеков". (1 Кор. 4 :9)

Когда жители этого поселка увидели меня связанным с большим красным крестом на спине, тотчас распространился слух о том, что явился "Иисус из Хэнаня". Собралось множество людей, чтобы стать очевидцами этого замечательного представления.

Когда меня вели по улицам городка как преступника, впереди очень медленно двигалась милицейская машина. Из репродуктора доносилось: "Этот человек явился из Хэнаня, чтобы проповедовать Иисуса. Он нарушил общественный порядок, смущал народ, и сегодня сотрудники Комитета общественной безопасности обезвредили его. Его ждет строгое наказание".

Полицейские заставили меня встать на колени на грязной дороге, били кулаками в грудь и по лицу кованными башмаками. Мое лицо было залито кровью. Стало невыносимо больно, и я впал в полубоморочное состояние.

Меня подняли и заставили идти дальше по другой улице. Я шел, шатаюсь из стороны в сторону. Им непременно хотелось наказать меня перед лицом как можно большего количества людей.

Поднимая голову, я мельком видел толпу народа. Некоторые жалели меня и громко плакали. Видя это, я укрепился в своей вере. Когда представилась возможность, я нежно сказал одной женщине: "Пожалуйста, не плачьте обо мне. Плачьте о погибающих душах в Китае".

Услышав мой голос, люди стали плакать еще громче. По улицам меня гоняли до самого вечера. К ночи меня привели в большой внутренний двор полицейского отделения.

Меня не развязали, отвязали только деревянный крест. Потом меня заперли в большом помещении. Как я заметил, дверь здесь была стальная, запоры тоже.

Вскоре появились полицейские, судя по лицам, настоящие злодеи. По их голосам я понял, что они со мной шутить не станут. Господь же говорил к моему сердцу: "И за семью замками Отец сохранит тебя".

Они закричали мне: "Откуда ты взялся?"

"Из Хэнаня", - ответил я.

Тут я вспомнил, что в Хэнане я был объявлен в розыск как преступник. Мне не хотелось называть им ни своего уезда, ни города, ведь этим я мог принести много неприятностей тамошним верующим. Вот почему я закрыл рот и больше не отвечал на их вопросы.

Бог хотел, так думалось мне, чтобы я, как Давид в библейской истории, притворился безумным. Что я и сделал. Не говоря ни слова, я упал на землю, и закатив глаза, стал биться как припадный. Испуганным кобовцам показалось, что я и в самом деле сошел с ума.

Между тем снаружи столпились зеваки и из праздного любопытства заглядывали в окна.

Один из полицейских отправился в смежное помещение позвонить в Хэнань, чтобы у тамошних властей разузнать обо мне. Другие следователи пошли с ним послушать этот разговор. Оставив меня одного, дверь прикрыли. Я все еще был туго связан веревками и не видел никакой возможности бежать. Зевак снаружи тоже заинтересовал телефонный разговор, и они столпились у окон смежного помещения, чтобы ничего не упустить.

В этот миг, когда никто не видел меня, Дух Святой сказал моему сердцу: "Бог Петра - твой Бог". И тут я вспомнил, как ангелы отворили тюремные ворота для Петра, и он просто вышел. "Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, кто имеют наследовать спасение?" (Евр. 1 :14)

Веревки, которыми были связаны мои руки за спиной, сами по себе внезапно ослабли! Я решил бежать, но веревки распутывать не стал, - если меня поймают, то скажу, что искал туалет. И вот по-прежнему, держа руки за спиной, я зубами повернул дверную ручку и вышел из помещения!

В этот миг Бог даровал мне и веру и отвагу. Я напомнил себе, что Кровь Иисуса Христа защищает меня, Во внутреннем дворе я прошел сквозь толпу зевак. Никто из них не остановил меня и не сказал ни слова! Бог как бы ослепил их глаза, и они не увидели меня.

Я прошел через внутренний двор к туалетам, расположенным метрах в десяти от помещения, где проходил допрос. Там я быстро освободился от веревок. Мои руки и плечи онемели, так как связанным меня держали уже очень долго.

Главные ворота полицейского отделения оказались взаперти, так что бежать отсюда можно было, только перепрыгнув через бетонную стену высотой около двух с половиною метров. Сверху стена была усеяна битым стеклом. Взглянув на бетонную стену, я попросил Бога исцелить мои руки и тело. Я решил перепрыгнуть через нее. Другого пути у меня не было. Я оказался в ловушке, в любой момент могли появиться полицейские и схватить меня. То, что случилось затем, не укладывается в рамки человеческого понимания. Однако то, что я собираюсь вам рассказать, является сущей правдой, Бог свидетель.

Сначала я подпрыгнул и уцепился за край стены, потом как мог подтянулся и увидел с другой стороны септический отстойник шириной метра в три.

Я уже едва держался за край бетонной стены с внутренней стороны, как вдруг неведомой силой я был поднят и переброшен через стену, и даже через отстойник! Мне тотчас вспомнилось Писание: "С Тобою я поражаю войско; с Богом моим восхожу на стену" (2 Царств 22 : 30).

Бог Петра чудесным образом помог мне преодолеть бетонную ограду и бежать! Думаю, что по Его поручению здесь действовал тот же самый Ангел, что явился мне в последнем видении. В горах стояла густая тьма. Я бежал наугад по холмам и лесам, не имея понятия, где нахожусь. Мне хотелось уйти от полицейских как можно дальше.

Я бежал, а из сердца лились псалмы, преисполненные благодарности Богу: "Во тьме восходит свет правым; благ он и милосерд и праведен. Он вовек не поколеблется; вечно в памяти будет праведник. Не убоится худой молвы: сердце его твердо, уповая на Господа. Утверждено сердце его: он не убоится, когда посмотрит на врагов своих" (Пс. 111 : 4, 6-8).

Пока я бежал, мои ноги не раз подкашивались, но Бог по Своей великой милости поддерживал меня. Через несколько часов я преодолел два горных хребта и перешел вброд речку. Внезапно в темноте я услышал чей-то голос: "Брат Юн, куда это ты?"

Какой-то человек приблизился ко мне и сказал: "Брат Юн, на кого ты похож!" Он увидел кровь и раны на моих руках и заплакал: "Что случилось?"

Было около полуночи, я не мог рассмотреть, кто это, и спросил шепотом: "Ты верующий? Ты знаешь меня?"

Оказалось, что вчера вечером и сегодня утром он был в собрании, но когда я потерял голос и пошел отдохнуть, он отправился на ферму, чтобы закончить там кое-какую работу. Ни о каких арестах в тот день он не слышал. Провидением Божиим этот человек оставил собрание за несколько минут до прихода кобовцев. У этого трудолюбивого брата было много неотложных дел по хозяйству, и он трудился в поле до полуночи, удобряя почву под зерновые культуры. Он старался восполнить время, которое у него ушло на последние собрания.

Я рассказал ему свою историю, как днем кобовцы схватили меня, и как Бог избавил меня от них, как Он помог мне бежать, и как я перепрыгнул через стену полицейского участка. "Где я теперь нахожусь? Ты поможешь мне?", - спросил я его.

Дорогой брат ответил мне : " Пойдем ко мне, там ты переоденешься ".

"Нет! - возразил я. "Сейчас не время. Важнее попасть к моим сотрудницам и пастору вашей церкви".

Ферма этого брата находилась далеко от места собрания. Он тут же оставил свою ношу и повел меня по очень узкой тропой вниз, пока наконец мы не оказались в доме, где меня накануне арестовали.

Когда мы зашли, то услышали громкую молитву. Местные верующие просили Господа о моем избавлении. Увидев меня, они не поверили своим глазам! Их поразило то, как Бог избавил меня от руки злодеев. Они заменили мою пропитанную кровью одежду, омыли раны и осторожно смыли кровь с лица и рук.

Затем я ободрил верующих Шэньси. Я помолился о них и предал их в руки Бога. Я учил их: "Утверждая души учеников, увещевая пребывать в вере и поучая, что многими скорбями надлежит войти нам в Царство Божие" (Деян. 14:22). Они твердо обещали делать все так, как учит их Слово Божье.

Все плакали.

Уже перед рассветом, после заключительной молитвы, мы втроем простились со всеми и отправились в другое место на машине. Встревоженные власти искали меня повсюду, но найти не могли. Через несколько дней мы благополучно вернулись в Хэнань.

Наша поездка на запад запомнилась обилием слез и чудесным избавлением из рук злых людей. Мы уповали только на милость Божью, излившуюся в ответ на горячие молитвы наших братьев и сестер.

Вернувшись в Хэнань, я встретился с братьями Су Фу, а также дорогой женой. Когда я увидел их, то прочел им следующие стихи из Писания: "мы не хотим оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Азии, поскольку мы отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых. Но сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскресающего мертвых" (2 Кор. 1:1-9).

Брат Фу, увидев меня, очень обрадовался и сказал, что несколько дней назад во время общей молитвы моей жене было видение : "Голос сказал ей: "Юн арестован в Шэньси. Его может спасти только чудо". Мы рассказали об этом видении церкви, и все тут же стали молиться о тебе и поститься". Слушая эти слова, слезы благодарности за любовь и милосердие Божие текли по моему лицу.

Позвольте мне теперь рассказать о том, что случилось с теми двумя молодыми сестрами, которые сопровождали меня в поездке а Шэньси. Вы помните, что сестра Цзюан была так взволнована, что упала на колени и стала плакать, когда я попросил ее выступить в собрании.

Бог замечательно потрудился в сердцах этих сестер. Обе решили остаться безбрачными, чтобы полностью посвятить себя служению Богу. Сегодня сестра Цзюан является одной из главных руководителей сети "Духовно пробужденные домашние церкви". Исполненная веры и отваги, она храбрее льва!

Делинь.

В то время мы были вынуждены жить в еще в большом неустойстве, хотя внутренне, я стремилась к устоявшемуся семейному быту, уюту и размеренной жизни рядом с мужем.

Твердо обязавшись следовать за Иисусом во что бы то ни стало, мы даже не подозревали, что может стоять за этим! 1983 год в Китае был ужасным. На руководителей домашних церквей объявили самую настоящую охоту. Их сажали за решетку, как настоящих преступников. Мы вынуждены были бежать. Для всех нас наступило напряженное и тягостное время.

Именно в то время мой муж отправился благовествовать в Шэньси, где еще никто не трудился. Через несколько дней после того, как Юн отправился в Шэньси, Господь, говоря со мной в видении, сказал, что Юна арестовали, но Он поможет ему спастись.

Это видение укрепило меня, я постигла тогда, что Бог всегда отвечает своевременно, У нас не было мобильных телефонов и других видов связи, но Был Господь, Который и связывал нас!

Я испытала великое счастье и облегчение, когда снова увидела своего мужа! Он плохо выглядел. Его били по голове так, что он лишился волос, Все его тело было покрыто ранами и кровоподтеками, но он был на свободе. Когда мы услышали рассказ о том, что с ним случилось и как Господь господствующих удивительным образом помог ему бежать, благодарности Богу не было предела.

Этот опыт помог мне обрести веру в то, что всюду, куда бы Юн ни отправился, он был в руках Божьих и действовал по Его воле.

Богу нужно все мое сердце.

Долгие месяцы за нами велась самая настоящая охота. Мы никогда не знали, где придется ночевать или когда нас арестуют кобовцы.

При помощи "Патриотической церкви трех благ" правительству удалось ввести в заблуждение множество христиан в разных странах мира настойчивой пропагандой о свободе совести в Китае, свободе выбора вероисповедания. Власти до сих пор бесстыдно утверждают, что китайских христиан за веру больше не преследуют.

Мои личные переживания (как и тысяч других верующих из китайских домашних церквей) свидетельствуют об обратном. Однажды кобовцы, схватив меня, предложили на выбор электрошок или плетку. Надо мной издевались со смехом: "Захотел свободу совести? Получай!"

В Китае "свобода" совести дается только тем, кто действует, говорит, живет и служит Богу по указке правительства. Любой, кто захочет вести благочестивый образ жизни, повинаясь во всем учению Иисуса Христа, вскоре познает меру "свободы", которой он обладает.

Многие недели после побоев, полученных в Шэнси, у меня ртом шла кровь. Но я постепенно поправился, и наша община отправила меня на юг, в провинцию Хубэй.

В этой поездке Господь явил Свои чудеса: силой Духа Святого было совершено множество исцелений.

И здесь власти всячески пытались выследить и задержать нас, так что мои сотрудники, озабоченные моей безопасностью, отправили меня на север Хубэя.

Ночью мы находили убежище в пещерах - днем переходили пешим ходом с места на место. Одежда наша пришла в негодность, а волосы слиплись. Люди сторонились нас, мы были "... как сор для мира, как прах, всеми попираемый доныне..." (1 Кор. 4: 13)

Я проводил много времени в северной части Хубэя. Здесь совершалось множество чудес, и Благая Весть распространялась среди народа. Это не могло не привлечь внимание органов КОБ, так что правительство повысило бдительность в пограничных районах провинций Хубэй и Хэнань.

Вскоре на нас обрушился шквал гонений.

В каждом городе плакаты на перекрестках улиц гласили, что незарегистрированные домашние церкви будут уничтожены, а их руководители - арестованы. Всюду в сельской местности через репродукторы предупреждали, что пасторы из Хэнаня находятся вне закона и подлежат аресту.

Такие же объявления звучали и по радио. Народ предупреждали не слушать нас и доносить властям о том, где мы находимся.

Однажды мы проводили собрание в доме одного верующего за городом Хэпин, на севере Хубэя. Дул холодный сибирский ветер, температура резко упала до нуля.

Здесь мы узнали, что утром этого дня брата Эншэна приговорили к тюремному заключению. Ситуация в провинции была столь напряженной, а возможная опасность - столь серьезной, что даже наши хозяева - христиане не решились оставить нас у себя на ночь. Они знали, что их надолго отправят за решетку, если они окажут нам гостеприимство. Мать семейства встала на колени перед нами и умоляла оставить их дом.

Переговорив с нею, я попросил помощи: "Мы посторонние, за которыми гонится полиция. Дайте нам какое-нибудь негодное шерстяное одеяло, чтобы укрыться от ветра и стужи". Она ответила : "Если кобовцы схватят вас, то разберутся, что у вас одеяло из нашего дома, и у нас будут большие неприятности".

Наконец в отчаянии, не имея даже рваного одеяла, нам с сотрудниками пришлось оставить этот дом. Мы поплелись в темноте промокшие, холодные и голодные. Бродячие собаки, встретившись нам по пути, облаяли нас как в насмешку.

Стояла такая беспросветная тьма, что на расстоянии вытянутой руки ничего не было видно.

Даже наши братья отвергли нас.

Так Господь учил нас доверять только Ему и только у Него просить защиты и пропитания. И мы в слезах просили Бога помочь нам.

Ледяной ветер бил в лицо, Мы шли, пытаюсь как-то согреться, и пели, хотя зубы наши и стучали от холода. Проблуждав какое-то время, мы нашли стог сена и решили спрятаться в нем от ледящего ветра, но места хватило только для одного. В стоге сена спряталась наша сестра. А мы

с Чжаном продолжили путь в темноте. Пытаясь согреться, мы укрывались рваным мешком, который нашли на дороге.

Пробежав трусцой километра два, мы добрались до большого пруда. Когда кобовцы всю ночь напролет искали нас в селе, мы укрывались в кустарнике возле пруда. После полуночи температура упала еще ниже. Ветер крепчал, к тому же пошел сильный дождь. Шквал воды обрушился на нас, как тысячи гвоздей, холод пробирался до костей. В пустом желудке урчало, зуб не попадал на зуб, и, чтобы согреться, мы с братом Чжаном крепко обнялись.

Преклонив колени на берегу пруда, мы обратились к Богу: "Господи, ради драгоценной Крови, которую Ты пролил на Кресте, пожалуйста, помилуй наш народ! Пожалуйста, разгони черные тучи над Китаем".

Около четырех часов утра я так изнемог духом, что отошел в сторону помолиться. Оставшись один, я внезапно получил ясное видение от Святого Духа.

Пасмурное небо над головой, а кругом пустыня. Неожиданно поднимается песчаная буря и обрушивается на меня. Я слышу раскаты грома, однако ливня нет. И тут я вижу с севера несется волна за волной - настоящий потоп. Лавина воды вот-вот обрушится на меня и унесет. И тогда я взмолился: " Господи! Спаси меня! "

И тут передо мной проплывает огромный кувшин высотой около метра. Ухватившись, я живо забираюсь в этот кувшин, и на меня сверху падает зонт. Я держу его над собой, поскольку ливень хлещет как из ведра, и мне внутри кувшина сухо и тепло. Потоки воды несут меня куда-то. Камни и всякий мусор бьется о стенки кувшина, но я нахожусь в полной безопасности.

Из этого кувшина я вижу, как хватают братьев и сестер из разных уголков Китая, избивают и бросают за решетку. Я наблюдаю эти ужасные гонения, но никак не могу им помочь. Остается только взывать к Богу.

Это видение сильно огорчило меня, и я выговорил Господу: "Почему Ты не можешь защитить нас? Я знаю, что меня арестуют. Я попаду в КОБ. Но у меня есть мать и жена, Почему Ты гонишь меня?"

Я гневался, но Господь не отвечал мне.

Дороги домой для меня не было - меня там непременно арестуют. Я не мог помочь братьям и сестрам, которые страдали по всему Китаю. Вконец расстроенный, я не мог идти ни вперед, ни назад.

Бог употребил эти обстоятельства с целью показать мне, что Он желает занять все мое сердце, чтобы оно было совершенно предано Ему. В этом отчаянном положении у меня родилась новая песнь:

Сколько бы я ни прожил, всегда буду любить только Господа моего,

Всем сердцем, всей силой и всем разумением буду любить только Его,

И чтобы ни случилось, я все равно буду любить только Господа моего,

Всяким делом и всяким словом я буду любить только Господа моего!

Во время унижений и во время испытаний я буду любить только Господа моего,

Во время скорби и во время радости я буду любить только Господа моего,

Во время голода и во время благоденствия я буду любить только Господа моего!

Как Его творение и в жизни, и в смерти, я буду любить только Господа моего!

Бог положил за меня жизнь Свою и простил мои тяжкие грехи,

И я отдал Ему все сердце свое, и буду любить только Господа моего!

Поделившись этим видением с Чжаном, я сказал: "Теперь пойдем отсюда. Господь защитит нас. Он станет нашим убежищем". И мы снова, не дожидаясь рассвета, отправились в путь.

В глубине души я знал, что был в руках Господа, и Он не оставит меня, что бы со мной ни случилось. И снова, согласно Божьему призванию, я направился вперед.

Мне было стыдно, так как я чувствовал себя виноватым, что выговаривал Богу, однако, Он, проявляя ко мне терпение и любовь, не воздавал по заслугам, а заботливо помогал, как орел помогает своим орлятам.

Делинь.

В начале 1980 годов мы имели более сладостное, чем прежде, общение и единство. Давление, оказываемое на нас, побуждало еще больше полагаться на Бога и друг на друга. Дело шло о нашем выживании. Христианская любовь приносила моему сердцу особое утешение. В то время Господь творил через нас много чудес, Божье возмездие, исцеления и изгнание бесов становились тогда обычным явлением.

Несмотря на затруднения (скорее даже из-за них), Церковь переживала бурный рост. Господь воспламенял очаги возрождения в Китае повсюду.

Некоторые удивительные события тех дней приводили к спасительному Кресту множество народа.

В моем селе Юэнь-Чжан секретарь партийной ячейки по имени Чжан многие годы преследовал и терзал верующих христиан. До встречи с Иисусом он, как апостол Павел, восхищался тем, что истязал Церковь.

Однажды холодным зимним вечером моя мать, брат Фу, несколько сотрудников и мы с Юном отправились в село Юэнь-Чжан. Мы посетили одну христианскую семью, чтобы помолиться о них. Туда собралось около тридцати христиан, и мы решили устроить богослужение.

Один сосед, подслушавший нашу молитву, донес на нас господину Джану, секретарю местной ячейки. Тот, конечно, вызвал к дому наряд полицейских из Комитета общественной безопасности. Они появились с дубинками и веревками, чтобы схватить нас, связать и доставить в полицейский участок.

Здесь надо сказать, что у секретаря партийной ячейки нашего села был брат, житель соседнего села. Этот человек страдал душевным заболеванием. В тот момент, когда кобовцев послали закрыть наше собрание, сатана вошел в дух и сердце брата секретаря партиячейки, и тогда этот сумасшедший убил свою престарелую мать, отчленив ей голову ржавым ножом. Ее тело он затем выбросил в выгребную яму во дворе.

Брат Фу как раз запевал, когда полицейские вбежали во двор дома, где мы проводили собрание. Ворвавшись в дом, полицейские жестоко, до полусмерти избили дубинками брата Фу. Они избили этого пожилого человека, и, казалось, этому не будет конца. Потом они связали его бесчувственное тело. Ну что тут поделаешь! Мы только молились о нашем возлюбленном пасторе.

Потом они набросились на мать Юна, свалили ее на землю и стали в ярости пинать. Собравшись было связать и ее, они заметили в собрании несколько молодых людей и вместо нее связали этих юношей, чтобы отправить в участок.

На ночь их бросили в камеру, намереваясь разобраться с ними на рассвете. Вдруг, среди ночи секретарь партийной ячейки получает ужасное сообщение: "Ваш младший брат убил мать! Обезглавленное тело вашей матери обнаружено в выгребной яме!"

Секретарь партийной ячейки поспешил назад в свое село и совершенно забыл о нас. Утром мы услышали эту новость и взмолились к Господу, чтобы Он помиловал секретаря и его семью: послал им духа раскаяния и даровал прощение.

Добравшись до родительского дома, секретарь партийной ячейки нашел младшего брата в постели. Он спросил его: "Где мать?" Тот ответил: "Я убил ее и бросил в яму". Секретарь воскликнул в гневе: "Ну, как ты мог сделать это ужасное дело? " Безумец отвечал: "А почему ты преследуешь христиан? Ты гонишь их, вот и я убил нашу мать". С этими словами он вытащил длинный ржавый нож и пытался напасть на брата, но сделать этого ему не дали кобовцы, сопровождавшие Чжана. Связанного убийцу отвели в полицейский участок.

Кобовцы, как и весь наш народ в нашем уезде, посчитали этот трагический случай карой Божьей, павшей на семью Чжана за то, что тот преследовал христиан. С того времени власти оставили христиан в покое. Этот случай потряс всех односельчан. Все они были вынуждены признать, что Иисус - воистину живой Бог. Вскоре все село обратилось в христианство и крестилось.

Верующие проявили искреннюю любовь и сострадание к секретарю Чжану и его семье в связи с утратой. Его семейство было глубоко тронутым таким вниманием, и все они во главе с Чжаном в смирении уверовали во Христа Иисуса. И мне вспомнилось из Писания: "Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу". Рим. 8:28

Многие новообращенные из села Юэнь-Чжан тогда от всего сердца посвятили себя Богу. Они решили нести Благую Весть в те места, где прежде не слышали даже имени Иисуса.

Разными способами, часто проливая кровь, христиане возвещали Евангелие в 1983 году.

"Остановитесь и познайте, что Я - Бог".

" И большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большей смелостью, безбоязненно проповедовать слово Божие" (Филп. 1 :14)

Как я благодарен Богу за Его милости и за мое призвание! Как же велика сила Его в тех, кто верует в Него !

Хотя была страшная пора гонений, которые прокатились по всему Китаю, мы с Делинь готовы были отправиться на север, и пели такую песню на слова апостола Павла (Деяния 20 :22-24) :

И вот, ныне я, по влечению Духа, иду в Иерусалим,

Не зная, что встречу на своем пути;

Дух Святой по городам свидетельствует,

Говоря, что узы и скорби ждут меня.

Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью,

Только бы с радостью совершить поприще мое и служение,

Которое я принял от Господа Иисуса,

Проповедовать Евангелие благодати Божией.

Мы продолжали устраивать собрания верующих, на которых ободряли братьев и сестер, и молились о водительстве Божьем. Однажды, во время очередной молитвы один из служителей Божиих стал неожиданно пророчествовать: "На сей раз, отправившись с женой на север, ты попадешь в опасность. Но чтобы ни случилось, Господь не оставит тебя".

На следующий день, еще до рассвета, мы с Делинь сели в автобус, который шел на север в Вуян. Автобус останавливался на многих станциях, где на тумбах красовались плакаты с моей фотографией и предупреждением, что я опасный преступник. Меня выдавали за лидера нелегальной организации, провоцирующий народ на выступление против государственной религиозной политики.

В одном городе нам предстояло пересесть на другой автобус. Чтобы скрыть глаза, я носил солнцезащитные очки. Многие на станции видели мою фотографию, и нам приходилось слышать разговоры окружающих на эту тему. Мы как-то услышали: "Поможешь изловить этого беглеца, получишь большую награду от государства. "

Не подавая вида, мы с женой внутренне ликовали, ибо знали, что наше убежище - Господь. Теперь мы шли рука об руку послужить Иисусу, так что считаться "преступниками", объявленными в розыск ради имени Иисуса, было делом весьма достойным. Унижение ради Христа является великой честью.

Верующие в Хубэе, как оказалось, совершенно отличались от верующих в Хэнане. Приглашая нас к себе в гости, все хубэйские христиане рисковали жизнью из-за нас, "преступников", объявленных в розыск. Поистине, чем больше напряженным становилось положение, тем с большей охотой хубэйским братьям и сестрам хотелось проявить свою любовь и почтение к служителям Божиим.

Однако мы не задерживались долго на одном месте. В одном селе было организовано собрание, на котором мы, вдохновленные Святым Духом, пели мощный гимн под названием "Мученики ради Христа ":

От Пятидесятницы, когда родилась Церковь,

Десятки тысяч верных обратились в жертву,

Жертву добровольную, ради благовестия,

Жизни приняв венец, обретенный смертью.

Припев :Мучаясь за Господа, мучаясь за Господа,

Славную за Господа готов принять я смерть!

Стезю горестей и мук пошли за Господом,

Его до смерти возлюбившие Апостолы :

Рассерженной толпой побит камнями был Стефан,

Попал в пустынный Патмос апостол Иоанн.

В Персии Матфей заколот чернью озлобленной,

И Марк скончался двойкой лошадей разорванный.

Симон Зилот, Филипп с Петром на крест повешены,

Лука Евангелист смерть принял чрез повешенье.

Пятеркой лошадей был в Индии Фома разодран,

И содрана живьем с Варфоломея кожа.

Царь Ирод снес главу Иакову,

Пилою распилили меньшего Иакова.

А Иаков, брат Господень, был побит камнями,

Иуда у столба замучен лучниками,

И Матфей обезглавлен был в Иерусалиме,

И так же Павел - кесарем Нероном в Риме.

Крест возложивши на спину, стезей скорбей и мук

Пойду и я, чтоб мне пройти и совершить свой круг!

Чтоб драгоценных душ спасти я мог тьмы тьмущие,

За Господом пойду, забросив все имущество.

Когда мы закончили петь, место собрания поколебалось и поднялся плач. Я встал, чтобы рассказать о страданиях за Господа. Святой Дух побудил нас настойчиво молиться ходатайственной молитвой за китайский народ. Мы снова просили Бога благословить нас на борьбу во имя Его.

После собрания, когда все отправились отдыхать, брат Цзэн, человек смиренный и преданный, встав на колени во внутреннем дворе, продолжил ходатайство о нашем народе. Святой Дух ясно произнес ему: "В ближайшие три дня некоторых из вас свяжут и будут пытаться за имя Мое. Кое-кто положит и жизнь".

Когда брат Дзэн передал мне эти слова, я понял, что Господь обращается таким образом и ко мне. И я прошептал Ему в молитве: "Да, Господи! Я желаю пострадать за Тебя".

Мы помолились с Делинь и нам открылось, что ей следует вернуться домой и утешить семьи наших сотрудников, оказавшихся в узах. На прощанье я помахал ей рукой, а местные верующие проводили ее на автобусную остановку.

Целых три дня, пока длилось наше собрание, не переставая шел снег. Снега выпало столько, что под его весом крыши некоторых лачуг обрушились. Снег и лед покрыли все селение, но в собрании сердца верующих горели огнем.

На третий день в полночь (седьмого декабря 1983 года) наше собрание закончилось. Чтобы умыть ноги, хозяева подогрели воду. Со слезами на глазах я умывал ноги сотрудников. Затем и они, убедивши меня сесть, сняли с меня башмаки и в слезах умыли мои ноги, и обули. Наше собрание проходило в месте под названием "Поселение любви". Воистину, оно и было таковым на самом деле!

Потом мы решили между собой, у кого из местных верующих остановиться на ночь. Прежде чем расстаться, Чжан снял с себя большой шерстяной шарф и отдал его мне.

Не успели мы разойтись, как на окраине села столкнулись с группой людей с фонарями в руках. Они закричали: "Кто вы такие? Что вы здесь делаете?" Тут братья и сестры, почуввав неладное, развернулись и бросились бежать. За ними бросился было и я, но слишком поздно.

Один из преследователей с шейкером (электрическая дубинка) подскочил ко мне и ударил электрошоком в несколько сотен вольт. Меня отбросило в снег. Мучительная боль пронзила все тело.

Несколько человек стали пинать меня коваными башмаками и бить рукоятками пистолетов. Кроме меня тогда арестовали еще четверых братьев. В то время до меня донесся нежный голос с неба, молвивший всего два слова: "Я знаю!"

Это был близкий, легко узнаваемый голос Господа моего Иисуса, Который за много веков до этого говорил гонимым в Смирне: "Знаю твои дела, и скорбь, и нищету, (впрочем ты богат), и злословие от тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское. Не бойся ничего, что надобно будет претерпеть. Вот, диавол будет ввергать из среды вашей в темницу, чтобы искусить вас, и будете иметь скорбь дней десять. Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни"(Откр. 2 :9-10).

Господь мой знал все, что мне предстояло пройти и вынести. Эти слова принесли мне огромное ободрение!

Мне вспомнилось пророчество брата Дзена, и боль оставила меня. Один полицейский стал расспрашивать меня: "Как тебя зовут? Откуда ты? Сколько с тобой человек? Где они теперь? Говори! Говори правду!" Приблизившись ко мне, он повторил с большей угрозой, чем прежде: "Говори правду. Если обманешь, живьем с тебя шкуру спущу!"

Вдруг у меня внутри все похолодело: я понял, что мои братья и сестры в опасности: они все еще в собрании и вот-вот могут быть схвачены. Теперь я думал только об одном - как поднять тревогу, чтобы предупредить их об опасности.

Святой Дух тут же мне напомнил историю о царе Давиде, который притворился перед Авимелехом безумцем, был изгнан от него и удалился. И тут я закричал громким голосом: "Я человек с неба! Мой дом в Евангельском селе! Меня зовут Утренняя Звезда! Отца моего - обильное благословение! Моя мать вера, надежда, любовь!"

Полицейские принялись яростно пинать меня, а затем поволокли за ноги. Они кричали: "Что за чепуху ты несешь!? А ну отвечай, откуда ты и кто твои товарищи?"

Я указал на восток и ответил: "Они там в селе". И снова закричал: "Я в руках кобовцев!"

Полицейские, награждая меня синяками и шишками, велели вести меня к своим товарищам. "Отведи нас к ним, иначе мы с тебя шкуру спустим живьем!" - злоеще угрожали они.

Гонимый полицейскими, я громко кричал: "Меня схватили кобовцы! Меня схватили кобовцы! Откуда мне знать, где идет собрание... я человек с неба! Я не от мира сего!"

Я кричал все громче и громче, надеясь, что мои сотрудники, услышав мой голос, спасутся прежде, чем их схватят.

С того дня верующие в Китае (я тогда еще не знал об этом) стали называть меня "человек с неба". Я не просил называть себя этим именем, ведь как человек я всего лишь немощный сосуд, но после этого ареста стал известен как "человек с неба".

Услышав мой крик, многие братья и сестры вместо того, чтобы бежать, вышли из дома увидеть, что же со мной происходит! Они беспокоились обо мне больше, чем о своей безопасности.

Когда я повел полицейских по снежным сугробам к селу на восток, они остановили меня и потребовали: "А ну-ка скорее укажи на молитвенный дом! Выведи нас туда!"

Как бы смешавшись, я закричал: "О, да это не то село. Я ошибся! Мои товарищи находятся в другом месте!"

Тут меня свалили и стали избивать ногами. И снова полицейских шейкер прошелся по мне, оглушая электрошоком. И не быть мне среди живых, если бы не защита от Господа.

Несколько братьев и сестер незаметно пробирались за нами на некотором расстоянии. Увидев же, как меня стали избивать, они от горести стали молиться. Только тогда полицейские и заметили их.

Мне вовсе не хотелось подвергать своих друзей опасности, и я снова закричал: "Я человек с неба... Я не знаю, где собрание.. Я не знаю никого из тех, что следуют за нами. Человек с неба не станет Иудею! Я знаю лишь одного Господина".

Наконец, братья и сестры поняли, что я предупреждаю их, и быстро разбежались. Когда до полицейских дошло, что я водил их за нос, они просто взбеленились. Четверых служителей и меня затолкали в прицеп трактора, который пригнали, чтобы доставить нас в уездный центр Вуян. Нас связали одной веревкой как скот, ведомый на бойню. Стоя в кузове трактора, я пел во весь голос:

Кровь, а не елей поначалу льется -

После очищения благодать дается!

Крест Голгофский прежде - Троица потом.

Буду петь осанну, стоя под Крестом!

Кровь Христа омоет - Бог простит меня,

Льется Кровь Иисуса - ей очищен я!

В полицейском участке нас бросили в холодную камеру. Температура была ниже нуля. Здесь не топили, а я был без пальто его с меня стянули и закинули в сугроб еще в селе. Мы дрожали всем телом, руки и ноги коченели от холода. Мы были почти без сознания, Заледеневшие наручники впивались в опухшие запястья.

Я стал бить наручниками по двери и металлической решетке окна. Оглядевшись вокруг, я увидел в углу камеры сломанный деревянный ящик. В нем оказался старый барабан. С грохотом ударяя по нему наручниками, я запел срывающимся голосом Пс. 150:

Хвалите Бога во Святыне Его,

Хвалите Его на тверди силы Его.

Хвалите Его по могуществу Его,

Хвалите Его по множеству величия Его.

Хвалите Его со звуком трубным,

хвалите Его на псалтири и гуслях.

Хвалите Его с тимпанами и ликами,

хвалите Его на струнах и органе.

Хвалите Его на звучных кимвалах,

хвалите Его на кимвалах громогласных.

Все дышащее да хвалит Господа!

Аллилуйя!

Чем больше я пел, тем больше радость переполняла меня. Встав на ноги, я прославил Господа. Постепенно онемение рук и ног прошло, и мне было уже не холодно. Четверо братьев, преклонив колени, молились о Китае. В за стенами тюрьмы стонал пронизывающий ветер, а в нашей камере были слышны плач и стоны заступнических молитв.

Барабанный бой и мое пение раздражали охранников, но им было лень запретить мне, поскольку для этого надо было оставить теплые постели.

Всю ночь мы утешали и укрепляли друг друга. Подобно Сидраху, Мисаху и Авденаго мы знали, что там, где Дух Господень, там свобода, все равно в ледяной ли тюремной камере или в печи, раскаленной огнем. Хвала Господу!

На утро охранники открыли двери камеры и вывели нас во двор. Тут все было завалено снегом. Сняв наручники с четверых братьев, они сказали: "Вы уберете со двора весь снег. А этому сумасшедшему "человеку с неба" наручников не снимем. Вчера ночью он устроил шум и своим пением и барабанным боем не давал нам спать "

Старший охранник, помахивая шейкером перед моим носом, сказал: "Теперь твоя очередь не спать!" Он приказал мне встать перед ним на колени. Я громко возразил: «Никогда не встану перед тобой на колени. На колени я встаю только перед моим Богом!"

Тогда он высокомерно заявил : "Я - твой Бог! Если ты встанешь передо мной на колени, я тут же освобожу тебя".

Я не сдержался и возразил : "Именем Иисуса, не ты мой Бог! Ты просто земной полицейский. Мой Бог пребывает на небе, и я человек с неба".

Нажав на кнопку шейкера, полицейский прорычал: "Если ты человек с неба, тогда не испугаешься этой дубиночки. Давай! Возьмись за нее руками!"

Несколько охранников, схватив меня за руки, вынудили меня взяться за шейкер. Меня тотчас ударило током в сотни вольт, как будто скорпионьи жала, как тысячи стрел, впились в мое сердце. В предобморочном состоянии я воскликнул: "Боже, помилуй меня!"

И тут шейкер вышел из строя! Он просто перестал работать!

Открыв глаза, я взглянул на охранника, который посмел назваться "Богом". Он был страшно напуган. Несмотря на стужу, его прошиб пот! Он повернулся и со всех ног пустился со двора!

Свидетелями происходившего были четверо братьев. Когда они увидели, что охранник заставил меня прикоснуться к шейкеру, они стали молиться, чтобы Господь пощадил меня.

На следующий день нас пятерых бросили в фургон и доставили в тюрьму города Вуян.

Ступив на тюремный двор, я подумал, что в этой тюрьме должно быть много христиан, ведь по всей стране прокатилась волна гонений на Церковь, Желая воодушевить их, я воскликнул: "Человека с неба бросили за решетку. Но я не Иуда! Я не предаю Господа!" Охрана привела меня в камеру, где сидел брат Дзэн и десять других.

Через несколько минут мы услышали звук отпираемых тюремных ворот. Это доставили еще верующих. Охранники на воротах спросили одного из них: "Ты тоже человек с неба или ты земной человек? "

Брат ответил : " Я не знаю, о чем вы говорите ".

Охране хотелось разобраться, кто из верующих походит на человека с неба, которого только что бросили за решетку, а кто нет. В конце концов , этот брат сказал так: "Я земной человек, а не человек с неба".

Когда этого человека ввели в нашу камеру, я стоял на коленях и молился. Наши глаза встретились. Мой взгляд был напряженным и пристальным, поскольку в духе я рассердился на него, ведь он только что отрекся от веры, чтобы ему было легче.

Затем я обратился к нему с трепетом в голосе: "Ты обязан был сказать : Нет! Нет! Нет сатане!"

Я поднялся и снова громко повторил: "Ты должен был сказать : Нет! Нет! Нет сатане! "

Он глядел на меня, а я выписывал указательным пальцем на бетонной стене слово "Нет! ", причем с такой силой, что мой палец от шершавой бетонной стены просто онемел и стал кровоточить. Кровью я записал на стене: " Нет! Нет! Нет! Не бойся! Не надейся на человека! Надейся только на Иисуса!"

Увидев на стене слова, написанные кровью, брат устыдился, что не выдержал испытания. Он опустил голову и в слезах раскаялся. После освобождения из тюрьмы он стал пастором церкви в своем селе.

О нашем аресте слышали пожилые сестры, живущие недалеко от тюрьмы. Они отправились ночью по занесенной снегом дороге через сугробы, чтобы принести нам свои лучшие одеяла и пальто.

Добравшись до тюрьмы, сестры сказали охраннику, что принесли подарки для человека с неба. Охранник процедил сквозь зубы: "Для кого?"

Сестры ответили: "Для человека с неба".

Я находился в камере рядом с тюремной конторой и слышал этот разговор. Сердце мое преисполнилось благодарности, когда я увидел такую любовь. Тогда я крикнул им: "Человек с неба здесь!" И дорогие сестры услышали мой голос.

Охранник оставил подарки у себя, а мне на следующий день швырнул в камеру драное одеяло и обноски. Кроме этого, эти сестры принесли мне пару новых башмаков, но их охранник тоже присвоил себе. Одеяло, доставшееся мне, было старым и рваным, однако, любовь тех сестер укрепила мою веру и вселила в сердце бодрость.

В нашей тюрьме сидело много христиан, и каждого подвергали ужасным побоям и пыткам. Бог даровал нам особое терпение и мудрость в обращении с гонителями.

Тюремное начальство подстрекало заключенных уголовников избивать таких же заключенных. Им сулили более мягкий приговор и лучшее питание, лишь бы те занимались грязной работой вместо них.

На обед обычно давали чашку баланды из гнилого картофеля пополам с редькой. Один раз в неделю мы получали манту (сдобный пирожок размером не больше 4 см с мясной начинкой или овощной начинкой; однако в "зоне" манту выдается без всякой начинки). Все заключенные питались впроголодь, так что манту всегда был долгожданным лакомством.

Однажды вечером, получив свой драгоценный манту, я закрыл глаза и на коленях, держа манту на вытянутой ладони, стал благодарить Господа. Пока я молился, кто-то из сокамерников похитил мой манту.

Один из охранников видел, как этот человек взял мой манту и спрятал в кармане своей рубы. Беспощадно избив его, охрана велела другим заключенным расправиться с ним по-своему. И тогда заключенные поставили его на колени перед писсуаром и помочились на его голову.

Как жестокие дикари, они держали этого человека вниз головой в писсуаре до тех пор, пока тот едва не захлебнулся мочой.

О, как мне было стыдно! Я неудержимо плакал о том, что произошло с моим товарищем по несчастью. Я взывал к Богу: "О Господи! Помилуй меня! Помилуй меня! Помилуй меня! Пожалуйста, прости меня! "

На следующий день утром охранники вытащили меня из камеры и стали отрабатывать на мне приемы боевых искусств. Они пинали меня и кулаками сбили на пол, а затем велели другим заключенным прыгать мне на грудь и пах. Кровь полилась у меня изо рта и сильно закружилась голова. Боль стала нестерпимой, и мне показалось, что я умираю.

До сих пор мы с братом Дзэном (хотя и были сокамерники) делали вид, что не знали друг друга. Тюремная администрация пришла бы в ярость, если бы узнала, что мы как христиане поддерживаем друг друга.

Но когда брат Дзэн увидел, что случилось со мной во дворе, он подбежал ко мне и воскликнул "Человек с неба, брат мой дорогой!" Своим рукавом он стал отирать кровь с моего лица.

Брат Дзэн прислуживал мне как ангел. Он всегда утешал меня упованием на слова Писания. Другие заключенные и охранники, видя его доброту и милосердие, полюбили его.

Несколько дней спустя из местного участка КОБ прислали машину для транспортировки его в родной город на суд. Охранники вызвали его: "Цзэн! Приготовься к отправке".

Брату Дзэну не хотелось оставлять меня. Мы плакали и молились, стоя на коленях на каменном полу.

"Иди с миром " - сказал я ему.

Человека Божьего увезли из нашей тюрьмы и вырвали из нашей жизни.

Брата Дзэна увезли, но его вера принесла плоды. Некоторые заключенные стали говорить друг другу: "Нам надо уверовать в Иисуса". Теперь они перестали обращаться со мной жестоко.

Один из молодых заключенных, мать которого следовала за Христом, был неверующим. Через несколько дней пребывания в нашей камере он понял, что я вовсе не был сумасшедшим, как ему

меня представила охрана. Тогда этот молодой человек поделился с другими заключенными: "Юн не сумасшедший. Он человек, заплативший великую цену за веру в Бога".

Из любви и сострадания он отдал мне свою куртку. На следующий день этого юношу перевели из камеры на работу в кухню. Позднее его отпустили домой, и он стал преданным учеником Христа.

За время, пока я томился под следствием, меня допрашивали множество раз. Власти догадывались, что в их сети попала "крупная рыбка", но так и не узнали моего настоящего имени. Они испробовали все, чтобы выпытать у меня, откуда я прибыл, и через это выйти на моих братьев и сестер. А я разрушал их планы, отказываясь отвечать на вопросы. Подвести братьев и сестер из моей домашней церкви я никак не мог.

Поскольку я скрывал свое настоящее имя, власти Вуяна разослали по всем уездам Хэнаня письма с просьбой посетить их и опознать меня.

Тогда прибыло несколько кобовцев из других уездов, но им пришлось уехать ни с чем, поскольку я не был тем, кого им хотелось увидеть. Тогда из тюрьмы по всей провинции стали рассылать телефонограммы с просьбой приехать и опознать меня.

Наконец, когда со дня моего ареста прошло более пяти недель, я был опознан. Двадцать пятого января 1984 года около 8:30 утра прибыли кобовцы из уезда Наньян и тотчас опознали меня, Несказанно обрадовавшись этому, они сказали мне: "Ты можешь дурачить своим притворным сумасшествием здешнюю полицию, но не делай дураков из нас! Даже если бы с тебя содрали кожу, мы и тогда узнали бы тебя. Ты много раз ускользал от нас и выставял нас дураками, однако, на сей раз тебе не сбежать от нас!"

Один из них ударил меня по щеке, а другой, заломив руки за спину, надел на меня наручники со словами: "Пошел вперед! В Наньяне с тобой разберемся".

Полицейские из Наньяна выразили местным кобовцам благодарность за проявленную ко мне заботу и швырнули меня в свой фургон. Мои наручники они прицепили к стальной перекладине под крышей фургона, а потом, заперев двери, стали избивать меня кулаками и шейкерами, нанеся множество телесных повреждений.

Целый день мы добирались до Наньяна и, пока машина тряслась по ухабистым дорогам, наручники мои впивались в мои запястья так, что кровь забрызгала все стены фургона. Наручники так глубоко протерли мне кожу, что стали выступать наружу кости. Я терпел ужасные муки, от которых я едва дышал. Еще немного и от ужасной боли и кровопотери я потерял бы сознание.

Но тут, обратившись к Богу, я сказал: "Господь Иисус! Я не вынесу этого. Отчего Ты допускаешь мне такие страдания? Пожалуйста, прими мой дух".

Услышав мою молитву, охранники в фургоне включили шейкера и стали потрясать меня разрядами. Я испытывал при этом такую боль, что сердце и мозг, казалось, готовы были буквально взорваться.

Тогда я снова воззвал к Богу: "Господи! Помилуй меня. Пожалуйста, прими мой дух теперь же". И тут я услышал ясный голос Божий: "Ты страдаешь, чтобы разделить со Мной Мои страдания. Остановись и познай, что Я есмь Бог: буду превознесен в народах, превознесен на земле".

В своем гордом сердце я считал себя важной персоной в церкви и полагал, что церковь нуждается во мне как в пастыре. Теперь я четко осознал, что Он - Бог, а я всего лишь немощный человек. Мне стало понятно, что Бог не нуждался во мне, и что если бы Ему когда-либо было угодно употребить меня вновь, это стало бы для души моей великой честью.

Внезапно страх и боль оставили меня.

Полицейский фургон двигался по улицам Наньяна, моего родного города, Мы притормозили. Через окна фургона я мог видеть на стенах, по обеим сторонам улицы, плакаты следующего содержания: "Тепло приветствуем и поздравляем сотрудников Комитета общественной безопасности! Христианский контрреволюционер Юн, творивший преступные деяния под маской религиозности, арестован!"

"Арест контрреволюционера Юна - хорошая новость для народа Наньяна!"

"Долой реакционера Юна и его последователей! Решительно покончим со всеми незаконными христианскими собраниями во главе с Юном!"

Охрана включила сирену, чтобы похвалиться перед народом своим великим достижением - захватом опаснейшего христианского преступника. Новости о моем аресте быстро разошлись по всему городу, и люди бежали за фургоном, чтобы поглазеть на меня.

Но страха у меня уже не было. Господь открыл мне: "Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть. Вот, диавол будет ввергать вас в темницу, чтобы искусить вас, и будете иметь скорбь дней десять. Будь верен до смерти, и дам тебе венец»

Долиной смертной тени

"Возлюбленные! Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете. Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух Славы, Дух Божий почивает на вас. Теми Он хулится, а вами прославляется" (1 Петра 4 : 11-14).

Во время долгой и мучительной транспортировки в Наньян в полицейском фургоне Бог постоянно утешал меня, говоря: "Остановитесь и познайте, что Я - Бог: буду превознесен в народах, превознесен на земле" (Пс. 45:10).

Когда, наконец, фургон добрался до ворот тюрьмы в Наньяне, наручники отцепили от стальной перекладины и меня вытолкнули из машины на мерзлый грунт. Дул свирепый северный ветер со снегом. Лицо и волосы у меня пропитались кровью. Мое опухшее лицо почернело от синяков. На мне не было никакой обуви. Кроме того, разбитые, от глубоко впивавшихся наручников, запястья доставляли страшную боль.

Мы вошли в большое помещение для допроса, где нас ожидали кобовцы, желавшие посмотреть, кто же я такой.

Увидев мое тщедушное телосложение, опухшее лицо в крови и нечесанные, слипшиеся волосы, они стали громко смеяться, издеваясь надо мной: "Это ты что ли человек с неба?"

Начальник полиции, глядя на меня с отвращением, спросил: "Так это ты - Юн? Тот Юн, что скрывался от нас по всей стране, доставляя одни неприятности? Так, так, но сегодня ты в наших руках. О побеге не смей и думать. Закон в конце концов настиг тебя! "

Затем хвастливо и высокомерно заговорил его заместитель: "Ты думал ускользнуть от нас? Но знай: наша сеть без дыр, она покрывает не только землю, но и твоё небо. Запомни: ты никогда не избежишь длинных рук закона. И сегодня для тебя, Юн, всё кончилось! Твои дружки в наших руках. Нам удалось справиться с таким проходимцем как господин Су Юн Дзе. Мы покончили с твоей церковью. Ты потерпел полное поражение. Ты - враг нашей страны и враг нашей партии".

Услышав эти слова, я почувствовал, как гнев вскипает в моем сердце. Дух веры заговорил во мне: "Благая Весть возрастает, проходя через трудности, и обязательно распространится по всему миру. Она достигнет каждого. Истина была и остается Истиной. Никто и ничто не изменит этого закона. Истина всегда побеждает".

Кобовцы смотрели на меня с полнейшим презрением. Один из них, зловеще улыбаясь, наклонился надо мной и прошептал: "Юн, ты, кажется еще не насытился пытками ? Хочешь, чтобы мы "развлекли" тебя немного?"

Я опустил голову и промолчал, а тот продолжил: "Тебе следует признать тяжесть твоих преступлений. Если ты открыто и честно расскажешься в них, то наше государство обойдется с тобой гуманно. Если же обманешь и не пожелаешь идти на контакт, то не жди этого!"

В сердце моем я был непоколебим, я твердо решил повиноваться Богу, а не человеку. На память пришел текст из Писания: "Господь - свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь - крепость жизни моей: кого мне страшиться ?" (Пс. 26:1).

Снова заговорил заместитель начальника: "Хотя ты совершил множество серьезных преступлений против нашего народа, мы помилуем тебя и освободим. Но при одном условии: ты честно расскажешь нам, причем подробно, о всех своих деяниях, о всех своих сотрудниках и деятельности религиозного движения за последние годы, тогда я гарантирую тебе, что мы освободим тебя немедленно, и ты отправишься домой к жене и матери на новогодний праздник".

Считая меня темной деревенщиной, он пытался обмануть меня хвастовством и демагогией о государственных интересах. Все это происходило за несколько дней до начала лунного нового года.

Когда говорил заместитель начальника, меня так и подмывало сказать : " Вы гарантируете мне освобождение, если я раскаюсь во всех своих "преступлениях"? А я вам гарантирую, что вы погибнете и отправитесь в ад, если не раскаетесь в своих грехах и не уверуете в Господа Иисуса Христа".

Однако я сдержался и сказал другое: "Последние дни меня пытали, били и почти уморили с голоду. Иногда из-за боли я даже не могу дышать. Очень долго я не принимал нормальной пищи. И теперь вы хотите, чтобы я рассказал вам подробно обо всех делах, которыми занимался в последние годы? Да кто способен на это ? Дайте мне, пожалуйста, время прийти в себя и хорошо обо всем подумать. Когда буду готов, я дам вам знать".

На кобовцев моя логика подействовала. Они посчитали мою просьбу разумной и отправили меня обдумать свое поведение в камеру. При этом они спросили: "И когда же ты будешь готов?" На это я ответил: "Как буду готов, сообщу".

Меня провели через двое металлических ворот и поместили в камеру №2. По периметру тюрьма была окружена высокой стеной красного кирпича с колючей проволокой под напряжением. Вооруженные часовые внимательно наблюдали за поведением заключенных с четырех вышек по углам тюремной стены.

Когда я вошел в свое новое жилище, Святой Дух напомнил мне следующие стихи: "И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне" (Матф. 10 : 28).

"Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы" (2 Тим. 3 :12).

"С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытания вашей веры производит терпение." (Иак. 1 : 1-3).

И снова Господь говорил мне : **"Остановись и познай, что Я - Бог"** .

Тут до меня стало доходить, что общение с Богом было для меня настоящим убежищем. Я понимал, что мне предстоит огненное искушение, посылаемое для испытания. У меня и в мыслях не было предавать своих как Иуда. Лучше пусть с меня снимут кожу живьем, чем я открою врагам имена моих дорогих братьев и сестер. Я решил молиться с постом, по Слову Божьему, чтобы не уступить губительной силе грозových туч на горизонте. Я взял пример с Христа, Который постился в пустыне, чтобы перенести сатанинские искушения.

Уже в первый день пребывания в Наньянской тюрьме я пришел к выводу, что Богу угодно, чтобы я постился и молился о дальнейшем распространении Благой Вести, чтобы тысячи людей нашли спасение и домашние церкви открывались по всему Китаю.

Поститься я начал в своей камере вечером того же дня, 25 января 1984 года. Вскоре я почувствовал неимоверный голод. Искушение становилось все сильнее и сильнее. Мне хотелось есть так, что я уже не мог терпеть.

Так мое решение подверглось мучительной проверке. В тот день начальник тюрьмы, желая продемонстрировать свое сострадание, решил отметить в тюрьме наступающий Новый Год, а попросту говоря, распорядился выдать заключенным паек лучшей пищи вместо обычно выдаваемой протухшей. Каждому заключенному дали манту с чашкой супа из свинины с сельдереем.

Изголодавшимся заключенным это угощение показалось настоящим пиршеством. Запах необычной пищи распространился по тюремным коридорам задолго до того, как мы увидели ее. Когда угощение раздали, заключенные жадно набросились на него как голодные волки, а потом еще долго облизывали свои чашки.

Вот как рассуждал со мной сатана: "Новогодний праздник бывает только раз в году. Тебе надо немного подкрепиться. Пока дают, лови момент". Я уже готов был уступить этому искушению.

Со времени моего ареста на северо-востоке Хэнаня я ел очень мало и сильно похудел. Я был голоден, надломлен и сокрушен, поэтому решил, что не стоит отказываться от этой пищи, но тотчас мне было Слово от Бога: "Итак покоритесь Богу ; противостаньте дьяволу, и убежит от вас" (Иак. 4: 7).

Тогда я стал молиться: "Дух голода, именем Иисуса Христа повелеваю тебе - оставь меня".

Свой манту и сельдерей я вернул надзирателю со словами: "Пожалуйста, раздай поровну этот паек моим сокамерникам".

Голодные боли тотчас перестали терзать меня.

Пища в тюрьме была богом заключенных. Когда я отказался от своего пайка в пользу других, их мнение обо мне изменилось. Покончив с пищей, мои сокамерники стали расспрашивать меня, за что я попал сюда. Вот что их интересовало: "Как такой хороший человек оказался в этом месте?" Я сказал им, что это произошло потому, что я был избранный сосуд Божий. Тогда они стали просить меня спеть. И я запел:

На северный ветер поднимется южный -

да сбудется воля Господня во всем!

На ветер свирепый поднимется нежный -

изменится тот в направлении своем!

Припев :

Терпите и ждите, терпите и ждите :

Все скоро устроит Господь - дайте срок !

Когда Его время настанет, наступит,

прольется на вас благодати поток!

Кто ныне страдает, тот пусть не вздыхает!

Заботу о вас возложил на Себя,

Отец ваш Небесный, и Он допускает

Страдания ваши во благо, любя!

Мои сокамерники любили слушать именно эту песню. Одним ее слова были понятны, другим не совсем. Но все они верили в судьбу и считали, что нам не дано изменить того, что происходит в нашей жизни. Я сказал им, что это не какая-то судьба, а Бог управляет всем и вся, и что наши судьбы предопределяются Богом, а также теми решениями, которые мы принимаем, повинуюсь или не повинуюсь Его Слову. Я употребил эту возможность рассказать им о том, что говорит по этому поводу Библия: "И как человекам положено однажды умереть, а потом суд, так и Христос, однажды принеся Себя в жертву, чтобы подъять грехи многих, во второй раз явится не для очищения греха, а для ожидающих Его во спасение" (Евр. 9:27-28).

Я убеждал заключенных раскаяться и уверовать в Иисуса как своего Спасителя.

После получасового разговора я почувствовал сильную боль в голове и груди : давали о себе знать побои. Я делился Словом Божьим, а в голове у меня пульсировало, и грудная клетка готова была разорваться.

Понимая, что Господь таким образом предлагал мне отдохнуть, я сказал сокамерникам: "Я хотел бы рассказать вам об Иисусе еще и еще, но сейчас я просто не в силах. У меня страшно болит голова и бок. Я не могу даже говорить. Мой Бог велит мне отдохнуть и успокоиться. С этого дня я не стану ни есть, ни пить. Свой паек я хочу поделить между вами поровну. Пожалуйста, не говорите об этом надзирателям, если они узнают, то не разрешат вам воспользоваться им".

Все с радостью приняли мое предложение, поскольку с людьми за решеткой обращались жестоко и кормили отвратительно. Их чрево было богом, а паек - владыкой.

Двадцать девятого января 1984 года меня вызвали на следующий допрос. Ведущий следователь сказал мне: "Итак, мы дали тебе несколько дней на раздумья. Теперь, нам хочется услышать от тебя кое-что. Если будешь честен, мы отпустим тебя домой, и ты сможешь быть с семьей.

И вот что я ответил ему: "Я причастен к такому большому количеству дел, но был не в состоянии думать о них все эти дни. Мне не хочется портить вам праздник этим неприятным разговором, поэтому, пожалуйста, дайте мне еще некоторое время подумать "

Оба следователя переглянулись и сказали мне: "Ты человек здравомыслящий, Юн. Сейчас возвращайся в камеру, но после новогоднего праздника ты должен сознаться во всем".

Когда я вернулся в свою камеру, Бог нежно предупредил меня: "Тебе нужно отдохнуть. Не бойся ничего. Только покорись Мне. Не обращай внимания на поставленные условия, не смотри на других. Больше молись, и увидишь славу Мою".

День и ночь я размышлял над Словом Божиим: обо всем, что свято и поучительно. Я думал о библейских героях, о великих людях, пострадавших за веру.

Я размышлял над тем, с каким желанием Иисус покорился Божьей воле и претерпел гнев падших созданий. Я вспоминал об Иосифе и его испытаниях в Египте, о Данииле в яме со львами, и о Стефане, забитом камнями. Я анализировал написанное Павлом в узах и думал о заключении Петра и его удивительном избавлении, описанном в двенадцатой главе книги Деяний. Мысли мои были как бы в окружении сонма этих свидетелей. Их пример удалил из моего сердца все страхи и мучения.

В то время я был как дитя, насытившееся и заснувшее на руках матери.

Бог очищал мое сердце. Не было уже злых мыслей и ненависти к тем, кто так жестоко обращался со мной. Жизнь моя проходила в тесном общении с Господом. Мне открылось, что происходящее со мной угодно Божьей воле. Это понимание давало мне силу искренне любить тех злых людей, что нападали на меня и пытались уничтожить. Дух кротости и любви овладел мною. Я был полон радости и благодарения, когда славил Господа.

И еще я сказал Господу, что не произнесу ни слова, пока не увижу вновь свое семейство. Мне не хотелось вообще говорить, ведь Господь велел мне успокоиться и довериться Ему.

День за днем, неделя за неделей, я не ел и не пил. Хлебом насущным мне был Сам Господь. С научной точки зрения прожить без воды больше нескольких дней невозможно, однако, "невозможное человекам возможно Богу" (Лк. 18:27).

Мне было известно, что пост является чудом, но я никогда не думал, что такое чудо может продолжаться столько времени. Я просто знал, что Бог велит мне отдыхать и размышлять о Нем. Вот чем во время этого поста наполнен был мой дух и сердце. Я освящался по мере того, как все дольше пребывал перед лицом Божиим и свет Божий проникал в мое сердце.

Так я познавал живые истины Христова учения: "Не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих". (Мтф. 4:4).

Господь велел мне поститься для Своей славы. Не сам я задумал поститься и никто из людей не внушил мне этой мысли. У меня хватило сил поститься столько времени потому что Бог пожелал этого от меня. Пост был следствием повиновения Его воле, а не жертвой из желания угодить Ему. "Послушание лучше жертвы и повиновение лучше тука овнов" (1 Царств. 15: 22).

Время летело быстро. 11 февраля меня снова вызвали на допрос. Я ослаб настолько, что на допрос меня несли такие же заключенные. Я не открывал глаза и без движения лежал на полу.

Кобовцы задали мне несколько вопросов, но я не отвечал. Полагая, что я притворяюсь, они начали хлестать меня кожаной плетью.

Тут сокамерник, принесший меня, встал и вступился за меня: "С первого дня в тюрьме Юн жаловался на страшные боли в голове и груди. Он ничего не ел уже больше десяти дней". Моим гонителям оставалось только отправить меня назад в камеру.

Остальные сокамерники подтвердили эти факты. Они засвидетельствовали, что я ничего не ел и не пил. Все время я лежал в углу камеры и ничего не говорил. На моих руках большую часть времени были наручники. Заключенные стали задаваться вопросом - сколько я могу протянуть без пищи и воды. Проходили дни и недели, и мои сокамерники стали обсуждать между собой: "За счет чего живет этот человек?"

Мое тело все больше усыхало и я слабел, но духом возрастал и креп.

С двадцать пятого января по второе марта 1984 года у меня во рту не было ни крошки хлеба и ни капли воды.

Вечером на тридцать восьмой день моего необычного поста приступил ко мне сатана: "Иисус постился сорок дней. Как ты, Юн, раб Его, хочешь сотворить больше своего Господина? Ты хочешь сказать, что можешь выдержать пост дольше Иисуса? Желаеть превзойти своего Учителя? Тотчас мрак окутал мое сердце. Никогда еще я не был в таком отчаянии. Во мне происходила страшная духовная борьба.

Словно тысячи демонов напали на меня со всех сторон. Разочарование и безнадежность воцарились в моей душе. Я настолько ослаб физически и умственно, что подумывал о самоубийстве. Я молчал так долго, что пытаюсь помолиться вслух, смог только слабо прошептать. И тогда я спросил: "Господи ! Что мне делать ? " Господь молчал, но я знал, что Он наблюдает за мной, Я спросил: "Господь Иисус ! Неужели Ты допустишь, чтоб меня убили? Умоляю Тебя, прими мой дух ".

После долгой ночи духовной борьбы, я вновь предстал перед Господом. Он же сказал мне : "Знаю твои дела; я отворил перед тобой дверь, и никто не может затворить ее; ты не много имеешь силы, и сохранил слово Мое, и не отрекся имени Моего " (Отк. 3 : 8).

Когда я услышал эти слова, сердце мое наполнилось радостью! Я почувствовал себя как мальчишка, которого отец защитил от хулиганов. "Да, Господи! Ты знаешь мои обстоятельства!" - воскликнул я.

Голос Божий подействовал на меня как гром небесный. Я не мог удержаться от слез. И в этот момент мне было чудное видение. Я увидел перед собой длинный ряд помещений, металлические двери которых открывались одна за другой.

Множество людей из разных племен и народов, в праздничных одеяниях, вместе поклонялись Богу. Сердце мое наполнилось светом и силой. Бог даровал мне дух радости. В своем видении я громко пел Господу: "Буду восхвалять Господа, доколе жив ; буду петь Богу моему, доколе есмь " (Пс. 145:2).

Видение продолжалось, и передо мной, как вспышка, прошла вся моя жизнь с малых лет. Как будто приподнялся занавес, и мне дали ясно увидеть, как от самого рождения Бог призвал меня к Себе.

Тут в своем видении я воскликнул: "Господи! У меня нет никакой возможности выйти отсюда, чтобы благовествовать. Если Ты, например, сейчас отворишь ворота этой тюрьмы, я так ослаб, что не сумею даже выползти из дверей".

Но Господь явил мне Свое желание через два текста из Писания, на которые я раньше не обращал особого внимания: "Ибо дары и призвание Божие непреложны" (Римл. 11:29), и "Истинно, истинно говорю вам : верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит, поскольку Я к Отцу Моему иду" (Ин. 14 : 12).

Бог избавил меня от боли в сердце и рассеял мрак в моей душе. Подобно водам живой воды дух радости излился в мое сердце.

Я чувствовал, что прошел долиной смертной тени. Но Господь укрепил меня.

Я продолжал поститься.

Сатана же неустанно подбрасывал мне свои мысли. Он спрашивал меня: "Кто же позаботится о твоём семействе, когда ты умрешь? Где твой Бог? Он оставил тебя умирать одного?" Чтобы противодействовать этим нападкам, я размышлял о Слове Божьем, например, над стихами Мих. 7:8-9:

Не радуйся ради меня, неприятельница моя!

Хотя я упал, но встану;

Хотя я во мраке,

Но Господь свет для меня.

Гнев Господень я буду нести,

Поскольку согрешил пред Ним,

Доколе Он не решит дела моего

И не совершит суда надо мною;

Тогда Он выведет меня на свет,

И я увижу правду Его.

* * *

Делинь.

После того, как арестовали моего мужа, нашлось много братьев и сестер, которые день изо дня помогали мне. Конечно, мне было тяжело и горестно сознавать, что мой муж находится в тюрьме, между тем как я была беременна, но верующие поддерживали меня, так что эти испытания не остались в моей памяти как ужасная темная пора жизни. Неверующие в нашем селе не упускали возможности унижить меня, но я не обращала на них внимания.

Юна доставили из Вуяна в Наньян фургонном. В полицейском отделении его пытали в течение восьми месяцев. Во всех сообщениях, которые мы получали оттуда, указывалось, что его приговорят либо к высшей мере наказания, либо к пожизненному заключению. Даже родной брат Юна считал, что тот совершил серьезные преступления и его казнят.

Верующие за пределами тюрьмы слышали, что Юн терпел ужасные страдания, проявляя решительное, непоколебимое доверие Господу. Люди, посещавшие родственников в тюрьме, сообщали о каком-то заключенном чудотворце, который обходился без еды и питья много времени. Весь город говорил об этом чуде.

Тысячи христиан домашних церквей не уставали день и ночь молиться за моего мужа. Тем временем церкви численно возрастали. Удивительные чудеса и знамения происходили постоянно, так что люди приобщались к телу Христову десятками тысяч.

Сатана пытался соблазнить меня через моих родственников. Однажды к нам в дом пришла жена моего старшего брата и стала мне советовать развестись с Юном, и подыскать себе другого мужа, пока я еще молода. Меня заставляли развестись с ним и другие, убежденные в том, что его так или иначе лишат жизни.

Я отказывалась слушать их.

Жены многих китайских проповедников бросали мужей, когда те ради Евангелия попадали за решетку. Один брат по имени Ли был приговорен к большому сроку тюремного заключения. Не успели прочитать приговор в зале суда, как встала его жена и воскликнула: "Я развожусь с этим человеком!"

Мне вовсе не хотелось походить на нее.

Огненное искушение.

"Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем. Всегда носим в теле смерть Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем" (2 Кор. 4 : 1-10).

За время поста я сильно ослаб физически, но мой дух был бодр, и я по-прежнему доверял Господу. Я знал, что благодати Его довольно для меня.

Прошло уже сорок дней поста, а я продолжал держать пост дальше, потому что получил ответ от Бога. В постоянных молитвах я умолял Бога о прощении и милости для моей семьи, церкви, страны и самого себя. Господь часто полагал мне на сердце текст из Пс. 122 : 1-2: "К Тебе возвожу очи мои, Живущий на небесах! Вот, как очи рабов обращены на руку господ их, как очи рабы - на руку госпожи ее, так очи наши - к Господу, Богу нашему, доколе Он помилует нас".

Таким образом, Бог принял желание сердца моего продлить пост. Я вступил в суровую духовную битву, которой прежде никогда не знал.

Я хочу немного рассказать о видениях, которые давал мне Господь. Я вижу видения не часто, но только тогда, когда Бог желает открыть мне что-то очень важное или срочное. Все видения, которые я видел, длились очень коротко, в течение одной-двух секунд. Некоторые образы или сцены просто мелькали как вспышка в моем сознании и духе, но при этом настолько живо и реально, что я был убежден - эти явления происходили от Бога.

Будучи христианами, мы не можем жить видениями или снами, причем даже не должны искать их. Мы должны руководствоваться только Словом Божиим и искать лица Господа. Но мы должны позволить Богу говорить с нами так, как будет Ему угодно. Любое видение или сон, данный нам, следует тщательно проверять Писанием, не забывая о том, что все происходящее от Бога никогда не противоречит Его Слову.

Бог обращается к людям через сны и видения, как в Ветхом, так и в Новом Завете. В это последнее время Он, как написано в Библии, говорит: "Изолью от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения" (Иоиль 2 :28).

Из числа многих видений и снов, через которые Господь обращался ко мне все эти годы, только одно или два я видел воочию, то есть я мог наблюдать определенную сцену глазами. Одно из таких видений я видел в сорок первую ночь моего поста.

Я увидел, как в пустыне поднялась сильная песчаная буря. Эта буря несла тучи ядовитых шершней, гадюк, скорпионов и сороконожек. Ураганный ветер сорвал с моего дома крышу. Крышу унесло, стены развалились, но основание дома устояло. Ядовитые твари стали нападать на меня.

Неожиданно, обернувшись, я увидел обнаженную блудницу. Она скинула с себя одежду, предлагая укрыть меня. Я был смущен. Конечно, мне хотелось укрыться от ядовитых тварей, которые впились в меня, но вовсе не в объятиях блудницы.

Я не знал, что мне делать? Внезапно передо мной появилась моя матушка. Ее спокойное лицо светилось. Она с любовью сказала мне: "Сын мой, ложись быстрее". При этом она дала мне большой ломоть хлеба и велела немедленно съесть.

Тысячи шершней, змей, скорпионов и сороконожек продолжали впиваться в меня. Не выдержав боли, я крикнул: "Господи! Помоги мне!" и очнулся от своего голоса. Было уже за полночь. Я находился все в той же тюремной камере.

Переживания и ощущения были настолько яркими, словно это было не видение, а реальность.

Позже той же ночью Бог вразумил меня следующим сновидением. Оно было настолько коротким по времени, что вначале я ничего не понял. Я увидел себя в комнате, вокруг меня белые стены и белые одежды. Какой-то человек в белом сказал мне: "Приложи свою руку к одежде ". Я приложил и увидел на одежде кровавый след от руки. Я не понимаю, как он мог появиться, ведь на моей ладони не было ни крови, ни краски.

Проснувшись, я не нашел в этом сновидении никакого смысла, хотя был уверен, что в свое время Господь непременно откроет его мне.

Обняв брата Ли, который лежал рядом со мной, я прошептал: "Завтра меня вызовут на очередной допрос, и мне придется много пострадать за Христа. Пожалуйста, молись обо мне ".

Брат Ли спросонок что-то пробормотал мне в ответ и отвернулся.

На следующий день около девяти часов утра меня вызвали: "Юн, на выход! " Раздался лязг стальных запоров, и двери отворились.

На допрос меня понес на руках брат Ли, так как я едва держался на ногах от слабости. Ли был из числа новообращенных христиан. До обращения к Богу это был известный злодей и безжалостный грабитель. Ему было поручено наблюдать за мной самым пристальным образом и сообщать надзирателям обо всем, что я делаю. Я знал, что Ли - подсадная утка.

Через некоторое время Ли понял, что я действительно был христианским пастором. Наблюдая за мной, с какой стойкостью, по милости Божьей, я держал пост, он видел помощь, которую Бог оказывал мне все это время. Ли видел, что я вел себя в полном соответствии с тем, чему учил, и не был каким-то злодеем. Однажды он нес меня после допроса в камеру, и, наклонившись к моему лицу прошептал: "Теперь я верую в твоего Иисуса". С тех пор он стал мне дорогим братом.

Прежде чем начался допрос, я почувствовал, что Бог рядом со мной, Он моя сила и радость, как писал Давид: "Всегда я видел пред собою Господа, ибо Он одесную меня; не поколеблюсь. Оттого возрадовалось сердце мое и возвеселился язык мой; даже и плоть моя успокоится в уповании"(Пс. 15:8).

Чем больше я размышлял о благодати Божьей, тем больше умножалась моя вера.

Брат Ли нес меня на руках и вполголоса молился, зная о предстоящем мне испытании. Кобовцы велели ему бросить меня на пол, а самому сесть и обождать.

В тот день моим допросом занимались два новых следователя. Не говоря ни слова, я просто лежал на полу, закрыв глаза. Один из следователей пнул меня ногой и спросил: "Юн, ты будешь говорить сегодня?" Другой следователь поднял мне веки и предложил: "Посмотри-ка на это, Юн! Мы умеем справляться с такими как ты. Не станешь говорить, так мы тебя заставим!".

Они принесли с собой различные орудия пытки, в том числе кнуты и цепи.

Один из них подошел ко мне с шейкером. Включив максимальное напряжение, он стал бить меня по лицу, по голове и по чему попало. Сильная боль пронзила все тело, словно тысяча копий.

Но Святой Дух ободрил меня тремя стихами из Писания: "Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущими его безгласен, так Он не отверзал уст Своих " (Ис 53 :7).

"Ибо вы к тому призваны, поскольку и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по Его следам" (1 Петра 2 : 21).

"Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его"(Иак. 1:12).

Мысли о Слове Божьем укрепили меня. Господь дал мне силы выдержать эти испытания. Я понял, что страдания, которые я должен был перенести, не сопоставимы с теми, что Иисус перенес ради меня, и что любые мои страдания были понятны Господу Иисусу, и Он сострадал мне. "Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха"(Евр. 4 : 15).

Господь не дал мне испытать всю боль, какую я должен был испытать во время истязаний электричеством. Вставши на мои руки и ноги, палачи поочередно разряжали на мне свои шейкера. Они тянули меня за веки, губы, уши и другие части тела, чтобы унижить меня.

Будучи полуживой массой из кожи и костей, распластанной на холодном полу, я упорно молчал.

Когда следователи поняли, что их попытка заставить меня разговариваться провалилась, один из них внезапно сменил электрошок на "лайковую перчатку". Он сказал: "Достаточно! Вот что, Юн! У тебя есть отличный шанс! Мы сегодня же освободим тебя, если ты расскажешь в своих преступлениях против государства; если ты согласишься стать членом "Патриотической церкви трех благ". Мы даже сделаем тебя председателем регионального отделения этой церкви! Мы закроем твое дело по всем статьям и помилуем тебя".

Он пнул меня снова, и спросил: "Юн, ты слышишь, что я сказал? Ты принимаешь мое предложение? Отвечай!"

Не успел я открыть рот, как мне вспомнилось видение с блудницей, пытавшейся соблазнить меня безопасностью.

Внезапно мой дух оставил тело и я снова увидел тучу змей, скорпионов, шершней, сороконожек, нападавших на меня. Они уже почти справились со мной, так как я без движения лежал на земле. И тут я понял, почему Бог накануне показал мне это видение.

Чтобы сломить меня, кобовцы сначала жестоко пытали, потом стали соблазнять, однако Господь дал мне силы выдержать и то и другое.

Так как ничто не привело к желаемым результатам, брату Ли отдали приказ отнести меня в тюремный лазарет.

Тут в помещение лазарета буквально вкатился толстый, коренастый человек в белом и велел четверым охранникам, сопровождавшим меня, удалиться: "Пожалуйста, выйдите отсюда на время, пока я обследую Юна". Когда охранники вышли из комнаты, доктор сказал мне: "Юн, если

ты не желаешь говорить, я заставлю тебя ". Он злобно улыбнулся: " Игла излечит тебя от немоты. Ты у меня заговоришь!"

Пригласили охранников. Они придавили меня к койке, раскинув мои руки и ноги, а затем прижали мою ладонь к доске. Доктор достал из саквояжа большую иглу и начал вгонять ее мне под ногти, начиная с большого пальца.

То, что я испытал тогда, не поддается описанию Эта пытка оказалась наиболее мучительной из всех, каким я подвергался прежде. Сильнейшая боль волнами распространялась по всему телу. Я не мог удержать слез. В полуобморочном состоянии я не понимал в теле я или вне тела.

Когда доктор добрался до моего среднего пальца, Бог по милости Своей допустил мне упасть в обморок и уже не чувствовать боли.

Очнувшись, я не ощущал ни пальцев, ни рук. Ужасная боль пульсировала по всему телу. Несмотря на холодную погоду, я покрылся потом с головы до пят. Тут я вспомнил видение с кровавым отпечатком руки на белой одежде.

Позже брат Ли рассказал мне, что было дальше. Его заставили ждать за дверью в другом конце коридора, и вдруг он услышал крик доктора, пытавшего меня: "Сейчас ты со своим ослиным упрямством отправишься прямиком к своему Богу!"

До брата Ли стали доноситься мои крики, напоминающие стоны раненого зверя, но он мог только молиться обо мне. Он склонил голову и просил Бога оставить меня в живых.

Когда он принес меня в камеру, заключенные стали спрашивать его, что со мной сделали. Он же, упав на колени, принялся рыдать. Успокоившись наконец, брат Ли объяснил, что со мной произошло. Они все тогда сжалились надо мной. Услышав обо всем, что сделали со мной, прослезились даже привычные преступники.

Но, слава Богу! Он защищал и хранил меня во всех испытаниях. Я знал, что Бог использовал злобу моих гонителей, желая достичь Своих целей: сокрушить мое самолюбие и упрямство. Он преподавал мне урок, как надлежит уповать на Него, как терпеливо сносить всевозможные скорби и как на самом деле любить семью Божью.

После пыток я чувствовал себя как Давид в Пс. 101:5-6: "Сердце мое поражено, и иссохло, как трава, так что я забываю есть хлеб мой; от голоса стенания моего кости мои прильнули к плоти моей".

Несмотря на то, что меня избивали, пинали ногами, кобовцы и доктор так и не получили от меня того, что хотели. Они были в ярости. Через несколько дней у них созрел еще один план. Однажды утром я услышал, как с лязгом открылись тюремные ворота. Один из моих сокамерников подтянулся к окну и выглянул во двор. Он увидел несколько переодетых сотрудников КОБ, и услышал слова: "Юна сюда!"

Брату Ли велели обернуть меня одеялом и вынести. На улице нас ожидал трехколесный мотоцикл с коляской. Меня отвезли в наньянскую больницу, где после медицинского обследования доктор вынес следующее заключение: "Никаких серьезных заболеваний у Юна не выявлено, кроме крайней степени обезвоживания. Мы должны ввести ему препарат -IV, чтобы справиться с обезвоживанием организма".

Медсестра подготовила два флакона с физиологическим раствором, чтобы ввести препарат -IV. Она стала осматривать мою руку, и я закрыл глаза. Вдруг я услышал щелчки фотокамеры и голос доктора: "Он крайне истощен, и вен не видно. Введите раствор внутримышечно в область предплечья". Оказывается, врачи и медицинские сестры разыгрывали перед репортерами и операторами спектакль.

Медсестры никак не могли найти моих вен, и оставили меня лежать прямо в коридоре. Многие проходившие мимо смотрели на меня с брезгливостью. "Все, видящие меня, ругаются надо мною, говорят устами, кивая головою: "он уповал на Господа ;пусть избавит его, пусть спасет, если он угоден Ему " (Пс. 21: 7-8).

Вид мой был жалок и внушал отвращение. Как говорил Апостол Павел: "Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, поскольку мы сделали позорищем для мира, для Ангелов и человеков... хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый " (1 Кор. 4 : 9, 13).

Так и не найдя у меня вен, медсестра ввела мне препарат -IV в мышцу предплечья. Репортеры терпеливо ждали своего, а врачи проявляли недовольство задержкой. Когда мне ввели два флакона физиологического раствора, моя рука тут же вспухла - боль была мучительной.

Медикам было все равно, жив я или умер. Они играли для прессы: дескать, вот как государство заботится обо мне. Властям же, уверенным в том, что я скоро умру, хотелось показать всему миру, что мне оказывали "медицинскую помощь".

Затем меня снова привезли в тюрьму на очередной допрос. Я не открывал глаз, но кобовцы поднимали мне веки. Надо мной глумились и издевались, но заставить меня заговорить им так и не удалось.

Двое охранников отнесли меня на одеяле в камеру. Там они бросили меня на бетонный пол и, вытащив из-под меня одеяло, принялись избивать шейкерами.

Это был самый темный час для меня.

На этот раз и сокамерники не пожалели меня. Оказывается, пока надо мной измывались медики, кто-то из тюремной администрации выступил перед заключенными с речью: "Юн - злодей, враг народа. Он знает, что совершил серьезные преступления и теперь притворяется безумным. Однако нам известны его планы. Он начал голодовку, чтобы бросить тень на наше государство. Но сегодня в больнице его признали здоровым, так что отныне мы будем обращаться с ним так, как он этого заслуживает. Заключенным рекомендуется проявлять бдительность в отношении этого контрреволюционера. Вам не повезло, что он ваш сокамерник. Вам следует прекратить общение с Юном и доносить обо всем, что касается его. Тому, кто справится с этим лучше всех, сбавят срок".

Таким образом, заключенные (кроме брата Ли), купленные за поблажки, стали ненавидеть меня.

Среди сокамерников одни были приговорены к пожизненному заключению, другие - к сроку от десяти до двадцати лет. Это были люди страшно озлобленные, и обещание сократить срок тюремного заключения было столь привлекательно, что пренебречь им они не могли.

Теперь в этой камере мне стало тяжело. Если бы не Божья милость и защита, я просто не выжил бы.

В нашей небольшой камере содержалось 15-16 заключенных. На всех была одна параша. Взяв мою постель, они окунули ее в парашу. Запах стоял ужасный.

Староста камеры, назначенный охраной, подходил ко мне и намеренно мочился мне на лицо, и других подбивал поступать так же. И все (кроме брата Ли) стали мочиться на меня, при этом они смеялись и издевались надо мной. Это было страшным оскорблением, но я был слишком слаб и никак не мог этому противостоять. Я испытывал страшные душевные муки, но все терпеливо сносил. Мне тогда пришли на память слова из 1 Петра 2:23: "Будучи злословим, ОН не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному".

Я так же размышлял о том, что обещал Иисус: "Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах. Так поступали с пророками отцы их " (Лк. 6 : 22 - 23).

С какого-то времени охрана стала обращаться с заключенными с большей жестокостью. Сокамерники решили, что все это из-за меня, и возненавидели меня еще больше.

Каждый день в определенный час осужденных выводили на прогулку. Однажды днем вынесли и меня. Охранники подготовили моих сокамерников бросить меня в сточную канаву, куда сливались параша со всех камер.

Помочившись на меня, охранники заставили меня есть эти нечистоты. Однако я так долго ничего не ел, что это было невозможно. От меня почти ничего не осталось. К тому времени я весил около тридцати килограммов.

И снова охранники стали бить меня электрошоком, вынуждая ползать, уподобившись собаке, по человеческим испражнениям. Они пинали меня кованными башмаками, стараясь перевернуть в эту клоаку лицом вниз.

В конце концов они дошли до того, что засунули мне в рот шейкер, и пустили ток. У меня нет слов, чтобы описать боль, которую я испытал от этой пытки. Мне казалось, что мои мозги взрываются изнутри. До сих пор все мои внутренности содрагаются, стоит только вспомнить об этих пытках. А тогда, чтобы избежать жутких нечеловеческих страданий, мне хотелось умереть.

Не буду говорить о своих чувствах, а приведу слова псалмопевца: "Множество тельцов обступили меня; тучные Васанские окружили меня, раскрыли на меня пасть свою, как лев, алчущий добычи и рыкающий. Я пролился, как вода; все кости мои рассыпались; сердце мое сделалось, как воск, растаяло посреди внутренности моей. Сила моя иссохла, как черепок; язык мой прильнулу к гортани моей, и Ты свел меня к персти смертной"(Пс. 21 : 12-15).

В конце концов я потерял сознание.

Все это происходило на глазах у заключенных. Охранникам хотелось, чтобы и они тоже унижали меня и издевались надо мной. Некоторые так и поступали, но не все. Были и такие, что не могли смотреть на эти зверства и горько плакали.

В то же самое время в этой тюрьме находился мой шурин. Увидев, что я потерял сознание, он выбежал из толпы и пытался мне помочь. Охранники тут же набросились на него с шейкерами и стали пинать его ногами и кричать: "Да кто ты такой! Пошел вон!". От удара он упал на землю.

В марте 1984 года долгой зиме наступил конец: перестал падать снег, хотя поутру все еще держался легкий морозец. Мне приходилось носить рваное белье и негодную верхнюю одежду, доставшуюся от других заключенных, и на ветру, конечно, пробирало.

Однажды утром нас вывели во двор оправиться. Отдали приказ всем выстроиться в ряд. Я же был так слаб, что не мог стоять, и охранники прислонили меня к стене.

И тут мне припомнилась та ночь, в которую меня арестовали, когда братья с кротостью омыли мне ноги, я вспомнил и о том красивом шарфе, который брат Джан подарил мне со словами: "Пусть это шарф согревает тебя в холодную погоду".

Мне казалось, что мои дорогие братья и сестры всегда рядом со мной, даже за решеткой. Для меня было огромным утешением вспоминать о нашей дружбе. На мне все еще был тот шарф, подаренный братом. Чтобы согреться, я обертывался им. Шарф, казалось мне, связывал меня с моими друзьями.

В тот день, когда я был поставлен у стены, меня не трогали до заката. Потом брату Ли велели отнести меня на руках в камеру. Но он не успел отнести меня. Охранники, продолжая издеваться, сорвали у меня с пояса шарф. К шарфу я привязал семейную чайную чашечку из фарфора. На ней имелось изображение в виде крестиков голубого цвета. Долгое время эти крестики придавали мне силы. Они напоминали мне о Голгофском кресте и о любви моих родных.

Заключенные отвязали эту чашку от шарфа и бросили в писсуар. Шарф они забросили в парашу.

Я переживал невыразимую боль и гнев. Роясь в параше, я пытался найти чашку. Заключенные мочились мне на голову и руки. Наконец я нашел ее и прижал к груди. Я был страшно сердит на заключенных за то, что они пытались лишить меня единственной памятной вещи для моей души.

Мне хотелось нанести ответный удар, но Бог остановил меня и сказал: "Никому не воздавайте злом за зло, но пекусь о добром перед всеми человеками. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: "Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь. Не будь побежден злом, но побеждай зло добром"(Римл. 12 :17, 19, 21).

Мне стало стыдно за эти чувства, я раскаялся, я начал благословлять своих сокамерников, особенно тех, которые обижали меня больше других. Не прошло и двух дней, как на моих сокамерников пал гнев Божий: они начали страдать чесоткой. Кожа так сильно зудела, что сводила с ума заболевших.

Чесотка миновала в камере только нас с братом Ли. Хотя я валялся в параше, находясь в антисанитарных условиях, Господь устроил так, что я чесоткой не заразился.

Охрана постоянно следила за мной в надежде обнаружить признаки приближения моей смерти, но им открывалась одна и та же картина: я молча лежу на спине и ничего не делаю.

Тюремной администрации донесли, что брат Ли сочувствует мне и всячески заботится. Он кротко останавливал заключенных, убеждая их относиться ко мне по-человечески. В итоге брата Ли перевели в другую камеру. Теперь я остался один - без всякого общения с верующими.

Охранники снова бросили меня в писсуар. Заключенные мочились мне в лицо. Мне хотелось кричать. Я чувствовал себя страшно одиноким. "Поношение сокрушило сердце мое, и я изнемог, ждал сострадания, но нет его: утешителей, но не нахожу"(Пс. 68 : 21).

На следующее утро тела этих заключенных были сплошь в нарывах! Это были какие-то кожаные гнойнички. К тому же они зудели так, что вынести это было невозможно. Заключенные раздирали нарывы до гноя. Несчастные не могли спать и даже просто лежать из-за ужасного зуда. Вскоре пришли охранники проверить меня. Стащили с меня белье, чтобы посмотреть, не болен ли и я этой болезнью. Они думали, что это я заразил всех чесоткой и нарывами: ведь я все время проводил лежа у параша. Но они с удивлением обнаружили, что только у меня и не было ни чесотки, ни гнойничков!

На некоторое время сокамерники оставили меня в покое, поскольку им было не до меня - они все время чесались. Старосте нашей камеры пришлось хуже всех - все его тело было покрыто красными пятнами, даже лицо. Другие заключенные обходили его стороной, боясь заразиться от него.

Так как у меня не было ни чесотки, ни гнойничков, сокамерники перенесли мою койку от писсуара поближе к спальному месту старосты, чтобы паразиты быстрее перекинулись с него на меня. Заключенных и охранников бесило, что только я один не заболел чесоткой и гнойничками.

Один из сокамерников по имени Ю следил за мной в течение многих недель. Он подошел ко мне и снежностью укрыл меня одеялом и вообще был ко мне добр. По милости Божьей именно он заменил мне брата Ли.

Однажды ночью Ю подошел ко мне, чтобы поправить одеяло. Я потянулся и взял руку Ю за руку. Я был так слаб, что голос мой был почти не слышан. Он склонился ко мне, чтобы расслышать мой шепот: "Ю, ты должен уверовать во Христа Иисуса как своего Бога и Спасителя". Ю был готов к этому и тут же в тишине обратился к Богу.

Староста нашей камеры, очень страдавший от кожных болезней, еще больше возненавидел меня, когда увидел, что мне удалось избежать этого несчастья. Он взял мое одеяло, а свое с паразитами и микробами, испачканное грязью, кровью и гноем, бросил мне. Но Бог встал на мою защиту, и я не заразился его болезнью.

Сатана не раз нападал на меня, и угрожал мне через злых людей, но Святой Дух давал мне силу, хотя моя земная хижина была почти разрушена. Врагов это обстоятельство ставило в тупик.

Заключенные спорили между собой, как долго я могу протянуть. Одни говорили - "Он умрет через три дня"; другие - " Да он не протянет и до вечера. Спорим, он умрет к утру. Если он переживет ночь, я отдам вам свой манту".

Они спорили об этом друг с другом даже на деньги, а я все не умирал. Всякий, кто играет в азартные игры против служителей Божиих, непременно проигрывает! Я же вручил себя Господу правды, и продолжал жить не своей силой, а лишь милостью Божией.

Сотрудники КОБ не смогли вырвать из меня ни слова, чтобы воспользоваться полученной информацией в своих целях. Опасаясь, что в случае моей смерти им придется держать ответ перед провинциальными властями, они стали нервничать.

Для проведения процедуры принудительного кормления местное начальство пригласило в тюрьму несколько больничных медсестер. Те открывали мне рот с помощью роторасширителя, но я не глотал и пища выливалась на пол. Присутствовавшие здесь репортеры снимали эти сцены как свидетельство того, что тюремная администрация старается спасти меня.

Увидев, как я упускаю баланду изо рта, охранники насмехались надо мной: "Юн, теперь нам все равно, будешь ты жить или нет. Мы сделали все, чтобы помочь тебе. Ты надеешься своей голодовкой как-то повлиять на наше правительство, а мы надеемся, что ты умрешь. Когда ты сдохнешь, объявят, что ты покончил жизнь самоубийством. Мы возьмем твой труп и кремируем его, и будем рады избавиться от такого осла, как ты".

Конец великого поста.

В период жесточайших гонений в Хэнане со второй половины 1983 года до июня 1984 года наша церковь столкнулась с серьезными трудностями. Сотни служителей были арестованы.

Я благодарен Богу за мать, которая была неутомимой молитвенницей. Каждый день утром и вечером она молилась о Церкви и ее руководстве. Вместе с другими верующими она взывала к Богу о милости и возрождении, поскольку пастыри были поражены и овцы рассеялись.

Вечером первого апреля 1984 года, преклонив колени в молитве, моя матушка увидела видение. Для нее это видение было очень важным, поскольку в то время она была в нашем селе повивальной бабкой.

В ее видении какая-то молодая женщина мучилась родами. Из-за плохого питания роды были преждевременными. Родился крошечный семимесячный мальчик. Семья родильницы и акушерка сказали: "Этот ребенок не выживет". Новорожденного положили в льняной мешочек и уже приготовились было выбросить вон.

Тогда вошла моя мать и сказала: "Дайте-ка мне посмотреть мешок". Потом, обратившись к молодой матери, она заверила ее: "Твое дитя не умерло".

С этими словами дитя преобразилось в меня. Потрясенная, моя мать пришла в себя. От избытка чувств она возопила к Богу: "Господь Иисус! Отец Небесный! Помилуй моего сына!" Тогда очень ясный голос сказал ей: "Твой сын не умрет".

С того дня, как меня арестовали, моя семья и друзья не только молились обо мне, но и справлялись о моем состоянии в местном отделении КОБ. Однако свиданий со мной никому не давали. Всем говорили, что я ни при каких условиях не выживу. Одним сообщали, что меня приговорили к смертной казни, другим говорили, что я буду приговорен к пожизненному заключению. Все это так или иначе доходило до моей жены и матери.

Супруга брата моей жены говорила ей: "Вернись домой к своей матери, и выходи замуж за другого, да поторопись. Юна не жди, он уже никогда не вернется к тебе".

Слава Господу! Он помог моей дорогой жене отвергнуть эти искушения. Она решила выстоять от всего сердца, доверившись Господу, несмотря ни на что.

Как раз в ту ночь, когда моей матушке в видении было обещано, что я не умру, приснился сон и моей жене.

В этом сновидении Делинь увидела себя и матушку на свидании со мной в тюрьме. Я был худой как скелет, но, тем не менее, силен благодатью Божьей. В моем сердце царили радость и мир. Я передал ей какой-то ключ и твердо сказал: "Этот ключ откроет любую дверь!" Проснувшись, Делинь тотчас поняла, что Господь Иисус ждет от нас молитв, открывающих любые двери и сокрушающих любые горы.

На следующее утро мать и жена рассказали друг другу о том, что видели в ту ночь. Это укрепило их веру. Встав на колени, они поблагодарили Господа. Потом они рассказали об этом некоторым верующим.

В то время на свободе оставался лишь один из руководителей домашней церкви по имени Фон. Он пришел к нам в дом и молился всю ночь, умоляя о милости и духовном пробуждении. На следующий день он сказал моему семейству: "Пришло время посетить Юна в тюрьме".

В Китае ты не имеешь права посетить заключенного по своему желанию. На свидание с заключенным посетителя допускают лишь по официальному приглашению тюремных властей.

Буквально на следующий день Делинь получила такое приглашение из тюрьмы. Для моей семьи это не было неожиданностью, ведь они уже получили приглашение от Господа!

Прошло более семидесяти дней, как я не пил и не ел. С того дня, как меня арестовали, я не получал ни одной весточки от своих родных и церкви.

Мои сокамерники, несмотря на кожные болезни, продолжали издеваться надо мной. Я уже начал было верить их словам, что скоро умру. Мрак и страдание подавили меня. И все же я чувствовал, как ангел Божий поддерживал меня и не давал мне умереть.

На семьдесят пятый день моего поста, около трех часов утра, сияющий свет залил мою камеру, и я увидел видение, в котором я ехал по дороге на велосипеде. На руле сидел прекрасный семилетний мальчик по имени Сяо Шэнь. Я знал его еще до того, как был арестован. Его родители любят Иисуса.

В моем видении Сяо Шэнь сказал: "Дядя Юн, давайте я вам спою песню и запел: "Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня" (Ин. 14:16). Вместе с ним стал петь и я, все громче и громче, Радость наполнила мое сердце! Я чувствовал себя свободным как птица!

Я видел свое тело лежащим в камере, но мой взор мог проникать через стены во внешний мир. Я видел множество людей разного цвета кожи - это были представители многочисленных наций и всевозможных культур. Одни были на коленях, другие стояли. И все молились, подняв руки к небу.

Я попробовал было выйти и поприветствовать этих людей, как вдруг туча скорпионов, шершней, змей и чудовищ снова набросились на меня.

Я упал на землю. Когда я с трудом открыл глаза, то увидел себя на руках у матушки. Она крепко держала меня. Жена, сестры и братья мои, взявшись за мою руку, громко плакали. Я же сказал им: "Иисус есть путь, истина и жизнь".

Затем я пришел в себя.

Каждый день моего продолжительного поста был полон борений, чудес, снов, видений и откровений от Господа. Я испытывал Его силу постоянно. И хотя у меня не было Библии, я размышлял над словами из Писания, которые вспоминал.

Люди всячески пытались уничтожить меня, но им этого не удавалось. Теперь они нашли другой метод. Начальство пригласило моих родных в тюрьму, чтобы они убедили меня принять пищу и заговорить. Им хотелось, подслушав все, что я скажу, употребить полученные от меня сведения против меня же.

6 апреля 1984 года к нам в дом явился сотрудник местного отделения КОБ и стал инструктировать мою жену и мать, как им следует говорить со мной, чтобы убедить принять пищу и заговорить. Однако Господь уже предупредил мою мать и жену: "Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные" (Мф. 7:15).

На следующий день, 7 апреля в восемь часов утра, моя мать, жена и шесть других родственников, а так же несколько братьев и сестер уже стояли у главных ворот тюрьмы в Наньяне. Привратник заставил их ждать, пока брат Ю отнесет меня на очередной допрос. И здесь меня пытались обмануть: "Юн, у тебя есть еще шанс. Если ты заговоришь, все будет улажено раз и навсегда".

Я отказался, и тогда они с остервенением стали избивать меня кнутом и шейкером. Я потерял сознание.

Очнувшись, я почувствовал, как тепло волнами растекается по всему телу, будто я лежу в мягкой постели. Впрочем я не знал, жив я был или мертв, бодрствовал или спал. Я ощущал лицом тепло, будто бы кто-то нежно гладил меня.

Мне казалось, что это было видение, но когда я открыл глаза, то увидел себя на руках матери! Капли горячих слез разбудили меня, а ее нежные, ласковые руки успокоили меня. Я видел, что матушка испытывала сильнейшую боль, словно нож пронзил ее сердце.

Рядом стояла Делинь. Она не верила своим глазам! Мое физическое состояние трудно было описать словами. Делинь сказала моей сестре: "Нет, нет, это вовсе не он. Это определенно не мой муж!"

Я был просто мешком из кожи и костей. После побоев и пинков волос на моей голове почти не осталось, уши сморщились, отросла неопрятная борода. Оставшиеся волосы, грязные, слипшиеся от моей собственной крови, свалились колтуном. Весь мой облик изменился в результате электрошоковой "терапии".

Жена не узнала меня.

Матушка моя поняла, что это был я, лишь тогда, когда нашла на моем теле только ей знакомую родинку. Громко рыдая, она воскликнула: "Это мой сын! Господи, помилуй нас! "

Когда жена поняла, что это исхудавшее человеческое существо действительно ее муж, она почти упала в обморок.

И тут Господь вдруг наполнил силой. Сила свыше снизошла на меня. Это трудно объяснить, но я почувствовал, как мой дух слился с моим Небесным Отцом. Господь повелел мне: "Говори! Настало время говорить!"

Не успел я произнести слово, как сестра рукой закрыла мне рот. Она знала, что все прослушивается охраной.

Но я убрал руку сестры и воскликнул: "Не надейтесь на князей, на сына человеческого, в котором нет спасения" (Пс. 145:3). "Лучше уповать на Господа, нежели на князей" (117:9).

Затем я взял за руки брата Фона и, пристально взглянув на него, сказал: "Брат, искушения богатством и почестью не совратят нас. Угрозы и насилие не поколеблют нас. Бедность и мрак не

собьют нас с пути истинного. Будь силен в Боге и взирай только на Господа Иисуса Христа. Я уже знал, что ты наведишь меня сегодня - Отец Небесный предупредил меня об этом".

Надзиратели и охранники не поняли ни того, что произошло, ни того, что я сказал. Все плакали и рыдали. Когда я пытался заговорить снова, сестра опять закрыла мне рот. Но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог.

Я взял матушку за руку и сказал ей: "Матушка, твой сын хочет есть! Твой сын хочет пить! Прошла осень и пришла холодная зима. Почему ты не передала мне теплых вещей?"

Она вытерла мои слезы и сказала: "Дорогой сын! Не потому, что твоя мать не любит тебя. Мы передали тебе много одежды и продуктов, но ни одна из наших посылок не дошла до тебя. Мы просили других передать тебе одежду и еду, но тюремная охрана все оставила себе".

Моя семья не понимала, что я имел ввиду не физический голод и жажду. Одна из сестер, услышав, что мне хочется есть и пить, выбежала из тюрьмы в ближайший магазин, чтобы приобрести немного еды и питья. Я же не мог не плакать.

Я снова заговорил: "Матушка, я не жажду ничего земного, ни хлеба, ни воды. Я жажду приобретать людские души. Проповедуйте Евангелие и спасайте людей. Это единственная пища, которая может удовлетворить".

Я воскликнул: "Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его. Не говорите ли вы, что еще четыре месяца, и наступит зима? А Я говорю вам: возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве"(Ин. 4 : 34-35).

Со слезами на глазах я сказал: "Я постился семьдесят четыре дня. Этим утром на рассвете Бог показал мне в видении, что встречу с вами. Дорогая матушка, я готов умереть от побоев. Если я умру - то умру преданным Господу. Матушка, ты принесла Тело и Кровь Агнца? "

Сестра вернулась из магазина с галетами и бутылкой виноградного сока. Я взял одну галету, преломил ее, благословил и вручил ее Делинь, матери, брату Фону, другим сестрам и родственникам. В сокрушении сердца я произнес: "Сие есть Тело Божье, за вас ломимое... "

Потом я раздал немного виноградного сока со словами: "Сия чаша есть новый завет в Крови Господней, пролитой за нас". При этом каждый склонил голову и принял причастие.

Я громко плакал, обнимая своих любимых. Обратившись к матери, я сказал: "Матушка, сегодня, быть может, мы участвуем в хлебопреломлении в последний раз". Затем я повернулся и поцеловал жену. Потом, обращаясь ко всем, сказал: "Дорогая жена, матушка, братья и сестры, надеюсь увидеть всех вас на небесах ".

Мои братья и сестры не могли сдержать слез.

Старшая сестра обняла меня и спросила: "Как ты можешь оставить престарелую мать и молодую жену! Ты не можешь думать только о себе! Кроме того, твоя жена беременна, как ты можешь быть таким жестоким по отношению к ней?"

Моя мать умоляла: "Сынок, твоя жена нуждается в тебе. Твоя мама нуждается в тебе. Семья Божия нуждается в тебе". Она перешла на шепот и сказала: "Послушай твою мать! Бог сказал мне, что ты не умрешь. Ты должен проявить мужество и остаться в живых!"

Под Божьей охраной мы закончили общение. Представители тюремной администрации казались озабоченными и смущенными. Они слышали все, но ничего не поняли.

Я сказал родным: "Пожалуйста, поститесь и молитесь обо мне. Я никогда не стану Иудой. Я никогда не предам Господа и Его народ".

И тут полицейские как бы очнулись. Застучав кулаками по столу, они стали кричать: "Что это ты болтаешь? Довольно! Все вон отсюда!" Охране отдали приказ отнести меня в камеру. Моя мать, жена и сестра ухватились за меня и не отпускали, пока охрана не вырвала меня из их рук.

Моя мать предпочла бы умереть, чем оставить меня в руках злодеев, но они выхватили меня из ее рук подобно стае лютых волков, напавших на беззащитную овцу. Не стесняясь моей семьи и родственников, охранники стали избивать меня и потащили прочь, отшвырнув на пол мою престарелую мать. Все горько плакали, не зная, придется ли им когда-нибудь увидеть меня снова.

С громким лязгом захлопнулись ворота тюрьмы. Но и через ворота до меня донесся голос матери: "Сынок, помни слова своей матери. Ты должен жить! Живи для Господа! А я ответил ей: "Матушка, проповедуй Благую Весть! Проси церковь поститься и молиться обо мне! "

За это я получил удар по лицу от охранника, который вел меня в камеру.

Делинь.

Все говорили мне, что мой муж будет казнен, но в глубине души я была уверена, что время, когда Господь призовет его к Себе, еще не настало. Может показаться странным, но я не чувствовала подавленности и не была в депрессии, поскольку никогда всерьез не верила, что его казнят. Действительно, я считаю, что Юну лучше быть убитым, чем всю жизнь влачить жалкое существование в тюрьме. Если бы его расстреляли, то, по крайней мере для него, все бы на этой земле кончилось и он соединился бы с Господом навеки. Мой муж находился в тюрьме и постился более семидесяти дней. Представители тюремной администрации, напуганные тем, что он умрет от голода, пригласили нас на свидание в тюрьму, расположенную в центре Наньяна.

Я была на шестом месяце беременности, что уже было заметно. Мне очень хотелось обрадовать Юна тем, что вскоре он станет отцом. Но с тех пор, как его арестовали, мы не получали вестей друг от друга, так что он даже не знал, что я носила под сердцем его дитя.

Стоял апрель месяц, и жаркое лето было не за горами. Рано утром, мы уже были в Наньяне. Я ехала на багажнике велосипеда старшей сестры Юна. У тюремных ворот мы встретили других посетителей. Они тоже приехали сюда на велосипедах. Всего нас было восемь человек. Нам велели обожждать в комнате, пока Юна принесут на свидание.

Через некоторое время внесли исхудавшее тело. Мой муж был без сознания, поскольку его били как раз перед тем, как мы прибыли на свидание. Перед нами был маленький ребенок. Его уши сморщились и стали размером с изюминку. Когда мы его увидели, то никто не узнал в нем Юна. Нам показалось, что здесь была какая-то уловка, придуманная начальством. Тогда я сказала: "Это не мой муж!" И сестра Юна также подтвердила: "Должно быть произошла ошибка. Это не мой брат!"

Только после того, как мать Юна увидела на его теле родинку, ей стало понятно, что перед ней ее сын. От него осталось так мало, что он даже не походил на человека. Все его тело было в следах от побоев, пыток, запекшийся крови и грязи. Волос на его голове почти не оставалось. Лицо было изможденным. Провалившиеся глаза, полураскрытый рот и обнажившиеся желтые зубы. Одет он был в грязные лохмотья. Я не поверила своим глазам. Я была просто в шоке. Каждый из нас испытывал тоже самое. У меня кружилась голова, и я почти теряла сознание.

Наконец Юн пришел в себя и заговорил в первый раз за последние три месяца. От страшной физической слабости он говорил едва слышным шепотом, который разобрала только его мать. Оpozнав в этом человеке Юна, все зарыдали. Мы были невероятно взволнованы. Юн же произнес: "Братья и сестры, не плачьте обо мне! Плачьте о людских душах, А теперь давайте приобщимся к Телу и Крови нашего Господа! "

Одна из сестер сбегала в магазин возле тюрьмы и купила печенье и сок для Вечери Господней. Юн сказал, что отправляется к Господу и нам предстоит разделить Вечерю Господню в последний раз перед его смертью. Мы все плакали громко рыдали. Все, что произошло, просто не укладывалось в голове. Мы были так потрясены, что выйдя из тюрьмы, сели прямо перед входом и начали молиться: "Отче, Бог праведный и милосердный, пожалуйста, помилуй наш народ. Помилуй нас и тех, кто преследует Твоих детей. Даруй им Твое спасение!" По оживленной улице мимо нас проходили люди. Услышав наши вопли, они столпились вокруг нас и стали расспрашивать, в чем дело. Когда мы рассказали о том, чему были сегодня свидетелями, многие плакали.

Бог дарует мне сына и множество братьев.

"Но благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте. Ибо мы Христово благоухание Богу в спасаемых и в погибающих" (2 Кор. 2 : 11-15).

Как только меня внесли в камеру, на меня набросился охранник: "Как ты осмелился трепаться и жрать, когда столько времени и рта не открывал? Шкуру с тебя спущу! Ну, погоди у меня!", - и он с грохотом запер за мной железную дверь.

Потом оскорблять меня принялся староста нашей камеры: "Нет, вы только посмотрите на этого фокусника! Каждый день здесь косил под умирающего. Вот я убивал и насиловал, а все-таки живу и здравствую, а ты из-за своей веры во Христа все-таки подохнешь как шелудивый пес".

Другой заключенный, мусульманин, прорычал: "Как ты посмел говорить о каком-то Иисусе вопреки закону? Тебе давно пора на тот свет. Небесный закон будет судить таких свиней, как ты!"

Все в камере знали, что от страшной слабости у меня подкашивались ноги и без посторонней помощи я не мог сделать и шагу. На протяжении многих недель я не произнес ни слова. Когда же до меня донеслись эти оскорбления, Святой Дух вдохновил меня выступить перед ними. Все остолбенели, когда я встал на ноги и объявил громким голосом: "Друзья, у меня есть для вас сообщение от моего Бога. Пожалуйста, послушайте!"

Они изумились, что я не просто встал, но и заговорил с необыкновенной силой и властью. От меня осталась кожа да кости. Они спорили, когда я умру, однако, теперь я стоял перед ними и говорил громко и властно!

Я сказал им: "Друзья мои, Бог послал меня сюда для вашего же блага. В день, когда меня принесли сюда в камеру, я сказал вам, что я пастор и верую в Иисуса. В первую ночь я пел вам о Боге и говорил о спасении, которое дается каждому. Вы могли узнать меня лично, кроме того, вы сами свидетели, что все это время я не пил и не ел. И вот я спрашиваю вас, было ли такое в истории, чтобы человек, постившийся семьдесят четыре дня, остался жив? Разве не ясно, что Бог вступился за меня, показав Свою силу и власть!

Теперь мой Господь дал мне силу встать перед вами и сказать об Иисусе, Который есть истинный и живой Бог. Доколе вам жить в грехе, делая зло! Когда придет судный день, как вы избежите ада? Только Иисус может спасти вас!

Сегодня Господь милостив к вам и дает возможность покаяться и получить прощение грехов. Падите на колени перед Иисусом, признайтесь в грехах и просите Бога простить вас. Другого пути спасения нет!"

Когда я закончил, на людей словно упала бомба! Уже ничто не могло удержать их от покаяния. Староста нашей камеры со словами, "Юн, что мне делать, чтобы спастись?", первый упал на колени.

Остальные, в том числе и мусульманин, тоже бросились на колени: "Что нам делать, чтобы спастись? Как получить прощение?" Каждый из этих ожесточенных грехом людей в потоках слез раскаивался в пороках, принимая Господа Иисуса Христа в свое сердце.

Они каялись и в том, что плохо обращались со мной. Я простил им, как простил своим братьям Иосиф. Я ободрил их такими словами: "Вот, вы умышляли сделать то, что теперь есть: сохранить жизнь великому числу людей " (Быт. 50 :20).

Воды у нас было немного, и я крестил их всех, брызнув на каждого по несколько капель.

Тюремный охранник, услышав из коридора шум и волнение в нашей камере, бросился к двери. Несколько минут он стоял как вкопанный, не проронив ни слова, пораженный открывшейся ему картиной.

Отношения в нашей камере совершенно изменились. Теперь эти прощенные грешники имели новые, отзывчивые сердца. Их речь и поведение изменились коренным образом. Раньше в камере №2 правили гордость и ненависть - теперь воцарились радость и мир.

Новообращенные ходили со слезами на глазах, пораженные тем, как Господь изливал на них потоки благодати. Когда их выводили на прогулку во двор, они не упускали возможности возвестить о Христе заключенным других камер. Таким образом, Благая Весть стала возвещаться в тюрьме всем. В те дни многие раскаялись и уверовали в Господа!

По милости Божьей у меня теперь появился новый труд - воспитывать и наставлять новообращенных в тюрьме!

Вскоре должны были освободить брата Фу. На клочке туалетной бумаги я набросал пару строк и попросил его передать эту записку Делинь. Я испытывал ее: "Твой путь - это путь креста. Была ли ты искренна, когда вручала свою жизнь Господу? Остаешься ли ты верной Ему?" Я посвятил ей следующие стихи :

Возлюбленное дитя Божие!

Пусть наши тела увядают, стареют,

Пусть наши друзья и родные отходят...

Пусть крестным путем нам идти все труднее,

Но ты все же действуй по воле Господней.

Заклучив брак, мы мечтали с Делинь о детях, но в то время, когда повсюду полицией были расклеены мои фотографии, мы не могли проводить достаточно времени вместе. Однажды, незадолго до моего ареста, я тайком пробрался домой, вот тогда она и забеременела.

Вскоре меня арестовали.

Однажды ночью в камере мне приснился чудесный сон. Я увидел радостную и счастливую Делинь с сыном на руках. Она подошла ко мне и кротко спросила: "Как мы назовем нашего сына? "

Принимая ребенка из ее рук, я вспомнил похожий случай из Писания, когда Авраам принял долгожданное дитя и нарек его Исааком. Когда я сказал жене: "Назовем его Исаак ". Она радостно улыбнулась и взяла Исаака на руки.

Я проснулся и уже не мог заснуть. Чудесный сон не выходил из головы.

На следующий день, утром 19 апреля 1984 года, родные принесли мне в тюрьму добрую весть, которую один охранник дружелюбно сообщил мне: "Юн, у тебя родился сын. Через несколько дней они будут отмечать это событие. Вот тебе бумага и карандаш. Жена просит выбрать имя сыну".

Тут я вспомнил сон, который видел накануне. Я поблагодарил охранника, и написал Делинь: "Назовем его Исаак ". Потом я написал письмо малышу :

Моему дорогому сыну Исааку,

Когда ты родился, твой папа был в тюрьме ради Христа. Я не знаю, сынок, доживу ли до того дня, когда увижу тебя. Люди желают своим детям успехов в жизни, а твой папа желает одного - чтобы ты возлюбил Господа Иисуса Христа и последовал за Ним. Исаак, всегда доверяй Господу, и, когда подрастешь, станешь человеком Божиим. Твой отец.

Проверив письмо, охранник не нашел в нем ничего запрещенного и передал его семье.

Делинь.

После первого свидания с Юном в тюрьме прошло совсем немного времени и у нас родился сын.

Само по себе это было чудо. Акушерка, которая помогала мне рожать, сказала, что впервые в жизни видит, как женщина рождает без боли. Я говорю совершенно искренне, потому что мне действительно не было больно. Это была милость Божия ко мне.

За несколько дней до того, как мне родить, мне велели прийти в больницу и сделать аборт. В местном органе государственного планирования семьи (ГПС) сказали: "Твой муж никогда не выйдет из тюрьмы. Пожалей себя и не дай ребенку вступить в этот мир". Мне велели вернуться через несколько дней и тогда мне сделают операцию.

Я страшно испугалась. Конечно, я ни за что не согласилась бы на аборт, но, если бы я не пришла в больницу, меня все равно разыскали бы и провели операцию насильно. Я рассказала обо всем матери, а также братьям и сестрам во Христе. Они горячо молились, умоляя Бога помочь мне в этом безвыходном положении. Господь ответил на их молитвы! Я родила на два месяца раньше предполагаемого срока и до того, как государство успело вмешаться с принудительным абортom! Когда к нам пришли представители местного органа ГПС разбираться, почему я не явилась в назначенный день в больницу - они увидели меня в кресле с ребенком на руках! Им пришлось уйти ни с чем!

Мы передали Юну записку, где сообщили о рождении сына, а он написал из тюрьмы нам: "Назовем его Исаак ". Господь вразумил его сновидением, и он уже знал, как назвать сына.

Времена тогда были очень трудные. Мы крайне нуждались. Полиция конфисковала в нашем доме все - горшки, кастрюли, мебель и даже нашу одежду. Нам с матерью Юна не оставалось ничего иного, как работать в поле, иначе мы умерли бы с голоду. Матери Юна было уже за шестьдесят, но она оставалась крепкой и подвижной.

Не прошло и недели после рождения Исаака, как нас навестили несколько братьев и сестер во Христе. Они прошли сто километров, чтобы помочь моей свекрови и мне в поле. Старых женщин, работающих на поле, в нашем селе можно было по пальцам пересчитать. Полевые работы предназначены для молодых и сильных. Наши помощники видели, как приходилось сгибаться от тяжелой работы матери Юна.

Друзья собрали за нас урожай пшеницы и связали его в снопы, но в житницу не перенесли, а оставили на краю поля. Вскоре поднялся сильный ветер. Мать Юна побежала в поле, чтобы постараться вывезти хлеб до того, как его прибьет дождь. Полил дождь и загремел гром. Случилось так, что арба, груженная пшеницей, перевернулась, придавив руку и ногу матери Юна к земле. В этом положении она пролежала в грязной канаве, как в ловушке, несколько часов. Я была дома с новорожденным и о случившемся ничего не знала.

Позже у матери Юна определили перелом плеча и бедра.

Это было страшное горе, которое я уже не могла вынести. Муж был в тюрьме. Большинство друзей и родных меня оставили. Я одна выбивалась из сил с новорожденным, а тут слегла и мать Юна.

Теперь я работала в поле одна, мои силы были истощены до предела. Однажды во время полевых работ у меня сильно закружилась голова и я потеряла сознание. Так я пролежала много времени. Когда я пришла в себя, то расплакалась, так как поняла, что не нужна никому из родных. А невестка и соседи только и делали, что поносили меня. Глядя на небо, я стала петь Псалом 123: "К Тебе возвожу очи мои, Живущий на небесах! Очи наши - к Господу, Богу нашему, доколе Он помилует нас. Помилуй нас, Господи, помилуй нас, ибо довольно мы насыщены презрением; довольно насыщена душа наша поношением от надменных и унижением от гордых".

Юн.

Во время очередной волны гонений за решетку были брошены девять служителей нашей церкви и я. По многим христианским домам прошли с обысками и наложили большие штрафы за хранение Священного Писания и другой христианской литературы.

Многие верующие были запуганы этим, но Святой Дух удалил их страхи и поставил новых руководителей церкви. По всей стране пронесся свежий ветер возрождения. Молитвенные собрания продолжались ночами, и многие души пробуждались от духовной спячки. Знамения и чудеса были обычным явлением. Люди приносили своих больных в домашние церкви и получали их исцеленными. Страдающие душевными болезнями и одержимые бесами обретали полное избавление, исцеляясь именем Иисуса.

Христиане продолжали свидетельствовать в тюрьмах при поддержке свыше, поскольку возносилось множество ревностных молитв о каждом из них. Большое число заключенных обратилось к Богу.

Многие государственные служащие и члены Коммунистической партии Китая (КПК) уверовали в то время в Иисуса. Некоторые из них даже стали верными Христовыми свидетелями.

В селе под названием "Железный храм Будды", что находится в 10 км от нашего дома, жила одна сестра во Христе именем Чжи. Ее муж, богатый человек, в Бога не верил и поклонялся идолам. Он не желал слушать жену, которая умоляла оставить ложных Богов и поклониться Иисусу. Их сын был смертельно болен, и врачи отказывались его лечить.

Однажды этот богач, имевший родственников на высоких правительственных постах, пригласил к себе домой верующих, чтобы они провели здесь молитвенное служение об исцелении его сына. Собралось много христиан. В тот же день под вечер в "Железный храм Будды" приехал на велосипеде брат Фон, чтобы рассказать верующим о свидании со мной в тюрьме.

Собравшиеся были сильно взволнованы, когда услышали о моем длительном посте и страданиях. Все молились обо мне, оставив молитвы о бедном мальчике!

Это не понравилось мужу сестры Чжи: "Сегодня вечером я пригласил вас помолиться о моем сыне. Кто он, этот Юн? Он голодал 74 дня и остался живым? Не верю! Разве он Бог?" Затем он сказал: "Перестаньте плакать о Юне! Лучше помолитесь о моем сыне от имени этого Иисуса, в Которого верует Юн. Если Иисус поможет моему сыну, то я воспользуюсь связями в правительстве и помогу этому Юну выйти из тюрьмы".

К славе Своей Бог слышит всякую искреннюю молитву. Больной мальчик в ту же ночь исцелился. И все его семейство приняло Иисуса. Сестра мужа Чжи собрала всех крестьян своего села, чтобы возвестить им Благою Весть, и большинство собравшихся обратилось к Богу. Позднее, после моего освобождения из тюрьмы, я посетил это село и услышал от местных жителей следующую историю.

Однажды сестра Чжи сказала мужу: "Я слышала, что сегодня жена Юна родила. Почему бы тебе не посетить его семью? И не забудь при этом подарки для матери и малыша. Это ребенок Юна, Бог которого исцелил нашего сына и спас твою душу."

В тот же день этот человек пришел к нам и принес много подарков моим родным. Увидев в первый раз мою мать, он сказал: "Почтенная госпожа! Хотя вы не знаете меня, примите эти подарки от чистого сердца. Никто из вас не знает меня, но позвольте рассказать вам одну историю..." Делинь отдыхала у себя в комнате. Услышав эти слова, она встала и вышла послушать его.

Он же подробно рассказал обо всем - как Господь помиловал его, как исцелил его сына и спас большинство крестьянских семей села " Железный храм Будды".

Потом все вместе возблагодарили Бога. Мои родные просили, чтобы он посетил своих родственников в правительстве и известие о рождении сына дошло до меня.

У мужа сестры Чжи был племянник, служивший в вооруженной охране тюрьмы в Наньяне. Он в числе остальных охранников так же истязал меня электрошоком, избивал и заставлял ползать в человеческих испражнениях.

Итак, этот новообращенный брат пришел к своему племяннику и сказал: "Юн - мой родственник (он имел в виду, что я его брат во Христе). Иисус, в Которого верует Юн, является истинным и живым Богом. Обрати внимание на Юна и хорошо пообщайся с ним".

Тогда этот охранник раскаялся в том, что издевался надо мной. Ведь каждый полицейский в местном отделении КОБ знал о заключенном, который не ел и не пил 74 дня. С тех пор моя жизнь в тюрьме стала немного легче. Гонения прекратились. Меня даже назначили старостой камеры.

Так Исаак, ставший надеждой и радостью нашей семьи, озарил светом, засиявшим во тьме того страшного тяжелого года.

Дорогая душа от Господа.

"Ибо суд без милости не оказавшему милости; милость превозносится над судом"(Иак. 2:13).

Каждый день я учил новообращенных. Добродетель и справедливость поселились в каждой камере. День ото дня люди возрастали в благодати и познании истины. Некоторые свидетельствовали: когда Дух Святой обличал их и они раскаивались в своих преступлениях, то их жизнь и злодеяния представляли перед ними как на экране.

Однажды утром начальник тюрьмы вызвал меня к себе. Вежливо предложив чашку чая, он усадил меня в мягкое кресло, и вот, что он сказал: "Юн, я знаю, что ты веруешь в Иисуса. Сегодня я думаю поручить тебе особое задание".

Я подумал, что начальник хочет сделать меня стукачом, но ошибся. Вот что он сказал мне: "В камере №9 сидит осужденный убийца по имени Хуань. День за днем он пытается покончить жизнь самоубийством. Это сумасшедший. Он кусает сокамерников. Мы решили послать его в твою камеру. Нам хотелось бы, чтобы ты следил за ним до тех пор, пока его не казнят. Сделай так, чтобы он не причинил вреда ни тебе, ни другим осужденным. Если ты не проявишь должной бдительности, то он убьет себя и за это придется отвечать тебе".

Услышав эту новость, я тотчас понял, что Хуань был той драгоценной душой, которую Господь даровал нам для его спасения.

Я передал эту новость сокамерникам, но она испугала их. Им не хотелось принимать этого человека. Один сокамерник заметил: "Это не человек, а бес". После того, как все высказались против, я подождал немного и спокойно сказал: "Братья, прежде чем уверовать в Иисуса, мы были точно такими же, как он и мы походили на бесов. Однако всем нам, погибающим в злым делах, Иисус подарил спасение. И мы просто обязаны сжалиться над этим человеком, и принять его, словно он и есть Сам Иисус". Сокатерники поняли, что я был прав, и переменили свое отношение к Хуаню. Теперь они ожидали его, как давно потерянного друга.

Когда на следующий день Хуан перевели в нашу камеру, я подумал, что он похож на одержимого легионом бесов из пятой главы Евангелия от Марка. Его ноги за спиной были скованы. Он постоянно сквернословил и пытался искалечить себя оковами. Это был свирепый, исполненный ненависти человек, а было ему в то время всего двадцать два года.

Хуань был обездвижен, но когда тот или иной сокамерник приближался к нему слишком близко, он пытался откусить ему ухо или нос. Будучи скован по рукам и ногам, он постоянно дергался и протер кожу на стопах до кости.

В камере №9 заключенные относились к нему как к зверю, избивая кулаками и ногами. Они давно его не кормили, а издевались, выливая порцию баланды. Вся его роба была залита баландой.

Однажды в отчаянии, дождавшись момента, когда никто не наблюдал за ним, Хуань пытался покончить с собой, протаранив головой стену камеры. Он выжил, но оставил вмятину в стене.

Как только Хуань оказался в нашей камере, он понял, что здесь что-то не так. Каждый принял его с любовью и симпатией. Мы приветствовали его и нашли ему хорошее место.

Будучи в кандалах, Хуань много времени не мылся и от него ужасно пахло. Любовь Божья, действующая в наших сердцах, побуждала нас любить Хуаня. Мои сокамерники указали на меня

со словами: "Это Юн. Он наш староста и христианский пастор". Я сказал ему: "Брат Хуань, каждый из нас был преступником. Не бойся ничего. Мы позаботимся о тебе".

Я попросил его сесть и успокоиться. Потом попросил всех поделиться водой. Вода в камере была на вес золота. Когда миска с водой наполнилась, я подошел к Хуаню, смочил обрывок своей рубашки и с осторожностью смыл с лица Хуаня грязь и сгустки крови.

Высушив лицо Хуаня, я оторвал кусок своего одеяла и обработал раны, которые он нанес себе цепями. Употребив для дезинфекции свежих ран немного зубной пасты, я тщательно перевязал их.

Хуань не проронил ни слова. Он сидел и смотрел на нас широко открытыми глазами. Я знал, что Господь уже коснулся его сердца.

Во время обеда каждый из нас поделился с новым сокамерником частью рисового пайка. Затем все мы помолились Господней молитвой и начали есть. Я кормил Хуаня с ложки.

После еды мы тихо спели песню, которую я научил заключенных, на тему из Мтф. 6:25-34:

*Наш Небесный Отец богат милостью,
Он кормит и одевает нас каждый день,
Его мы желаем славить и в смирении учиться от Него,
Так как наш Господь одевает даже траву полевую.
Не заботьтесь о том, что нам сегодня есть
Или что нам завтра пить.
Наш Отец точно поможет.
Посмотри на маленького воробья, который летает на небе,
Посмотри на лилии полевые - ни трудятся, ни прядут,
И все равно, Господь одевает их великолепно.
Мы не гораздо ли ценнее их?
Братья, повернитесь и следуйте за Христом,
Ведь этот мир - не ваш дом.*

Потом я прочел слова Иисуса из шестой главы Евангелия от Матфея, и провел параллель между отцом земным и Небесным, указав на ценность человеческой жизни.

В тот день на ужин нам выдали еженедельный манту. Братья ожидали, что я скажу. Им хотелось есть, и я сказал: "Сегодня мы поделимся с новым другом Хуанем рисом и водой, и на ужин каждый может съесть свой манту, но, надеюсь, завтра вы поделитесь с ним супом".

Сначала я накормил Хуаня, а потом начал есть сам.

Надкусив свой мантию, мне вдруг захотелось заплакать. Мне послышался нежный голос: "Я умер за тебя на Кресте. Теперь покажи, как ты любишь Меня! Я голоден, измучен жаждой, я в узах, - все, что ты сделаешь одному из Моих меньших братьев, ты сделаешь Мне".

Я понял - Бог хочет, чтобы я отдал свой мантию Хуаню. Я упал на колени и со слезами на глазах сказал: "Господи! Но ведь и я жажду, и я голоден".

И тогда мне на ум пришел следующий текст из Писания: "Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?"(Римл. 8 :35).

Завернув свой мантию в платок, я спрятал его в карман для Хуаня. Сразу же мир и радость вернулись ко мне.

На следующий день утром нам дали водянистый суп из лопухов, в котором плавало несколько лапшинок. Все поделились с Хуанем. Пищи у него было больше, чем у каждого из нас, но это не радовало его. Вот что он сказал охраннику: "Меня скоро казнят! Почему мне не дают достаточно пищи? Вам хочется уморить меня голодом перед казнью?"

И тогда Бог велел мне: "Вынь из кармана свой мантию, и накорми его". Я подошел к Хуаню и накрошил мантию в его бульонную чашку. Каменное сердце Хуаня было сокрушено. Вскочив со стула, он встал на колени и расплакался. Он сказал мне: " Старший брат, почему ты любишь меня? Отчего ты не съел свой мантию вчера? Я ведь убийца! Все ненавидят меня! Даже мои родители, брат, сестра и невеста. Почему ты любишь меня? Я не могу отплатить тебе добром за твою любовь..., но после смерти, когда я превращусь в духа, я вернусь в эту камеру и стану служить тебе добрыми делами".

Настал час, когда Бог хотел, чтобы я поделился с ним Благой Вестью. Я сказал Хуаню: "Мы все относимся к тебе хорошо потому, что Иисус любит тебя. Если бы мы не верили в Него, то мы относились бы к тебе так же, как твои прежние сокамерники. Благодарю Бога за Его Сына, Иисуса Христа ". И тогда Хуань воскликнул: "Господи, я благодарю Тебя за то, что Ты возлюбил такого грешника как я". Этот ожесточенный сердцем преступник постигал любовь Иисуса. Теперь он освободился от бремени греха.

Мои сокамерники были счастливы. Они поняли, что только любовь Божья может даровать людям, обремененным грехом, истинную надежду.

После того, как Хуань обрел спасение, ситуация в камере улучшилась. Все вместе мы пели гимны. Хуань очень старался изучить все, что мог. Я говорил ему об Иисусе: Его жизни, учении, страдании, Его воскресении и Втором пришествии.

Я говорил Хуаню, что самоубийство грех. Услышав это, он упал на колени и плакал, каясь в греховных помыслах. Он попросил меня поднять ворот его рубашки, где спрятал лезвие, чтобы воспользоваться им при первой возможности.

В полном сокрушении Хуань рассказал мне свою историю. Его отец, член КПК, был успешным менеджером одной большой компании. По окончании средней школы Хуань стал работать техником на электростанции.

В возрасте двадцати лет Хуань помолвился: невеста очень любила его, но он втянулся в местную банду и быстро сбился с пути. Каждый день он напивался. Бандиты грабили магазины, убивали невинных людей и насиловали женщин.

Когда одного из членов банды арестовали и допросили, он рассказал в местном отделении КОБ, как вовлекли в банду Хуаня. Тогда арестовали и его. По ходатайству отца судья проявил снисходительность и Хуаня осудили на три года тюремного заключения, хотя и нашли виновным в убийстве. Первого мая 1983 года отец Хуаня, расплатившись большой взяткой, досрочно освободил его из тюремно-трудового лагеря.

С тех пор Хуань был "свободен", но жизнь для него уже утратила смысл. Он не находил в ней интереса и впал в тоску. Вскоре снова схлестнулся с дурной компанией. Однажды вечером они с приятелем отправились выпить. И вот что они сказали друг другу: "Жизнь безнадежна и бессмысленна. Нам обоим она немила, давай умрем вместе".

Опьяневшие приятели договорились о расширенном убийстве. Для этого они решили выкрасть из складского помещения электростанции, где работал Хуань, два мешка, по восемь килограммов динамита в каждом. И приготовились драться друг с другом насмерть. Когда один из них будет убит, оставшийся в живых отнесет труп к главному силовому трансформатору и подорвется. Так должны были погибнуть оба.

И вот, вооружившись металлическими прутьями, они начали драться. Когда приятель повредил плечо Хуаню, тот ответил ударом по голове и убил его на месте. Он раскроил ему череп, из которого брызнул мозг. Увидев это, Хуань страшно испугался и убежал. За динамитом он так и не вернулся.

Хуань знал, что полиция уже ищет его. Он решил скрыться: бежать из родной провинции, а там, разъезжая по Китаю, наслаждаться прелестями греховной жизни. После этого он запланировал вернуться повидать родных, а потом покончить с собой.

Чтобы иметь средства для путешествия, Хуань купил острый нож, и стал грабить магазины. Путешествуя по стране, он изнасиловал много девиц. В надежде обрести мир в сердце, он посетил несколько буддистских храмов и поклонялся идолам. Бегство в грех и похоть не принесли удовлетворения, и его духовное состояние становилось все хуже.

Насытившись приключениями, Хуань сел в поезд, шедший в его родной город. Ему хотелось свидеться с родными в последний раз, а затем отравиться. Чтобы отравиться наверняка, он достал два флакона снотворного. Возвращаться домой засветло ему не хотелось, и тогда он выпрыгнул из поезда перед станцией назначения и до сумерек скрывался в лесопосадке.

Однако полиция обнаружила его и арестовала. В сумке у него нашли нож - орудие многих убийств, а также письмо - посмертную записку, в которой он признавался во многих преступлениях.

На сей раз даже отец Хуаня не сумел ему помочь. Той последней соломинкой, что сокрушила Хуаня, была рубашка, посланная ему отцом в тюрьму. Во всю спину на рубашке были слова: "Свидания не дают, увидимся во время казни!"

А теперь Хуань раскаялся во всех преступлениях и стал новым творением во Христе. Он любил петь песню, которой научился от меня :

Я люблю Иисуса, я люблю Иисуса!

Я люблю Иисуса всякий миг!

Солнце улыбается - я люблю Иисуса!

Тучи собираются - я люблю Иисуса!

Я люблю Иисуса всякий миг!

Я люблю Иисуса, я люблю Иисуса!

Из-за полной перемены его сердца мы переименовали Хуаня в Эн-Юаня (Милость и свет).

Зная о том, что его скоро казнят, Хуань стремился в оставшиеся дни изо всех сил славить Иисуса.

Обычно, когда мы сильно шумели, охранники безжалостно карали нас. Каждого засовывали в щель под дверь, щель была достаточно широка, и били по голове прикладами винтовок. Вот почему мы всегда служили Богу и молились тихо, убедившись сначала в том, что около двери никого нет. Хуань часто поклонялся Иисусу так громко, что приходили охранники и призывали его успокоиться, но так как приближался день его казни, его не наказывали.

Брату Хуаню терять было нечего, и он все время громко, срывающимся голосом, пел. Из-за этого камера №2 стала главным местом поклонения и хвалы! Осужденные из других камер прислушивались к тому, что доносилось оттуда.

Хуань попросил меня вырезать на стене нашей камеры Крест. Бетон затвердел так, что работать пришлось всем. Ведь всем хотелось угодить нашему брату во Христе. Хуань обещал принять на себя ответственность, если охрана обратит внимание на этот Крест. Когда нас выводили на прогулку, мы старались отыскать осколки стекла и старые гвозди, чтобы было чем царапать по стене.

Я выдолбил в стене большой крест. Мы также нацарапали карту мира и в строчку под крестом написали слова: "Ибо так возлюбил Бог мир". Тогда Хуань попросил выдолбить ниже креста могилу с плитой, а на ней свое новое имя, Эн-Юань, во свидетельство того, что он принадлежит Иисусу.

Когда мы закончили, Хуань плакал от радости. На этом мы не остановились и продолжали писать, пока все четыре стены камеры не покрылись многочисленными стихами из Библии, например, о возвращении блудного сына, о терпении в скорби, и еще одно место (Рим. 3:23-24): "Все согрешили и все лишены славы Божьей, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе".

Удивительно, что охрана, видевшая наше художество, не проронило ни слова.

Крест и библейские стихи остаются в этой камере до сих пор. Сотни заключенных читали эти слова, многие каялись и принимали христианство.

Булавками из нагрудных тюремных значков мы аккуратно, по одной, вытягивали нити из полотенец. Потом каждый вышел себе крестик на тюремной робе в области сердца. Красный

крестик мы вышли на рубашке Хуаня. Новообращенные были довольны! С крестом на сердце они ощущали силу и поддержку свыше.

Вечером 16 августа мы крестили брата Хуаня. Осужденные получали из кухни одну чашку воды в день, и теперь, чтобы собрать достаточно воды для крещения Хуаня, каждый отдал полчашки воды из дневной порции. Лучшего крещения в наших обстоятельствах нельзя было и придумать!

После крещения Хуань спросил: "Может ли Иисус спасти мою семью? Может ли моя мать, отец, братья, сестры и бывшая невеста уверовать, и оказаться со мной на небесах?" Я указал ему на такое библейское обетование: "Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься сам и весь дом твой" (Деян. 16 : 31). Всю ночь Хуань молился о своей семье, чтобы они познали спасение Божье через Иисуса Христа.

Быстро приближался день казни Хуаня. Ему отчаянно захотелось написать родным. Это было невозможно, поскольку руки его были скованы за спиной наручниками.

После обращения к Богу Хуань стал кротким и любящим, Вся тюрьма обратила на это внимание. Упрашивая тюремное начальство снять кандалы с Хуаня, я уверял их в том, что он уже никому, в том числе и себе, не опасен. Кандалы ему просто заменили более свободными, но вообще снять отказались, ведь согласно тюремным правилам осужденных на казнь держали в кандалах до момента казни.

Хуань выпросил у охранников карандаш и два листа бумаги. Так, сместив руки на бок, он мог писать. Когда он вывел несколько слов, карандаш сломался. В отчаянии Хуань наклонился и принялся бить указательным пальцем правой руки по полу. Тот стал кровоточить. И тогда Хуань дописал письмо родным кровью. Вот что он написал:

Дорогие папа и мама,

Я уже не увижу вас больше, но знаю, что вы любите меня. Ваш сын опозорил вас. Пожалуйста, после моей смерти не горюйте. Я хочу рассказать вам самое важное. Я не умру, поскольку имею жизнь вечную! Я встретил в тюрьме одного милосердного человека. Это дорогой брат Юн. Он спас мне жизнь и помог уверовать в Иисуса. Он полюбил меня, заботился обо мне и каждый день кормил меня.

Папа и мама, я нахожусь на пути в Царство Божие. Я стану молиться за вас и всех близких. Вы должны уверовать в Иисуса! Пожалуйста, позвольте моему брату Юну возвестить вам Благую Весть. Когда он придет к вам, то расскажет вам обо мне все. О, как мне хочется, чтобы и вы обрели жизнь вечную!

До встречи в Царстве Божьем!

Ваш сын Хуань (Энь - Юань).

Я позаботился, чтобы письмо Хуаня тайно вынесли из тюрьмы и передали родителям. Хуань крестился 16 августа, письмо своим родителям он написал 17 числа, а казнь должна была состояться восемнадцатого. В последние часы жизни Хуаня атмосфера в тюрьме была напряженной. Охрану удвоили. Каждые пять минут охранники проверяли заключенных, слепили глаза светом, чтобы убедиться в том, что все было в порядке. Осужденные знали, что такое бывает только в одном случае – накануне казни осужденного на смерть.

Вечером 17 августа Господь побудил меня омыть ноги Хуаня по примеру Иисуса. Хуань был очень спокоен и улыбался. Он говорил: "Встретимся в Царстве Небесном".

На следующий день завтрак нам выдали раньше обычного. В восемь утра в нашу камеру вошли охранники и вызвали по списку троих: "Юн, Хуань, Гонг, на выход!" Кто бы мог подумать, что брата Гонга и меня в то же самое время вызовут на открытое судебное заседание! Охрана связала каждого из нас. Прежде чем Хуаня увели на место казни, он бросился ко мне в объятия со словами: "До встречи на небе! "

На тюремном дворе один из охранников ударом по ногам сзади заставил Хуаня опуститься на колени и снял с него кандалы. Затем ему на голову водрузили колпак с надписью поперек - "Осужденный преступник". Таким в последний момент я и запомнил Хуаня, моего дорогого, возлюбленного во Христе брата. Потом Хуаня отвели на место казни и выстрелом в затылок привели смертный приговор в исполнение.

Я слышал выстрел, отправивший Хуаня в руки Иисуса.

Мне было грустно и одновременно радостно. Я возблагодарил Бога за то, что Он даровал мне возможность проводить моего брата в последний путь в Царство Небесное. "Дорога в очах Господних смерть святых Его!"(Пс. 115 :6)

В тот день на гражданскую казнь и открытое заседание суда вызвали девять заключенных из мужских и женских тюрем Наньяна. Среди них был и я. Нас возили по городу, передавая о наших преступлениях по репродуктору. Я радовался, что меня подвергнут гражданской казни перед народом ради Иисуса! Сердце мое просто ликовало от радости.

На суде я не мог молчать. Я только что видел брата Хуаня, произведенного в славу, так что вечность была для моей души важнее всего сущего. Я громко пел. Полицейский капитан пригрозил мне шейкером. "Заткнись, Юн! И не смей петь, а не то я спущу с тебя шкуру живьем!"

Все осужденные были прикованы друг к другу и, подобно скотине, согнаны в кузов открытого грузовика. Когда грузовик кружил по улицам, вдруг пошел ливень, промочивший нас до нитки. Для моей души это стало благословением с Неба. Я громко воскликнул: "Господи! Я жажду потоков Твоей благодати! Обильно излей благодать Свою на раба Твоего!"

Я начал громко петь. Люди из-под зонтов смотрели на нас в полном изумлении. Так как все девятеро осужденных на гражданскую казнь были местными, многие из них опустили головы, не желая позориться перед родными и близкими.

Одна молодая женщина, ей было не больше двадцати лет, стояла в кузове рядом со мной. Звали ее Сяо-вэй. В тюрьме она оказалась потому, что в драке с соседями повредила их одежду. Используя знакомства среди должностных лиц, эти соседи заставили упрятать Сяо-вэй и ее мать в тюрьму по сфабрикованным заявлениям. Сяо-вэй была христианкой, но оступилась в хождении перед Богом.

Когда я пел Богу, Сяо-вэй рыдала. Она спросила меня: "Чему во время гражданской казни можно радоваться?"

Я сказал ей : " Как же не радоваться! В этот день меня сочли достойным пострадать за Иисуса! "

Сяо-вэй покраснела. Я же продолжал громко петь:

Когда из-за лжи и побоев

Разрушится храм мой телесный,

То ненавидимый всеми,

Оставленный даже друзьями,

Тебе, милый Отче Небесный,

Пролив свою кровь, послужу я,

И жизни венец обрету, и войду

В Царство благодати Божьей!

Сяо-вэй плакала и без конца доставала платок из кармана. Я сказал ей: "Сяо-вэй, не огорчай Духа Святого. Возвращение блудного сына дороже золота. Обратись к Небесному Отцу! Он ждет тебя!" В раскаянии, громко рыдая, она воскликнула: "Господи! Помилуй меня, грешницу! Пожалуйста, прости мне мои грехи". Я помолился о ней и возблагодарил Бога за Его милосердие. Когда Сяо-вэй обрела сердечный мир и радость, то встала на цыпочки и отерла мне слезы своим платком.

Грузовик двигался в сторону моего родного села. Сяо-вэй, обратившись ко мне, сказала: "Я слышала, что есть такой верный слугитель именем Юн. Он жил в этом селе. Ты не знаешь, что с ним произошло? "

Улыбнувшись, я спросил у нее: "Ты хотела бы встретиться я этим человеком?"

Она ответила: "Я слышала свидетельство о нем от других из нашей церкви. Но как же я встречу с ним?"

Тогда я сказал ей: "Человек, говорящий с тобой теперь, и есть этот Юн".

Сяо-вэй снова расплакалась и возблагодарила Бога, Который устроил ей эту встречу. Она крепко держалась за меня, пока грузовик двигался по улицам. Все в кузове промокли до нитки. Даже полицейским с автоматами под плащем было зябко от холодного ветра и дождя. Из-за этих неудобств они не обращали на нас внимания. Никто из народа не вышел на открытое судебное заседание. Суд отменили. Для властей этот день был провалом.

В полицейском участке нас освободили от кандалов и веревок. Полицейские устроили себе обед, а нам разрешили съесть объедки.

Сяо-вэй, как женщине, полицейские дали манту. Подойдя ко мне, она прошептала: "Брат Юн, я принесла тебе манту. Пожалуйста, прими его". Мне не хотелось брать его, ведь было видно, как ей хочется есть. Мой отказ расстроил ее и она расплакалась. И тут Господь освежил в моей памяти следующие слова: "Ибо Он Сам сказал: "блаженнее давать, нежели принимать"(Деяния 20 : 35).

Поэтому я принял дар ее любви с благодарным сердцем. Я преломил хлеб и отдал большую часть Сяо-вэй. Мы съели его вместе, поблагодарив Бога за щедрое общение, которым наслаждались в тот день.

Надежда на будущее.

Свидание с родными в конце моего длительного поста было первым за все заключение.

И прошло еще много времени, прежде чем я увиделся с некоторыми из них снова. При встрече мне рассказали, как быстро распространялось и укреплялось Царство Божие и какой урожай пожинали по всему Китаю. Кобовцы прислуживались к нашему разговору, но так и не поняли о чем говорили Делинь и друзья. Меня же это свидание ободрило и укрепило. Комитет общественной безопасности все еще выискивал улики против меня. Сотрудники КОБ рыскали по городам и уездам, чтобы набрать компрометирующий материал и состряпать на меня новое дело.

Однажды утром в восемь часов тюремные ворота открылись. Меня повели на суд. Вел судебное заседание судья - человек низкого роста лет тридцати. Черные глаза его были полны презрения и отвращения.

Помогал ему высокий человек лет пятидесяти. Увенчанный сединой, он выглядел мудрым и опытным. Его лицо казалось очень добрым, хотя в действительности это был коварный и хитрый тип. Вот что он сказал мне: "Граждане Юн, наше государство проявило к вам большое снисхождение. Учитывая ваше неудовлетворительное физическое состояние, мы предоставили вам несколько месяцев на отдых и поправку. Теперь вы окрепли, кроме того у вас было много времени подготовиться к своему выступлению. Теперь такой случай выдался. Подумайте и признайтесь в преступлениях!"

Затем судья стал задавать вопросы: "Какие уезды вы посетили и сколько раз? Как зовут людей, с которыми вы встречались? Кто является вашим руководителем? Какую антиправительственную пропаганду вы распространяли? Какие выражения вы обычно употребляли, чтобы настроить своих последователей против нашей религиозной политики? Вы противодействовали ПЦТБ, обучая своих последователей избегать ее как блудницу?"

На это я ответил: "Я не знаю, что вы имеете в виду".

Ударив кулаком по судейскому столу, судья закричал в ярости: "Сейчас посмотрим, как ты будешь оправдываться. Принесите магнитофон!" Принесли магнитофон, поставили на судейский стол. Когда нажали на кнопку, включилась запись проповеди, с которой я выступал несколько лет тому назад. Были слышны рыдания верующих. Мой голос на пленке произнес: "Братья, не дайте блуднице обмануть себя. Храните верность Иисусу... Возьмите пример с Финееса, который взял в руку свое копье, чтобы не было хулы на имя Божье (см. Числа 25:6-18). Будьте верны и не предавайте Господа, как Иуда. Поднимитесь и приготовьтесь стать мучениками! Возвещайте истину!"

На пленке была записана молитва нескольких братьев и сестер. Здесь я услышал голоса дорогих братьев Су, Ю и Юиня. Мне было очень приятно услышать снова их голоса и молитвы. Затем я услышал свое громкое пение :

Бояться не надо - будь смел и храбр!

Господь не оставит - будь смел и храбр!

Пред злом сатанинским - будь смел и храбр!

В Спасителя веруй - будь смел и храбр!

Кобовцев больше всего возмутили моя заключительная молитва. Тогда я молился так: "Господи, пожалуйста, рассеяй черные тучи над нашей страной! Свяжи бесовскую силу, которая правит нашими правителями. Господь Иисус, преобрази политику нашего правительства. Освободи из уз всех братьев и сестер! Пусть наш народ руководствуется Твоей волей. Господи, помилуй Китай! Поставь руководителей Своей Церкви нашего времени, и пусть они встанут за справедливость и правду как Даниил и Есфирь. Помоги нам слушать Тебя, а не людей!"

Потом верующие подтвердили эту молитву словом "Аминь!"

Щелкнув, запись остановилась. Я открыл глаза и увидел самодовольную, до ушей, улыбку судьи. Он сказал: "Юн, вы слышали свои собственные слова и молитву. Вы также слышали голос гражданина Су. Теперь вы, конечно, не станете отрицать, что выступали против политики нашего государства! Вы утверждаете, что избранные народом правители являются бесами, а "Патриотическая церковь трех благ" - блудницей. Мы схватили вас за руку! Скажите правду, кто эти двое, кроме Су и вас, молитву которых мы слышали на пленке?"

Слушать молитву и песнопение братьев и сестер мне было так приятно, что я с удовольствием послушал бы пленку еще раз. Подумав немного, я ответил: "Гражданин судья! Я не могу точно сказать, кто выступал. Голоса были слышны нечетко. Нельзя ли эту пленку прокрутить еще раз, чтобы я убедился?"

Судья пришел в неистовую ярость. Глаза его выскочили из орбит, он застучал по судейскому столу и, указывая на меня пальцем, закричал: "Что вы говорите! Перед вами очевидные свидетельства. Вы не можете отрицать этого! Перед вами гора улики. Встаньте на колени и повторите молитву, записанную на пленке!"

Тут ко мне подскочили охранники с дубинками и ударили по ногам, чтобы я упал на колени. При этом они кричали: "На колени! Встать на колени!"

В тот же самый миг сила Божья наполнила меня. Внутренний голос сказал мне: "Не бойся! Укрепись в Господе. Пусть тьма врагов встанет вокруг тебя, будь спокоен в Иисусе. Будь смел и тверд в Господе!"

Охрана продолжала бить меня и пинать, как вдруг во весь голос я крикнул судье: "Какой властью ты велишь слуге Божьему встать перед тобой на колени? У тебя нет на это никакого права! Твои вопросы необоснованны. Теперь я всем вам повелеваю именем Иисуса Христа Назарея встать на колени! Я возложу на вас руки и попрошу Господа простить ваши грехи. Все на колени! На колени! На колени!"

Все присутствующие - судья, судебные должностные лица и охранники - просто онемели. Совершенно ошеломленные, они смотрели на меня несколько минут. Потом они пришли в себя. Судья стукнул кулаком по столу и прокричал: "Как ты посмел, контрреволюционер, говорить такое! Это государственная измена! Как ты посмел приказывать судье Комитета общественной безопасности встать на колени перед тобой? Ты что, Бог что ли ? "

Мне хотелось ответить ему: " Я человек с Неба. В Иисусе я тверд как алмаз. Вам не сломить меня".

Тут встал старший офицер КОБ и спокойно сказал: "Ну, ладно. Юн проповедовал на множество тем, поэтому ему сейчас не припомнить случая, когда он выступал с проповедью на этой конкретной пленке. Юн, вы можете вернуться в камеру, чтобы поразмыслить обо всем. Когда мы

пригласим вас в следующий раз, вы должны будете четко ответить на все наши вопросы. У нас найдется множество улик против вас помимо этой пленки. Ваша ситуация безнадежна. Поступите благоразумно, взвесьте все и дайте ясный ответ".

Теперь я понимал, что они приготовились к долгой борьбе со мной. Я подумал о словах апостола Павла, говорившего о нашем Господе: "Который и избавил нас от столь близкой смерти, и избавляет, и на Которого надеемся, что и еще избавит " (2 Кор. 1 :10).

Чтобы заставить меня признаться в своих "преступлениях", местные судьи испытали все, но безуспешно. Они употребили самые варварские пытки, какие могли изобрести их умы, но так и не смогли заставить меня сказать хоть слово, чтобы потом обратиться против меня. Поэтому им пришлось передать мое дело по инстанции в Народный суд провинции. Именно там было назначено предварительное слушание моего дела. Когда я вошел в зал заседаний, то увидел, что председательствовал в суде один из моих племянников!

Господь предупредил меня, что в этом надо видеть очередную уловку сатаны. Мой племянник сказал следующее: "Гражданин Юн, у нас имеется множество улик против вас. Вы, несомненно, поносили наше государство. Вы заявляли, что наши дела окутаны тьмой и подконтрольны бесам. Кроме того, что вы нападали на нашу религиозную политику, написали много материалов, чтобы настроить верующих против "Патриотической церкви трех благ" и нашего народа.

Итак, имея множество улик против вас, мы можем приговорить вас к пожизненному заключению и даже к смертной казни. Ответьте, принадлежат ли вам следующие материалы? У вас еще остается возможность искупить свою вину. Скажите, какие преступные действия совершили ваши сотрудники и помощники, и мы будем снисходительны к вам".

Не успел мой племянник завершить свою речь, как Святой Дух обратился к моему сердцу: "Юн, ты левит, принадлежащий Мне. Отдели себя от родственников, ты - Мой".

Я тотчас ответил: "Мы с вами родственники, но вы служите КПК, а я - Иисусу. Я буду исповедовать свою веру. Все сказанное вами обо мне, - правда, но о деятельности других мне ничего не известно".

Мой племянник, не зная, что ответить, некоторое время молчал. Потом он сказал следующее: "Юн, пока не поздно, прими мой совет. На этом заседании ты не можешь действовать так перед судьей, выносящим приговор! Отнесись к суду иначе, иначе тебе не сдобровать".

Потом меня доставили камеру.

Через некоторое время мое дело опять слушалось в провинциальном народном суде. Меня в наручниках привезли на заседание суда на мотоцикле, причем с вооруженным эскортом с обеих сторон. Сокамерники горячо молились обо мне. Я же испытывал в сердце великую радость.

Впервые я оказался в огромном зале суда. Впереди было возвышение и много свободных кресел. Не зная, где сесть, я занял большое круглое кресло. Когда явился судья, то страшно разъярился: "Сумасшедший, как ты посмел занять судейское кресло? Вставай немедленно! "

Без всякого смущения я ответил: "Здесь нет моей вины. Мне никто не указал, где сесть". В сердце своем я знал, что однажды воссяду с Богом на Его престоле, чтобы судить народы и даже ангелов.

Но вот начался суд. Мне сообщили, что на слушании моего дела присутствует верховный судья и все высокопоставленные должностные лица провинции. Они восседали на возвышении за судейским столом. Другие сорок-пятьдесят официальных гостей следили за происходящим из зала. Здесь были представители местных отделений Объединенного фронта, Комитета общественной безопасности, Комитета по делам религии и движения "Патриотическая церковь трех благ".

Все "улики" против меня - Библии, духовные книги, пленки и мои записные книжки - были размещены на длинном столе. Здесь было также письмо от брата Су, в котором мне предлагалось возглавить служение на юге Хэнаня и в Хубэе.

Судья спросил меня: "Гражданин Юн, весь этот мусор принадлежит вам?"

Я встал и ответил: "Это не мусор, а святые вещи, освященные Всемогущим Богом".

Судья не понял, что я имел в виду, и спросил: "Как бы там ни было, все эти вещи принадлежат вам, не так ли?"

Ничего не страшась, я ответил: "Позвольте мне проверить, так ли это на самом деле".

Охрана передала мне Библию. Я открыл эту книгу и взглянул на внутреннюю сторону верхней обложки. Там стояла собственноручная надпись брата Су: "Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся" (Мф. 5:6). Даря мне эту Библию, брат Су подписался и проставил дату. Там же стояли мое имя и подпись.

Я сказал судье: "Да, это моя учебная Библия".

Затем мне передали на осмотр духовную книгу-календарь, "Потоки в пустыне". Увидеть ее было все равно что увидеть старого доброго друга после долгой разлуки. Я прижал ее к сердцу, открыл и нашел, что луч света в этот день суда был направлен на место из Ин. 19:11: "Иисус отвечал : ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; посему более греха на том, кто предал Меня тебе". Я понял, что этот стих стал для души моей обетованием Божиим на этот день. Я понял, что мне следует покориться повелению Бога и пойти путем, угодным Ему. Я бесстрашно указал на все, что выложили на столе, и заявил: "Гражданин судья, мне больше не надо проверять все это. Да, эти вещи принадлежат мне".

Этим ответом удовлетворились все. Судья сказал: "Теперь я включу для вас следующую запись. Послушайте внимательно". Прослушав эту запись несколько минут, я сказал: "Голос на этой пленке мой".

Когда же судья потребовал рассказать о моих сотрудниках и руководстве, я со всевозможным почтением ответил: "Гражданин судья! Ни о ком из этих людей мне ничего не известно".

Суд удалился на полчасовой перерыв, после чего, как мне сказали, будет объявлен приговор. Кобовцы говорили, что меня приговорят к пожизненному заключению или смерти. Мне же казалось, что я получу не меньше восьми лет тюрьмы, поскольку мои сотрудники уже получили от пяти до восьми лет тюремного заключения.

Должностные лица стали возвращаться в зал суда и занимать свои места. Я поразился, когда судья объявил следующий приговор: "Гражданин Юн, мы признали вас виновным по предъявленным обвинениям. Объявляем ваш приговор - четыре года лагерей с каторжными работами!"

Всего четыре года! Я не мог поверить этому! Радость переполняла меня, ведь Бог оставлял мне надежду на будущее служение в Китае. Господь приготовил мне много работы в будущем! Мне захотелось увидеться с возлюбленной женой и поиграть со своим драгоценным сыночком. Теперь я мог надеяться на встречу. Наступит день, когда я снова буду молиться с братьями и сестрами моей церкви. Теперь можно было помечтать. Теперь я знал, что не умру в тюрьме.

Когда меня привезли в тюрьму, меня переполняло чувство огромной радости и благодарности за милость Господа ко мне. Я поделился новостью с братьями по камере, и мы подняв руки к небу, поклонились Богу.

Через несколько дней после объявления моего приговора на рассвете, холодным октябрьским утром 1984 года меня перевели из тюрьмы в Наньяне в Синьянский тюремно-трудовой лагерь, где мне предстояло провести остаток срока по приговору.

Делинь.

Четыре года, когда Юн был за решеткой, стали для меня самыми напряженными в моей жизни. По молитвам Господь посылал мне облегчение. Братья и сестры иногда помогали мне и брали на себя часть моих забот.

В то время мои отношения с Богом изменились. До рождения Исаака мое хождение перед Богом было чистым и скромным. Каждый день я читала Слово, молилась Иисусу и была радостной. Но после рождения Исаака наступили тяжелые времена и вера моя ослабла. С каждым днем я теряла силы и не знала, как проживу следующий день.

Когда Исааку было около двух лет, в моей жизни произошло важнейшее событие. В то лето стояла такая жара, что мы выносили постели во двор и спали у большого дерева под открытым небом. В конце изнуренная, я поддалась уговорам сатаны, что мне не нужно часто молиться, вполне достаточно моих молитв перед сном!

В тот вечер мать Юна ушла на собрание. Заснул Исаак, за ним забылась во сне и я. И вдруг у ног я вижу мрачную демоническую фигуру. Я страшно испугалась и начала громко и горячо молиться. Я провозглашала: "Именем Иисуса я противостою тебе, сатана. Я противостою твоей лжи. Ты заставил меня думать, что можно молиться только перед сном. Я связываю тебя именем Иисуса!"

Демоническое существо исчезло, как только я произнесла эти слова. На моем кожаном пояске был колокольчик. Я повесила поясик на спинку кровати. Теперь этот колокольчик звенел сам по себе. Я поняла, что этим сатане хотелось отвлечь мое внимание от молитвы. Не обращая внимания на этот звон, я не переставала молиться. Вскоре бесовское влияние прекратилось и в моем сердце воцарился глубокий мир.

Многие из наших соседей, которые тоже отдыхали во дворе, слышали мои крики, и спрашивали потом, что это было со мной.

Как раз в это время домой возвращалась мать Юна. Находясь на расстоянии около двух километров от нашего села, она каким-то образом почувствовала молитву множества верующих. Чтобы присоединиться к молитвенному служению, она поспешила домой. Придя домой и увидев, что я молилась одна, она была крайне поражена!

Это событие стало поворотным пунктом в моей духовной жизни. С того дня у меня на душе становилось все лучше и лучше.

Пока мой муж находился в заключении, Бог помогал нам во всем. Но мне хотелось бы рассказать вам только о двух чудесах, случившихся с нами в то время.

Справляться с хозяйством, когда все заботы легли на наши слабые женские плечи, было отчаянно трудно! Не представляю, как бы мы справились со всеми делами одни в то время! Например, мы решили посадить бабат, а как это делать не знали. Уже потом я узнала, что побеги надо было сажать на расстоянии в 60 см друг от друга! Я же сажала их на расстоянии всего в 10 см друг от друга!

Прослышав о моей оплошности, наши соседи издевались и потешались над нами все долгое лето! Слухи распространяются быстро, так что вскоре я сделалась предметом всеобщих насмешек.

Но вот пришла осень, и наши соседи стали проклинать все на свете, поскольку урожай батата у них оказался весьма скудным. Клубни их батата не превышали размеров шарика для игры в настольный теннис.

Мы же, выкапывая свой батат, находили крупные клубни, которые достигали иногда размеров баскетбольного мяча! Это было великое чудо, и все знали, что это Бог позаботился о нас таким образом.

С тех пор наши соседи стали уважать нас и считать моего мужа не заклятым преступником, а человеком, брошенным за решетку несправедливо. Наши соседи увидели "...различие между праведником и нечестивым, между служащим Богу и не служащим Ему " (Мал. 3 :18).

Второе чудо произошло, когда Исааку исполнилось три года. У нас не было ни домашнего скота, ни удобрений, так что нам приходилось обменивать часть урожая зерновых на удобрения. Нам надо было собирать хороший урожай, иначе не купить продуктов и необходимых для жизни вещей.

На этот раз я не знала, как сеять пшеницу. Я разбрасывала семена так густо, что они покрыли все поле ковром!

За неделю до жатвы пошел сильный ливень с градом. Град сыпал размером с теннисный шарик. Я бросилась из дома в поле, как только услышала, что начался градобой, и увидела, что пшеничные поля некоторых наших соседей уже полностью побиты градом. Мы с матерью Юна упали на колени со словами: "Господи, помилуй нас!"

И случилось чудо. Бог пощадил нас, и только нас. Наша пшеница, нетронутая градом, стояла во весь рост. Остальные пшеничные поля в округе были побиты.

После бури народ высыпал на улицу и увидел, как Господь Иисус Христос защитил нас. Таким было яркое свидетельство для них.

В тот год мы наслаждались вкусным хлебом, а наши соседи, не собравшие никакого урожая, довольствовались прошлогодними запасами кормовой кукурузы для свиней.

Оглядываясь на прошедшие годы, мы убеждались, что в самые трудные времена Господь не оставлял нас!

Кладбище в терниях и волчках

Меня послали в Синьянский трудовой лагерь. Город Синьян находится в южной части провинции Хэнань, на границе с провинцией Хубэй. В этом районе раскинулись многочисленные плантации чая. Климат здесь суровый, с небольшим числом солнечных дней в году, нередко с туманами и проливными дождями. В связи с пониженным атмосферным давлением и повышенной влажностью здесь полно москитов и ядовитых змей.

В нашем тюремно-трудовом лагере было больше пяти тысяч заключенных, разбитых на четыре бригады. Меня поставили работать на рисовых заливных полях и рыбной ферме. В нашей бригаде находилось свыше тысячи заключенных.

Каждое утро мы должны были присутствовать на занятиях по политической и военной подготовке. Рабочий день каторжан здесь длился от зари до зари - четырнадцать часов работы в день без выходных.

Мы рыли рыбаобразные садки вручную, и, кроме того, постоянно трудились на рисовых заливных полях в опасном соседстве со змеями и пиявками. Уже на второй день моего пребывания в лагере меня заставили носить на спине тяжелые корзины с илом и камнями. Весь день мы поднимали корзины по лестнице и сбрасывали с ближайшего откоса. Я был очень слаб. Малого пайка, который нам выдавали в сутки, было недостаточно, чтобы восстановить физические силы. Я много раз терял сознание и оступался, падая с лестницы в яму.

Вооруженная охрана не спускала с нас глаз и постоянно подгоняла. Когда мы уставали, нас избивали прикладами винтовок. Мы влачили жалкое существование.

Каждый вечер мы возвращались в барак со страшно опухшими ногами и потертыми от тяжелого груза плечами. Часто у меня не было даже сил подняться на нары и я засыпал прямо на полу.

Я ослаб настолько, что больше не мог переносить тяжести. Сегодня не знал, дотяну ли до завтра.

Мало того, Синьян находился на расстоянии трехсот километров от моего дома, и моим родным посещать меня было очень трудно. Первые месяцы день ото дня я слабел не только физически, но и духовно.

Я был удручен, поскольку не мог видеться с семьей. Часто я задавался вопросом, на кого был похож мой сын. Хотя в Наньянской тюрьме меня избивали до полусмерти, там, по крайней мере, я знал, что моя семья и мои любимые были рядом. Теперь я подвергся искушениям иного рода - искушениям в форме изнурительной, непосильной и медленной пытки. Вскоре после перевода сюда я описал место каторги в следующем стихотворении:

Зимой, весной, летом, в осень

Снега сменяются дождями,

И дни сырые очень редко

Меняются сухими днями.

Москиты, змеи и пиявки,

Бичи, веревки с шейкерами.

Здесь мерзость запустенья

- терн и волчцы

Вонзаются в тебя шипами.

Сюда с одним попавший бесом -

С семью уйдет. Но слава Богу:

Не от бичей - от возрожденья

Меняется душа плотского!

В конце 1984 года накануне праздника лунного Нового года нам велели написать годовой отчет, и составить план на будущий год.

Я не знал, что написать. За отчетом я вспомнил стих из Писания: "Итак вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела, а если не так, скоро приду к тебе, и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься" (Отк. 2 :5).

Я написал стихи, в которых признавался в том, что моя молитвенная жизнь во второй половине этого года ослабла. Я ослаб настолько, что стал мечтать лишь о том, чтобы поесть и выспаться.

Планируя мероприятия на будущий год, я написал, что мне следует покаяться перед Богом, чтобы Он простил меня. Я дал слово, что каждый день в пять утра и в девять вечера я буду молиться и размышлять над Словом Божиим.

С того времени я каждый день посвящал молитвенному общению с Богом. **Он сменил мою немощь на Свою силу**, и мне стало намного легче переносить рабочую нагрузку.

Однажды ко мне подошел лагерный надзиратель и сказал: "Я прочел твои бумаги из суда. Ты назван там контрреволюционером и врагом нашего народа, но я знаю, что на самом деле ты просто христианский пастор, и хочешь, чтобы каждый уверовал в Иисуса. Не понимаю, почему наше государство посылает таких людей как ты на каторгу".

Он задел меня за живое - я не мог сдерживать слез. В глубине души я возмущался всеми несправедливостями, которые переносил. И вдруг Господь сказал мне: "Не жалея себя. Такова Моя воля. Ты должен пройти этим путем".

Слава Богу! Он знал о моей немощи и непосильных нагрузках. Этот надзиратель уже много времени пристально наблюдал за мной, подозревая меня в желании бежать. Убедившись в том, что я не собираюсь этого делать, он перевел меня с рыбозаводных садков на работу в поля. Мне надо было таскать ковши с человеческими экскрементами на огороды для удобрения овощей. Эта работа была намного легче прежней.

Как-то раз мне приказали вымыться, привести в порядок свою одежду, и помочь неграмотным каторжанам в переписке с их родными. Так милость Божья не оставляла меня. Многие заключенные, увидев во мне искреннего христианина, стали уважать меня.

Однажды ко мне подошел како-то охранник и сказал: "В огородной бригаде работает один семидесятилетний старик, католический священник. Ты не знаком с ним? Он хороший христианин".

Этого человека тоже причислили к контрреволюционерам. Его осудили на 10 лет каторжных работ за то, что он отказался подчиняться Католической Патриотической Ассоциации, контролируемой государством. В лагере он отбывал последний год.

Когда я встретился с отцом Ю в первый раз, тот уже знал, что я ученик Христа. Так как я не был католиком, отец Ю обходился со мной довольно холодно, и даже не приветствовал. Я молился о нем, и искал способа услужить ему. За обедом я давал ему немного сухого молока, и делился частью пайка.

Я не был католиком, но он вскоре понял, что я был искренним последователем Иисуса. Он слышал о моих страданиях и семидесятичетырехдневном посте.

Постепенно его отношение ко мне менялось. Однажды отец Ю показал мне записную книжку, в которую он записывал молитвы. Будучи очень осторожным и не желая лишних неприятностей, отец Ю отказался от Библии, которую хотели передать ему друзья - католики, и все годы своего заключения провел без Слова Божьего. Моим родным удалось посетить меня несколько раз. При этом они тайно, среди продуктов и вещей, привозили Библию частями. В одном случае моя жена передала мне специально испеченный каравай хлеба.

Вот это был действительно драгоценный подарок, поскольку в каравае были запечены несколько библейских книг! В другой раз она спрятала драгоценные тетради в пачках лапши.

Я давал свою Библию этому католическому священнику и наша дружба крепла. Он был хорошо образован, и мог читать и говорить на латыни, еврейском, английском и древнекитайском языках.

После освобождения из лагеря брат Ю посетил наш дом. Наши служители подарили много Библий верующим католикам, и впоследствии поддерживали дружеские отношения с ними. Отец Ю вскоре вышел в первые ряды, став епископом подпольной католической церкви. Он поистине любит Бога.

Господь открывал двери перед евангельскими свидетелями. В нашем лагере был один заключенный именем Ся-Чжоу Ба. Маленьким восьмилетним мальчиком его отдали на учебу в большой буддистский монастырь. После полного курса обучения он стал монахом.

Ся-Чжоу Ба стал опытным каллиграфом и мастером кунфу.

Однажды, когда он проходил по рынку, вор вытащил у него кошелек с деньгами. Ся-Чжоу Ба заметил это, и, употребив боевой прием кунфу, ударил карманника. Тот упал замертво.

Подросла полиция. Зная о боевых способностях Ся-Чжоу Ба, его окружили несколько вооруженных сотрудников КОБ и начали безжалостно избивать. Во время борьбы Ся-Чжоу Ба ранил несколько кобовцев. Наконец, его задержали, прострелив руку из двухстволки. Потом его избили с такой ненавистью, что после этого он едва выжил. В итоге он оказался в Синьянском трудовом лагере.

В тюрьме многие хотели, чтобы Ся-Чжой Ба преподавал буддистское учение. Некоторые из молодежи даже поклонялись ему, чтобы он научил их боевому искусству кунфу.

Меня же тяготило то, что я не мог поделиться с ним Благой Вестью. Однажды вечером мы встретились, Я рассказал ему об Иисусе Христе, и той же ночью Ся-Чжоу Ба уверовал в Господа и Спасителя Иисуса и возродился, покайся в грехах. Он принес мне свои буддистские книги, амулеты и талисманы и попросил уничтожить их.

У многих осужденных были разбиты семьи. Я поделился с ними Благой Вестью, и некоторые из них посвятили свои души Иисусу. Мы крестили новообращенных в рыбозаводном садке. Двое из них, брат Ся-Чжоу Ба и брат Сунь, со временем сделались сильными благовестниками. После освобождения брат Ся-Чжоу Ба стал пастором одной из домашних церквей.

Под Рождество 1985 года по поручению домашних церквей меня навестили братья Шэнь и Ан. Для верующих в тюрьме рождественские дни были особенно трудны. Мы выбивались из последних сил, но с братьями и сестрами все же хотели отпраздновать Рождество нашего Господа Иисуса. Когда эти два брата прибыли в тюремно -трудовой лагерь, я как обычно работал в поле: переносил ковши с экскрементами. Начальство не пропустило их и велело отправляться назад, но они проделали большой путь и хотели увидеть меня, поэтому остались ждать меня за воротами.

Услышав о том, что ко мне приехали двое друзей, я помчался в лагерную канцелярию. Как правило, свидания проходили только в специально отведенном месте. Воспользовавшись своим добрым именем, я обратился к начальству: "Два родственника из моего родного города приехали навестить меня! Их не пустили, но им нужно в туалет. Пожалуйста, позвольте им пройти в лагерный двор и воспользоваться туалетом. Если вы разрешите мне проводить их туда, у нас получится короткое свидание ".

Невероятно, но главный начальник удовлетворил мою просьбу!

По дороге к туалету мы обсудили важнейшие новости. 1985 год был незабываемым для домашних церквей во всем Китае. Небывалое возрождение привело к распространению Благой Вести вдаль и вширь, и каждый день тысячи душ присоединялись к церкви. Оглядываясь назад, надо признать, что 1985 год стал знаменательным годом в истории христианской церкви в Китае. Я был так рад услышать эти новости, что расплакался от радости.

Мы втроем вошли в туалетное помещение, и там поклонились Богу, чтобы как-то отметить Рождество Христово. Стоя на коленях, я молился: "Господи, мы можем молиться Тебе только в этом грязном месте, но Ты все понимаешь, ибо Ты некогда оставил славу небес и родился в яслях. Ты пожелал пойти путем страданий и послушания. Сегодня мы молимся и служим Тебе!"

Мои посетители тоже встали на колени рядом со мной и, взявшись за руки, мы помолились и ободряли друг друга.

В этот момент в туалет вошел и, конечно, увидел нас один из заключенных по имени Йонг. Это был нехороший и злой человек. Он доносил на других, и в конце концов сделался старостой. Йонг закричал: "Ага, Юн! Ты приводишь в лагерь посторонних и устраиваешь шаш. Я немедленно доложу начальству!"

Святой Дух побудил меня сказать ему: "Именем Иисуса, ты не выступишь против живого Бога! Я повелеваю тебе пасть на колени и покаяться в грехах. Обратись к Господу, и Он, быть может, простит тебя!"

Как сраженный молнией, Йонг пал на колени, и мы втроем возложили на его голову руки и помолились о нем. И я в который раз понял: **когда мы повинемся Богу, происходят чудеса независимо от обстоятельств, в которые мы попадаем.**

Приняв Господа, Йонг стал мне добрым другом. Он жаждал Слова Божьего. Будучи доносчиком, он нажил среди заключенных множество врагов, чтобы отомстить ему, многие стали ложно доносить на него уже после того, как тот стал христианином.

Однажды во время обеденного перерыва Йонг прилег на нары и стал украдкой читать мою Библию, которую я тщательно прятал в бараке. Йонга поймали. Библию тут же отобрали. Йонг вышел из себя и стал драться с охранниками. Одному из них он едва не откусил палец. В конце концов его связали и увели.

Меня нашли двое братьев и рассказали о случившемся. И вот что я сказал тогда: "Давайте молиться и просить Бога, чтобы Он помог Йонгу". Я пошел к охранникам и попытался с ними все уладить, но они были так рассержены, что не стали и слушать меня.

В тот момент я увидел одного из начальствующих в лагере. Я подбежал к воротам и заговорил с ним: "Капитан Вон, Йонг читал мою Библию. Я знаю, что это серьезное дело, но, умоляю вас, помогите мне вернуть мою Библию!" Вон был одним из тех начальников, которые относились ко мне по-доброму. Он страдал от ужасного кашля, который мучил его день и ночь.

Капитан Вон пришел в канцелярию и набросился на Йонга: "Кто ты такой, что оказываешь сопротивление нашим охранникам? Вот я займусь тобой! Но сначала ты вернешь мне Библию Юна".

Через несколько дней, когда все постепенно улеглось, капитан Вон попросил меня прийти в его кабинет. Наклонившись ко мне, он сказал: "Юн, я читал вашу Библию, но ничего не понял в ней".

Таким образом Господь дал мне возможность прославить Его, и я ответил капитану: "Если вы хотите понять Библию, сделать это очень просто. Прежде всего, примите сердцем Господа Иисуса. Доверьтесь Ему и Он поможет постичь вам любое учение из этой Книги. Капитан Вон, помимо того, что эта книга расскажет вам, как получить спасение, Сам Иисус исцелит вас от вашего кашля!"

Тут я понял, что Дух Святой коснулся его сердца. Я закрыл дверь его кабинета и сказал: "Капитан Вон, пожалуйста, встаньте на колени, чтобы Иисус благословил вас".

Он встал на колени и помолился: "Иисус, я верю, что Ты - Бог. Пожалуйста, исцели меня".

Я возложил на него руки, он покался в грехах и принял Господа в свое сердце. Бог избавил Вона от страданий, и он постепенно обрел хорошее здоровье.

С того дня брат Вон стал учеником Иисуса. Затем волей Божьей его повысили в звании, он получил больше полномочий, но всегда помнил меня. Он перевел меня с прежней работы в кузницу. Кроме того, я стал водовозом для охраны.

На новой работе у меня было больше времени читать Библию и молиться. Когда мои родные приезжали на свидание, нам разрешали встречаться в кузнице.

Кроме того, меня поставили пасти овец и прикармливать рыбу в садках. Отсюда я усвоил несколько уроков. Я понял, что **овец нельзя бить, - их нужно кормить, если тебе хочется, чтобы они шли за тобой.** Прикармливая рыбу, я пользовался случаем, чтобы благовествовать осужденным, работавшим возле садков. Некоторые из них уверовали в Иисуса. Время в лагере бежало стремительно. Дни сменялись неделями, недели месяцами. Прошел 1986 год, наступил 1987. Все это время заключенные имели возможность слышать Благую Весть, и многие уверовали. Я постоянно занимался наставлением новообращенных. Приятно было видеть, как они, возрастая в благодати Божьей, начинают сами благовествовать ближним.

Наконец наступил 1988 год. До моего освобождения оставалось три месяца. Я волновался и мечтал о том мгновении, когда обниму жену и сына. Моему сыну Исааку теперь исполнилось четыре года, а я еще не видел его. Я не видел его первых шагов и не слышал его первых слов. Мне хотелось, чтобы он стал таким же как я, но как понять такому малышу, что произошло с папой?

Однажды среди ночи в тюрьме получили указание из самого Пекина. Тогда собрали всех политзаключенных и объявили, что дело идет только обо мне, и что у меня большие неприятности.

А случилось вот что. Власти обыскали мой дом и конфисковали Библии, изданные за границей, а также письма, полученные нами от китайских пасторов из-за границы. Одно из писем брата Су вызвало в Комитете общественной безопасности большой переполох. В этом письме брат Су сообщал мне: "К нам из Америки едет Билли Грэм. Он встречается с Председателем и Премьер-министром КНР. Я хочу встретиться с братом Билли Грэмом и рассказать о тебе. Быть может, он поможет тебе освободиться досрочно. Поэтому, пожалуйста, напиши мне подробно, как обращаются с тобой в тюрьме и вообще о твоих переживаниях".

Это письмо тайно передали мне, и я тотчас ответил. Однако, прежде, чем мой ответ отослали брату Су, сотрудники КОБ обнаружили письмо брата и мой ответ на него.

Среди прочего в ответном письме брату Су я написал: "Через страдания я понял очень многое. Я нисколько не сержусь, что меня бросили за решетку, ведь истинным судьей является Бог. Он внесет ясность во все. Тюремно-трудовой лагерь, в котором я нахожусь, напоминает мне огромное кладбище. Заключенные здесь ужасно страдают. Мы ограничены во всем. Работаем от зари до зари.

Меня арестовали за то, что я люблю Бога и хочу рассказывать всем об Иисусе. Хотя крест, который мне надо нести, тяжел, благодати Господней достаточно для меня. Сердце мое радуется и поет новые песни Господу. Хвала Ему! Слава моему Богу и Царю! "

И вот, обнаружив эти письма, кобовцы примчались в наш тюремно-трудовой лагерь среди ночи, и без отлагательств приступили к допросу всех заключенных в бараке. А меня в это время привязали к железному флагштоку посреди тюремного двора.

Потом меня связали, бросили в фургон и отвезли в другое место. Там меня провели через несколько металлических дверей и заперли в тесной, темной камере с железной дверью. Эта камера больше походила на железный ящик. Высотой и длиной она была метр с лишним, шириной - около метра. Здесь было так тесно, что я не мог ни встать, ни потянуться. Наручники защелкнули на моих запястьях за спиной.

В камере давно никого не содержали, и от плесени там стояло ужасное зловоние. Голова кружилась, меня тошнило. Ноги по щиколотку были в какой-то жиже, что заставляло меня дрожать от холода, особенно по ночам. Всякий раз, вспоминая о том, как я томился в карцере, я представляю себе не карцер, а холодный гроб!

Над железной дверью имелось окошечко с решеткой в три арматурных стержня. Слабый свет пробивался только оттуда.

Утром того же дня я подтянулся к окошку и выглянул. Я увидел там птиц, перелетавших с ветки на ветку, и совсем пал духом. Но постепенно в душе моей зазвенели новые струны. Мне казалось, что я как птица вырываюсь из клетки на свободу. И я был так далеко от прекрасных гор, лесов и рощ, что мне захотелось стать свободной птицей.

Сегодня еще до моего избавления из тюрьмы оставалось несколько месяцев, но сейчас все изменилось. Я стал спрашивать Господа: "Когда же меня освободят? Когда же я смогу свидетельствовать народу и проповедовать о Твоей чудесной жизни?"

Подняв руки к небу, насколько позволяли размеры моей камеры, я воскликнул: "Господи, хочу покориться Твоей воле. О, Господи! Пожалуйста, скажи мне, что это за место? Где я? Почему я здесь?"

И мне на сердце легло следующее Слово Божье из Отк. 1 :9 : "Я Иоанн, брат ваш и соучастник в скорби и в царствии и в терпении Иисуса Христа, был на острове, называемом Патмос, за Слово Божие и за свидетельство Иисуса Христа".

И тотчас темные тучи надо мной рассеялись. От радости мое сердце вырвалось из этой тесной и темной клетки. И я сказал : "Господи, благодарю Тебя. Когда мне было всего 16 лет, Ты зажег в моем сердце страстное желание запоминать Твое Слово. И оно запечатлелось в моем сердце. Я благодарю Тебя за Твою драгоценную Библию. О Господи! Теперь я прошу Тебя об одном. Пожалуйста, снова передай мне Библию в это место, чтобы мне повторять Твои Слова".

Вдруг послышался лязг открываемых ворот, и железная дверь моей клетки распахнулась. Два кобовца повели меня на допрос. Меня ожидал руководитель местного отделения КОБ с руководителями провинции и начальником тюремно-трудового лагеря. Лица у всех были мрачнее тучи. Я стал искать стул, чтобы сесть без приглашения. Но глава местного отделения КОБ строго приказал: "Встать на колени, злодей и убийца! Ты осознаешь тяжесть совершенного тобой преступления?"

Он просто не знал, что за последние годы я уже привык к такого рода угрозам и запугиванию. Вот прочему я, конечно, не встал на колени и ответил: "С первого дня задержания я повиновался всем тюремным правилам. Я подчинялся тюремному начальству, работал изо всех сил, не жаловался, помогал товарищам по лагерю. Мне дважды объявляли благодарность за примерное поведение в лагере, так что я не совершил здесь ничего противозаконного"

Лицо главного кобовца исказилось, и он заревел: "Заткнись, лгун! У нас имеются материалы твоего дела. Четыре года назад ты симулировал сумасшествие. Тогда ты устроил антигосударственную голодовку. Вынося тебе приговор, мы думали, что ты исправишься, и дали тебе всего четыре года. Но с прибытием в лагерь ты стал вести себя еще хуже и продолжал контрреволюционную, религиозную деятельность. Если бы мы оставили тебя здесь, ты бы разложил всю тюрьму.

Во-первых, ты установил преступные связи с иностранцами, и получал религиозную литературу из-за границы. Более того, ты уже знал о прибытии в Китай религиозной делегации из Америки за несколько месяцев! Тебя об этом предупредил Су Юн-дзе, преступник, давно объявленный в розыск по всему Китаю.

Во-вторых, ты всегда выступаешь против нашего государства и религиозной политики. Ты выступаешь против политики "Патриотической церкви трех благ", называя ее блудницей. За последние четыре года нет никаких указаний на то, что ты переменял свои пути или сожалеешь о множестве своих грехов.

В-третьих, здесь, в тюрьме, мы позаботились о тебе как любящие родители, а ты набрался дерзости написать стихи, в которых заявляешь, что наш лагерь напоминает огромное кладбище, заросшее терном и волчцами! Государство испробовало все, чтобы сделать из тебя полезного для страны труженика, но ты идешь против нас".

Чем больше он говорил, тем в большую ярость приходил и кричал во все горло: "Сегодня мы преподадим тебе самый серьезный урок! Возможно, тогда ты проснешься и исправишь свои пути".

Вошла охрана, и я услышал: "Юна на выход. Займитесь им как следует!"

Доставив меня на место пытки, мне надели наручники и начали истязать электрошоком, хлыстами и палками. Распарывая мою плоть, они не оставили живого места на моем теле. До того, как мне потерять сознание, мне было Слово Господне: **"Вот твое призвание. Ты должен снести все это ради Слова Божьего и свидетельства Иисуса"**.

Когда я пришел в себя, то лежал на полу неподвижно, как труп. Охранники принесли меня и бросили в мою клетку. Руки и ноги у меня были скованы.

Той же ночью Бог вразумил меня ярким сновидением. Мои оковы внезапно спали, и я оказался на свободе! В этом сновидении я читал учебную Библию, проповедовал некоторым братьям, с которыми был в тюрьме, и ободрял их свидетельствовать о Господе. Мне явился католический отец Ю. Он радостно повторял: "Иисус победил всех врагов! Иисус победил всех врагов!" И я тогда сказал ему: "Когда меня бросили в эту тюремную клетку, я попросил Бога передать мне учебную Библию". Затем мы с отцом Ю вместе поблагодарили Господа небес.

Проснувшись, я нашел, что наручники по-прежнему были на мне, но Святой Дух сказал мне: "Расслабь руки". Когда я сделал это, наручники спали с меня! Я возблагодарил Бога так же, как в сновидении. Я сказал: "Господь Иисус, я люблю Тебя. Спасибо за то, что я теперь могу петь. Пожалуйста, передай мне Библию".

На следующий день около восьми часов утра произошло одно чудо. Начальник лагеря открыл железные ворота, и вошел ко мне в камеру. Обратившись ко мне по имени, он сказал: "Юн, хотя ты совершил много преступлений, мы уважаем твою веру. Вчера у нас было собрание, на котором мы решили выдать тебе Библию. На, вот, возьми ее!"

Незаметно надев на себя наручники, я взял Библию и поблагодарил начальника. После этого он сказал мне: "Юн, пожалуйста, хорошо исследуй свою Библию и покайся в грехах, чтобы тебе стать полезным членом общества". Затем он запер за собой дверь и ушел.

Я пал на колени и в слезах благодарил Господа за этот великий дар. Я просто не мог поверить своим глазам. Моя мечта осуществилась! Никому из заключенных никогда не разрешалось иметь при себе Библию, или другую христианскую литературу, и, тем не менее, Бог даровал мне Библию!

Вот таким способом Господь указал мне, что вопреки злым умыслам людей Он не забыл меня и по-прежнему руководит моей жизнью. **Ни коллективная, ни индивидуальная человеческая воля не могла воспрепятствовать Всемогущему Богу исполнять Свои замыслы!** Здесь мне припомнилось, как в свои шестнадцать лет я чудом получил свою первую Библию от Бога. Теперь мне было тридцать лет и я находился в полном одиночестве в тесной клетке, темной и мрачной камере, однако, Божья помощь, подкрепление и сила никогда не иссякали!

Руки мои дрожали. Я медленно открыл свою Библию на последней странице: "Свидетельствующий сие говорит: ей, гряди скоро! Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе! Благодарь Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь" (Отк. 22:20-21).

Следующие три месяца меня продержали в изоляции в той же самой клетке. Сюда через зарешеченное окошко проникало очень мало естественного света, но мне этого было достаточно, чтобы читать. В первые же десять дней я прочел всю Библию. Я запомнил за это время пять глав из послания к Евреям и книги Откровения.

Бог помогал мне постигать Слово Свое, и любить его трепетно. Эти три месяца стали для моей души драгоценным временем тесного общения с Иисусом. Он давал мне посмотреть одним глазом на будущее китайской церкви; на то, как мы понесем Его Благую Весть по всему миру, куда еще не дошло Евангелие, и обратно в Иерусалим в ожидании Второго пришествия Господа.

За месяц до окончания моего четырехлетнего заключения я видел чудесный сон. Я увидел пожилую женщину с седыми волосами. В лунном сиянии и с улыбкой на устах она шла ко мне. Тут я понял, что это была моя дорогая матушка. Я выбежал вперед и бросился в ее объятия. С любовью глядя на меня, она сказала: "Дитя мое, не бойся".

Тут я проснулся, и дух мой исполнился радости. Я подумал, какая жалость, что это был только сон, и потому горячо помолился Господу, чтобы этот сон сбылся, и я снова увидел бы свою матушку.

Через три дня около одиннадцати часов утра в камеру вошел охранник, чтобы отвести меня в главную канцелярию лагеря. Не успел я войти в комнату, как увидел матушку! Она бросилась ко мне, обняла и заплакала. Увидев на мне наручники, и меня самого, исхудавшего и похожего на грабли, с пожелтевшей от недостатка солнечного света кожей, она не смогла сдержать рыданий. Я же сказал ей: "Матушка, пожалуйста, успокойся. Все это ради Иисуса".

Моя матушка успокоилась и сказала: "Твоя мать все понимает. Твоя жена и родные думают о тебе день и ночь и мечтают о твоём возвращении домой. Мое дитя, вспоминай слова своей матери, прислушивайся к голосу свыше и повинуйся ему. И ничего не бойся".

Она гладила мои руки и наручники. Сердце ее было сокрушено. Охранник, наблюдавший эту сцену, поторапливал нас: "Давайте, поживее! Тебе отказано в свидании, но я знаю, что твоя мать приехала издалека, чтобы увидеть тебя. Пошевеливайтесь и заканчивайте, пока нас всех не поймали!"

Матушка сказала следующее: "Сынок, я приехала сюда и искала тебя целых три дня. Никто не знал, где ты. Но вчера вечером ангел Божий явился мне во сне и сказал: "Не бойся. Ты встретишься со своим сыном". Сегодня утром этот охранник увидел меня у тюремных ворот. Он тоже верующий. Он знал, что я ищу тебя, и сказал мне, что ты находишься в одиночной камере. Сегодня этот добрый человек дал нам возможность увидеться друг с другом". Моя мать обратилась к этому охраннику и сказала: "Бог да благословит тебя за твою доброту".

Я спросил у охранника, нельзя ли мне написать пару слов жене и сыну. Он дал мне карандаш и бумагу, снял наручник с моей правой руки. Рука моя дрожала, когда я писал записку своим возлюбленным родным, призывая их хранить верность Господу и возвещать Евангелие погибающим душам.

Возвращаясь в камеру, я обернулся и еще раз увидел любящие глаза матушки. Она помахала мне на прощанье.

Брат Су знал, что его письмо ко мне перехватили кобовцы, и все же решил не отступать и каким-то образом встретиться с Билли Грэмом во время его поездки в Пекин. Он решился на это потому, что посчитал достойным поделиться с ним тем, что в действительности творилось в Китае. Брата Су тревожило то обстоятельство, что Церковь Божия в Китае была представлена не домашними церквями, а политическим движением Патриотической церкви трех благ.

Встреча американского проповедника с руководителями "Патриотической церкви трех благ" была назначена на 17 апреля 1988 года. Через одного общего друга брат Су договорился встретиться с Грэмом в тот же день, только позже.

Но эта встреча не состоялась.

Переодетые сотрудники КОБ арестовали брата Су в парке около четырех часов дня 16 апреля. В их руки попала наша переписка. Власти догадывались о замыслах Су и провели ряд мероприятий, чтобы предотвратить его встречу с Билли Грэмом.

Когда новость об аресте брата Су распространилась за рубежом, один христианский иностранный писатель саркастически заметил: "По характеру брата Су с его силой проповеди и масштабностью деятельности можно справедливо назвать "китайским Билли Грэмом", и в том, что его арестовали при попытке встретиться с Билли Грэмом, можно видеть иронию судьбы".

В конце концов брата Су, который провел в заключении три года за то, что пытался встретиться с Билли Грэмом, освободили из тюрьмы в 1991 году. Его продержали без суда и следствия в тюрьме уезда Чженпинь, провинция Хэнань.

Бог изливает Свою ужасающую силу.

"Ты испытал нас, Боже, переплавил нас, как переплавляют серебро. Ты ввел нас в сеть, положил оковы на чресла наши, посадил человека на главу нашу. Мы вошли в огонь и в воду, и Ты вывел нас на свободу... Придите, послушайте, все боящиеся Бога, и я возвещу вам, что сотворил Он для души моей" (Пс. 65 : 10 - 12, 16).

Незадолго перед концом своего четырехлетнего срока я попал в еще большую беду и оказался в одиночной железной камере. Теперь я был уверен, что смертного приговора мне не избежать.

Однажды утром за мной прислали охранника, чтобы привести на открытый допрос, который, как правило, продолжался весь день. Как раз перед этим я закончил молиться и прославлять Господа.

Увидев меня в радостном настроении, охранник удивился: "Чему ты радуешься? Хороший сон приснился?" Я не ответил ему, продолжая напевать.

Тогда он оборвал меня: "Не радуйся. Сегодня тебе не поздоровится. Посмотрим, как ты запоешь под вечер".

Он проверил мои наручники и, подтолкнув в спину, повел на допрос.

Там меня уже поджидали восемь должностных лиц. На столе были разложены орудия пытки. Однако Бог избавил меня от всякого страха, и я мог смотреть на эти инструменты без содроганий.

Я сел на стул.

Обратившись ко мне, судья произнес: "Юн, мы даем тебе последнюю возможность. В нашей власти приговорить тебя еще на 15-20 лет, если ты откажешься сотрудничать с нами и не признаешься в своей преступной деятельности".

Я молча смотрел на него.

Тут заговорил заместитель завначальника уездного отделения КОБ: "Гражданин Юн, согласно материалам дела, вы поддерживали преступные отношения с господином Су Юн-дзе, и, с подачи иностранцев, составили политический заговор против нашего государства. Этих фактов достаточно, чтобы приговорить вас к смерти. Но мы хотим, чтобы вы чистосердечно сознались в преступлении. Назовите нам имена тех, кто руководит преступником Су Юн-дзе. Если вы откроете нам их имена, мы учтем это как смягчающее вину обстоятельство. В противном случае вы сильно пожалеете".

Тут я не на шутку рассердился. Я встал и, подняв к небу руки в наручниках, громко заявил: "Не говорите мне ничего больше! Я готов принять смерть! Отвечать на ваши вопросы я не собираюсь. Делайте со мной что угодно!"

С этими словами я сел.

В глубине души я молился: "Господь Иисус! Я все равно буду любить Тебя, пусть меня даже расстреляют".

Все были просто изумлены. Опытный судья из провинциального правительства сказал: "Хорошо, Юн! Мы знаем, что ты действительно христианин. Однако наше государство хочет помочь тебе. Мы не собираемся убивать тебя, не надо так волноваться. Ты только прояви благоразумие и

подумай о предложении. А теперь возвращайся в свою камеру. Через пару дней мы пригласим тебя и послушаем, что ты нам скажешь".

Оказавшись в своей железной клетке в жиге на полу, я запел песню:

Что грозит мне завтра, я не знаю, Боже...

За меня Ты умер - за Тебя я тоже

Умереть хотел бы, так как избран, знаю,

И Тебе любовью послужить желаю!

Через два дня около девяти часов утра за мной явился старший надзиратель. Я удивился, когда он мне сказал : " Собирай вещи, Юн. Приготовься к отъезду".

Я удивился: "Куда это?"

"Мы переводим тебя обратно в Наньянскую тюрьму. Там тебя будет судить местный суд".

Меня везла в Наньян полицейская машина. Одеало, одежда, Библия и все остальное, что я имел в этом мире, было со мной. На меня надели наручники и посадили в машину с вооруженной охраной по обе стороны.

В Наньян мы прибыли после обеда в тот же день. С тех пор, как я оставил родной город, прошло около четырех лет. Как оказалось, меня привезли не в тюрьму - машина въехала в какой-то большой двор. Вывеска гласила: "Территориальное управление Комитета общественной безопасности".

Охранники сняли с меня наручники и дали умыться. Затем меня ввели в роскошный конференц - зал. Здесь меня ожидала группа людей. Среди них были главы местного отделения КОБ, председатель Комитета по делам религии, секретари местных отделений КПК и кое-кто из руководства "Патриотической церкви трех благ".

Глава местного отделения КОБ обратился ко мне со следующими словами: "Юн, мы полагаем, что ты уже понял, в каком серьезном положении оказался, так что не станем повторяться. По закону Китайской Народной Республики мы обязаны осудить тебя еще на один срок, но мы знаем, что ты слишком упрям и не изменишься. Мы посоветовались и решили тебя отпустить".

И тотчас Святой Дух напомнил мне из Слова: "Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше" (Ин. 19:11).

Должностные лица продолжали: "Однако мы освободим тебя только на определенных условиях:

1. В течении двух лет ты будешь лишен всех политических прав. Как политзаключенному, тебе не избежать позора.
2. Ты освобождаешься под гласный полицейский надзор.
- 3.Один раз в месяц ты должен являться в местное отделение КОБ и сообщать о своих делах за истекший период.

4. Ты лишаешься права выезда за пределы своего жительства. Ты не имеешь права говорить о своей вере. О посещении твоего дома посторонними ты должен ставить в известность местные власти. Если ты не будешь соблюдать эти требования, тебя ждет строгое наказание.

5. Ты должен стать членом "Патриотической церкви трех благ", которая признана и зарегистрирована нашим государством".

После того, как эти пять пунктов были зачитаны вслух, меня попросили подписать бумагу в подтверждение моего согласия на эти условия

Я вежливо ответил: "Уважаемые граждане начальники, здесь имеется одно условие, которое я исполнить не могу. Это пятый пункт. Я не хочу и не могу стать членом "Патриотической церкви трех благ", так как это государственная политическая организация. Как лишенный всех политических прав, я не могу вступать в члены какой бы то ни было политической организации".

Они нашли в моих словах определенный резон. Не зная, что ответить, они ограничились серьезным предупреждением: "Юн, мы знаем, что тебе нелегко переменить свои пути. Горбатого могила исправит. И все же не умничай: если ты опять начнешь настраивать людей против государственной религиозной политики, то будешь расплачиваться за все последствия до конца своей жизни".

Как оказалось, мне уже купили билет на автобус до моего села. Это был последний вечерний рейс. чтобы отвезти меня на станцию, прислали машину. Сердце мое громко стучало. Я радовался и благодарил Господа.

Это произошло 25 января 1988 года. Прошло ровно четыре года с того дня, когда меня, залитого кровью, в наручниках, продетых под стальную перекладину полицейского фургона, привезли в Наньян. Четыре года назад в этот день начался мой семидесяти четырехдневный пост.

И вот наконец - свобода!

Автобус въехал в село после полуночи. В темноте по обледеневшей дороге я пошел к своему дому. Я был чрезвычайно взволнован и возбужден - мне было хорошо известно, сколько страданий перенесла моя семья во время моего отсутствия.

Я спешил по узкой тропинке мимо домов. Из печных труб к небу поднимались столбы дыма: в тот год выдалась холодная зима.

И вот мой дом. Я остановился. Все это напоминало сон.

Чего я только не пережил за эти четыре года, но Бог всегда был со мной. Меня страшно пытали, но Бог был со мной. Я стоял перед разными судьями и судами, но Бог был со мной. Я был голоден, и даже падал без чувств от истощения, но Бог был со мной.

В моих страданиях Бог ни разу не предал меня, потому что любил и никогда не оставлял меня. Он был всегда верен. Благодати Божьей для меня всегда было достаточно - Он возмещал все мои нужды.

Я вовсе не страдал за Иисуса в тюрьме. Нет! Я был там с Иисусом, и каждый день реально ощущал Его присутствие, радость и мир. Тот, кто оказался за решеткой за веру в Бога, нисколько не

страдает. Если же человек страдает в тюремном мире, значит человек не имеет близкого общения с Богом.

Когда я был на свободе, мне в определенном смысле стало не хватать тюрьмы. За решеткой духовное общение с братьями было очень глубоким и сладостным. Нас соединяли очень крепкие узы. Мы служили друг другу любовью и полагали друг за друга свои души. На свободе отношения между людьми, занятыми суетными делами, преимущественно очень поверхностны.

Мои родные не ожидали меня. Они не знали точно, когда меня должны были освободить и не имели обо мне никаких известий. Наружная дверь дома была заперта. Я постучал и моя дорогая Делинь, изумленная и радостная, открыла мне дверь. Малыш Исаак мирно спал. Делинь разбудила его, и они вдвоем смотрели на меня широко раскрытыми глазами, желая убедиться, что это был я, а не сон или видение.

Исааку исполнилось четыре года, но мы еще не видели друг друга. Он цеплялся за маму и спрашивал: "Кто это? Это не мой папа! Кто это?" Это больно ранило меня, но прошло несколько дней, и мой сынок привык ко мне и не стал чуждаться.

А тогда мы пали на колени и возблагодарили Бога за то, что наша семья снова вместе. Потом мы обнялись с Делинь и всю ночь плакали и смеялись, рассказывая о пережитых трудностях, выдержанной борьбе и о благодати Божьей, проявленной к нам.

Когда я вернулся домой, моей матушки не было. Она отправилась в Наньян, надеясь узнать, когда меня освободят. Начальство не приняло ее и не ответило ни на один из ее вопросов. Матушка вернулась домой на второй день после моего освобождения, сокрушенная и разочарованная. Вы можете представить ее неописуемую радость, когда она увидела меня дома!

Однажды ночью, через три дня после освобождения, я имел странное видение и тут же понял, что Господь желает вразумить меня через него.

Я увидел толпу христиан, которые гнались за мной. В руках у меня был яркий фонарь размером с яйцо. Они пытались отобрать его у меня, поэтому я спрятал его, но свет пробивался через одежду. Что бы я ни делал, эти люди постоянно преследовали меня.

Я проснулся весь мокрый от пота. Разбудил жену: "Нам надо помолиться. Только что я видел страшный сон". Когда я поделился с Делинь подробностями этого видения, она сказала: "Господь хочет вразумить нас, что укрыть тебя от верующих будет очень трудно. Когда они узнают, что ты здесь, они все явятся сюда на встречу с тобой. И тогда власти арестуют их. Вот почему они выпустили тебя из тюрьмы. Они хотят воспользоваться тобой, как светом для привлечения мотыльков. Когда верующие соберутся, полиция нападет на них".

Это видение стало сбываться. Через две недели после моего освобождения состоялся объединенный съезд КОБ и Народного собрания КНР. На съезде было во всеуслышание объявлено о полной свободе совести в Китайской народной республике. Критике подвергались только домашние церкви. Здесь также объявлено о моем освобождении из мест заключения и передаче под строгий надзор местных органов власти. Кроме того, делегаты съезда были уведомлены о пяти пунктах, которые были навязаны мне перед освобождением. Этим документом на съезде пытались опорочить меня.

Однажды рано утром ко мне пришли братья - ответственные служители. Меня провели на собрание руководства. Мое сердце горело святым огнем. Мы все молились о возрождении. Многие молодые люди плакали. Все присутствующие обновили свое посвящение.

Огонь Святого Духа горел на моей родине в Наньяне. Множество чудес и тысячи обращений произошли в течение короткого времени. Этот огонь загорелся и в других местах.

За мной внимательно следили, так что я не мог отправиться куда хотел. Чтобы покинуть свое село, я сначала должен был оформить письменное разрешение. От меня требовалось раз в месяц являться в местное отделение КОБ и сообщать о своих занятиях. Это было для меня жало в плоть.

Однажды я взмолился Богу: "Господи, не Ты ли сказал Петру, что должно повиноваться больше Богу, нежели человеку; итак с этого времени я больше не стану докладывать властям о себе, а стану повиноваться только Тебе ".

Господь тотчас откликнулся в моем сердце: "Итак будьте покорны всякому начальству, для Господа: ...ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей" (1 Петра 2 : 13, 15).

Вот почему я два года соблюдал все требуемое от меня и раз в месяц являлся в отделение КОБ, чтобы отчитаться. Здесь я ловил всякую возможность свидетельствовать о Слове Божьем местным кобовцам. Сообщая о своих занятиях за истекший период, я никогда не говорил им, где я благовествовал. В своих сообщениях я говорил только о тех откровениях, которые Господь давал мне из Своего Слова.

В марте 1988 года мы услышали, что в южный Китай, город Гуанчжоу, доставлены Библии. Верующие христиане из зарубежных стран доставили эти Библии контрабандой через Гонконг. Мне также рассказали об одном американском пасторе, который обосновался в Гонконге из любви к Китайскому народу. Он говорил и проповедовал по-китайски, причем бегло.

Делинь, услышав об этом пасторе, предложила мне встретиться с ним и взять несколько Библий для нашей домашней церкви. Она взяла на себя всю ответственность за мой выезд из села и убедила меня не беспокоиться о разрешении местных властей.

Через 30 часов я прибыл в Гуанчжоу и встретился с этим братом из Америки. Он рассказал мне, что полюбил Китай и хочет положить душу за китайский народ. Его желание глубоко тронуло меня. Это было мое первое общение с западными христианами. Они собрали много пакетов с Библиями, в которых так нуждались домашние церкви.

С тех пор мы стали принимать у себя иностранных гостей - верующих христиан. Нам нравилось находиться в их обществе. Мы были благодарны им за Библии и многое другое, чем они снабжали нас, хотя иногда принимать их было трудно, поскольку мы сами едва сводили концы с концами. В то время мы поднимались в 5 утра для ежедневного молитвенного служения, а после молитвы и завтрака ревностно трудились для Господа до полуночи.

Верующие из домашних церквей любили слушать долгие проповеди из Слова Божьего. Многие Китайские проповедники умели говорить вдохновенно, без остановки, в течение многих часов. Так продолжалось день за днем. Мы увидели, что некоторые из наших гостей могли выступать не больше сорока пяти минут, после чего они истощались и сказать им уже было нечего! Так что мы приглашали только тех служителей, которые могли проповедовать не менее двух часов подряд.

1989 год оказался решающим для домашних церквей. Созрела жатва: нам необходимо было сплотиться. Ужасная резня на площади Тяньаньмынь первого июня оказала сильное влияние на умонастроение множества людей в Китае. Расправа над мирной демонстрацией дискредитировала коммунизм в глазах миллионов людей, сыграв роль пускового механизма в поисках ими духовных истин.

В 1989 году Святой Дух мощно всколыхнул весь Китай. Все меньше людей вступало в ряды КПК, и все больше присоединялось к Церкви.

Если между 1971-89 годами большинство верующих составляли пожилые крестьяне, то с 1989 года за Христом последовало много образованных людей, государственных служащих и рабочих. И множество прежних коммунистов оставляли пустую марксистскую идеологию, принимая христианскую веру.

Благая Весть распространилась и в моем родном селе. Несколько членов КПК вышли из ее рядов, уверовав в Иисуса, крестились и начали благовествовать! Грешники получали спасение и многие больные исцелялись. Сила Евангелия стала предметом бесед среди сельских жителей. Каждого, казалось, потрясло могущество и реальность существования Бога. Даже соседи, которые издевались над моей женой все эти годы, раскаялись и стали твердыми верующими. Они глубоко сожалели о том, что притесняли мою семью.

В ночь ареста в 1983 году я кричал: "Я человек с неба! Мой дом в селе Евангельском!" Теперь это истинно так! Милостью Божьей наше село действительно превратилось в село Евангельское.

Власти знали, что многие обращались к Богу и много чудес происходило в то время, но предпочитали оставаться в своих участках и не гнать домашние церкви. Полицейские боялись нас, поскольку видели, что начала действовать могучая сила. Они знали, что выступать против народа Божьего неразумно и опасно.

Наши сотрудники не имели никакого семинарского образования, но воистину исполнялись силой Святого Духа. Каждый раз во время благовестия слушатели поражались их учению, так что имя Иисуса становилось известным все больше и больше. "Видя... что они люди не книжные и простые, они удивлялись, между тем узнавали их, что они были с Иисусом"(Деян. 4 : 13).

Главы домашних церквей были заняты так, что у них даже не оставалось времени на прием пищи и на общение с семьей. Отовсюду был слышен македонский призыв: Придите и расскажите нам об Иисусе. Время тогда было удивительное, и мы старались изо всех сил трудиться на ниве Божьей - собирать жатву, используя благоприятные дни.

Однажды меня пригласили провести особое собрание в городе Вэньжоу, что в провинции Чжэцзян. Там Господь творил множество чудес. Слепые прозревали, глухие начинали слышать, а хромые ходить. Нас окружал народ, жаждущий Господа. В надежде обрести исцеление, люди прикасались к моей одежде. В конце концов, потребовалось шесть или семь молодых людей, чтобы вынести меня из собрания.

В провинции Аньхой на встречу пришло более двух тысяч человек. На собрании, во время моей проповеди, внесли четверых одержимых бесами. Многие годы никто не мог справиться с ними. Врачи и специалисты пытались их лечить, но одержимым становилось только хуже.

Один из этих людей стал просто ужасом для церкви. Он неоднократно покушался на жизнь пастора и требовал, чтобы тот поклонился и служил его бесам. Он состоял на учете как социально опасный больной, и во времени обострений заболевания полиция держала его в наручниках. Какое-то время христиане молились за этого человека, но лучше ему не становилось.

Когда мы помолились Иисусу за этих четверых одержимых, трое из них тотчас избавились от бесов. Но человек, одержимый духом убийства, вступил с нами в непримиримое сражение. Мы молились о его исцелении до четырех утра, но он не уставал проклинать нас и выкрикивать в наш адрес угрозы. Особенно ему хотелось убить меня. Бес в этом человеке насмехался надо мной, обращаясь с такими словами: "Ты говоришь, что обладаешь властью над бесами, а меня выгнать не можешь! Здесь мой дом, и я никуда отсюда не уйду! "

За многие часы, проведенные в молитвах над этим человеком, мы истощили все свои силы. Мы прочли множество молитв, но ничего не помогало. Наконец, разочарованные и опустошенные, мы отступили: "Господи, мы ничего не можем сделать".

Внезапно, в то время как мы сидели в унынии духа, Дух Божий сошел на нас, а человек, одержимый бесами, забился в судорогах. Мы тут же вскочили и возложили на него руки. И тотчас бесы оставили его.

Так в то утро Господь преподал нам очередной урок. **Когда уходят наши силы, то это не поражение, а доступ к безграничным источникам Божьим.** Воистину, когда мы сами по себе немощны, то сильны в Боге.

В то время народ страстно желал Бога. Если вам не приходилось бывать в такой обстановке, то вам не понять, на что это похоже. В некоторых провинциях сила Божья проявлялась настолько потрясающе, что люди, бывало, обличались Святым Духом по пути на собрание. Они падали на колени прямо на пороге и раскаивались в своих грехах. Нужда в благовестниках была так велика, что мы не знали, что делать дальше.

Брат Чжан Ронлян и его сотрудники спрашивали: "Что же нам делать? Нас приглашают по всей стране на благовестие и исцеление. Мы теперь как свечи, подожженные с обоих концов".

Однажды я услышал ясный голос: **"Пойдите в пустыню и молитесь! Вы должны молиться и проповедовать. Прежде молитва, затем проповедь"**. Тогда многие пасторы домашних церквей стали наставлять новообращенных. Прежде мы делали основной упор на благовестии, теперь мы решили не только приобретать души для Христа, но и воспитывать учеников.

В апреле 1989 года мы приступили к программе интенсивной подготовки. Многие библейские школы располагались на склонах гор в выдолбленных пещерах.

Когда Бог начинает действовать, лучшее что мы можем сделать, это примкнуть к Нему. Все человеческие планы и стратегии становятся бесполезными и никчемными: они уносятся прочь, как зонтики во время урагана.

Вскоре после освобождения из тюрьмы, я сдержал свое обещание перед казненным братом Хуанем и навестил его родителей. Со времени обращения и казни Хуаня прошло уже три с половиной года. Его родители все еще хранили его "письмо", написанное кровью.

Я сказал им: " Хотя ваш сын умер, дух его жив и сейчас находится со Христом Иисусом на небесах. Его слова в письме, которые он написал кровью, так же живы. Сегодня я пришел к вам, чтобы рассказать о последнем желании вашего сына. Он сказал, что вы должны уверовать в Иисуса!"

Отец и мать Хуаня, будучи членами КПК, занимали высокое положение в обществе. Но я видел, что Святой Дух коснулся их сердец, хотя они колебались, понимая, что вера во Христа Иисуса обойдется им очень дорого.

После нашего многочасового разговора они сунули мне в карман сверток с деньгами за посещение. Я вынул эти деньги и положил их на чайный поднос со словами: "Мне не нужно денег. Мне нужно приобрести ваши души для Христа! Теперь во имя Иисуса Христа Назарея я повелеваю вам встать на колени и принять Иисуса своим Спасителем! "

Родители Хуаня тут же встали на колени и со слезами на глазах исповедовали перед Господом свои грехи.

По сегодняшний день они неуклонно следуют за Господом.

Второй срок.

"И взял Иосифа господин его и отдал его в темницу, где заключены узники царя. И был он там в темнице. И Господь был с Иосифом, и простер к нему милость, и даровал ему благоволение в очах начальника темницы. И отдал начальник темницы в руки Иосифу всех узников, находившихся в темнице, и во всем, что они там ни делали, он был распорядителем. Начальник темницы и не смотрел ни за чем, что было у него в руках, поскольку Господь был с Иосифом, и во всем, что он делал, Господь давал успех" (Быт. 39 : 20-23).

С момента моего освобождения в январе 1988 года и до середины 1991 года мы успели посетить все домашние церкви Китая. Господь употреблял меня для славы Своей; Его Слово возвещалось во многих крупных провинциях; множество грешников принимали христианскую веру. Мы трудились от зари до зари, забывая даже поесть. Наш день начинался рано утром - мы посвящали утренние часы общению с Господом, а затем упорно трудились, проводя время в проповеди, наставлениях и поездках, и уже глубокой ночью просто падали в постель. На следующий день снова просыпались до восхода солнца, и весь круг повторялся сначала.

В тех редких случаях, когда мы бывали дома, нам приходилось через силу работать в поле, чтобы наверстать упущенное. Кроме того, надо было переделать множество дел, которые ждали твердой хозяйской руки.

В начале 1991 года Господь предупредил меня, указав на место из Откровения 2:3-5: "Ты много переносил и имеешь терпение, и для имени Моего трудился и не изнемогал. Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою. Итак вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела; а если не так, скоро приду к тебе, и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься".

Я изнемогал, "сгорая" в служении.

В мае 1991 года началась новая волна гонений на домашние церкви. Однажды ночью, когда все еще спали, Делинь проснулась. Сердце ее сильно стучало, она была напугана видением. Она воскликнула: "Нам нужно взять Библии и немедленно бежать! "

Я успокоил ее и попросил рассказать о сновидении. Делинь сказала: "На улице было ветрено и холодно, и мне было страшно одиноко. Я ехала на велосипеде по грязной дороге. На багажнике были две тяжелые сумки с твоими любимыми духовными книгами и я не могла подняться на гору.

Я старалась изо всех сил, но ничего не получалось. Тут, выбившись из сил и почти падая, я выехала на какую-то дорожку. Положив сумки с книгами на обочину, я присела отдохнуть. Юн, Господь вразумил меня: если ты Его не слушаешь, то тебя отведут туда, куда тебе не хочется. Бог предупреждает нас. Давай уйдем, пока темно, и скроемся от тех, кто замышляет против нас зло!"

И вот что я сказал тогда своей жене: "Послушай, скоро уборка урожая. Давай подождем несколько дней и отправимся позже ".

Считая эти доводы разумными, я убеждал Делинь согласиться со мной, но она сказала: "Если ты не слушаешься меня, тебе не миновать беды. Ты ожесточился сердцем и во что бы то ни стало хочешь быть героем. Ты больше не слушаешь советов близких. Тебе надо покаяться в этом и просить Бога очистить твое сердце".

Святой Дух тоже обратился ко мне через Евангелие от Матфея, 2:13: "Встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги". Он велел мне бежать немедленно, но я не внял Его предостережениям.

Напрасно я тратил свои силы многие месяцы: сгорал физически, эмоционально и духовно. Мое духовное зрение и слух притупились. Сердце мое, как сорной травой, заросло гордыней. Вместо того, чтобы повиноваться Божьему голосу, я надеялся на человеческий рассудок и собственную мудрость.

Мои сотрудники советовали мне не оставаться дома, но я пренебрег их советом. Я перестал служить Господу от чистого сердца. Это было причиной моего падения. **Я изнемог, исчерпал все силы и сердцем уклонился от истины.**

Служение мое стало моим идолом. Место любящего Бога заняло служение Ему. Я скрывал свое состояние от людей, молившихся за меня, и продолжал уповать на собственные силы, пока Бог по Своей великой милости и любви не вмешался в мою жизнь.

Я все еще поднимался ни свет ни заря, я все еще молился с главами домашних церквей, я все еще читал Библию каждый день, но я это делал из долга, по привычке, а не по велению сердца, жаждущего общаться с Иисусом.

Ранее в том же году на Всекитайском собрании народных представителей было принято постановление арестовать всех руководителей домашних церквей, отказавшихся присоединиться к движению "Патриотическая церковь трех благ". Был принят закон, на основании которого собрания, проводимые домашними церквями, признавались незаконными. Местные власти получили право преследовать нас в полном соответствии с действующим законом.

Через четыре дня после видения Делинь, переодетые кобовцы устроили засаду вокруг моего дома. Они связали и арестовали меня. Оказалось, что уже три-четыре дня они приходили за мной, но я уходил в собрание очень рано и возвращался очень поздно.

Итак, меня бросили за решетку во второй раз. Теперь уже по причине непослушания Богу и неуважения к моей жене и сотрудникам. Господь по Своей великой милости допустил мне, выдыхающемуся в служении, отдохнуть некоторое время в тюрьме и больше узнать о внутренней, духовной жизни.

Если ты, мой читатель, являешься служителем Божиим, то прими от меня кроткое наставление и, пожалуйста, наблюдай за собой, чтобы тебе не совершить ошибку, которую совершил я. Ибо Некто ревнует о нас ревностью Божией. Он наш возлюбленный. **И если служение Богу для нас важнее, чем личное общение с Ним, то мы непременно попадем в ловушку.** Если ты сгораешь в служении, то постой, остановись! Отдохни! Светильник твой нуждается в постоянном пополнении елеем, иначе твой свет потухнет. Вспомни: "оставаясь на месте и в покое, вы спаслись бы; в тишине и уповании крепость ваша; но вы не хотели и потому Господь медлит, чтобы помиловать вас, и потому еще удерживается, чтобы сжалиться над вами; ибо Господь есть Бог правды: блаженны все уповающие на Него!" (Ис. 30:15,18).

На суде меня осудили за "серьезное нарушение общественного порядка". Судья предупредил меня: "Сегодня мы посылаем тебя в Дааньский тюремно-трудовой лагерь. О тебе говорят, что ты способен перевернуть мир вверх дном. Мы знаем, что ты повсюду проповедуешь христианское вероучение и за несколько дней можешь убедить чуть ли не каждого последовать твоему учению.

Если ты начнешь заниматься этим в Дааньском тюремно-трудовом лагере, то нам придется преподать тебе урок, который ты запомнишь на всю оставшуюся жизнь".

Меня, как и брата во Христе Чуаня, моего сотрудника, приговорили тогда к трем годам лишения свободы с отбыванием срока в тюремно-трудовом лагере. На нас надели наручники и посадили в камеру с уголовниками. Через несколько времени нас отправили в пересылочную тюрьму, где продержали несколько месяцев, и после чего уже официально перевели в тюремно-трудовой лагерь.

Я осознал свой грех. Я понял, что в этом положении оказался по причине своей гордыни. После прибытия в пересылочную тюрьму я раскаялся в слезах и вручил себя Божьей благодати и милости. И Господь простил меня, умножив во мне веру.

Как только я вошел в тюрьму, Дух Святой положил мне на сердце следующие слова из Писания: "И кто вам сделает зло, если вы будете ревнителями доброго? Но если и страдаете за правду, то вы блаженны; а страха их не бойтесь и не смущайтесь. Господа Бога святите в сердцах ваших; будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением. Имейте добрую совесть, дабы тем, за что злословят вас, как злодеев, были постыжены порицающие ваше доброе житие во Христе" (1 Петра 3 : 13-16).

Как принято в тюремном мире, всех вновь прибывших заключенных (по крайней мере в первые несколько дней) встречают серьезными побоями и пытками. Особенно это относится к рецидивистам. Причем этим занимается большей частью не охрана, а старосты камер. Эти звери в человеческом облики проявляют свою власть, чтобы дать понять вновь прибывшим, кто здесь хозяин. Надзиратели остаются в стороне и ничего не делают, чтобы прекратить это безобразие.

Зная об этих тюремных нравах, я приготовился к побоям, но, как оказалось, один из полицейских, узнав, что должны доставить какого-то христианского пастора, решил избавить меня от подобной "встречи". Он подошел ко мне и спросил: "Ты действительно веришь в Иисуса?"

Я ответил: "Да! Вы тоже веруете в Него?"

" Все мои родные веруют, но я нет " - ответил этот человек.

" О, вы глава семейства. Почему же сами не уверовали в Него?"

Он улыбнулся, но отвечать не стал: "Поговорим с тобой об этом в другой раз. Но теперь скажи, чем я могу тебе помочь?"

Сердце мое наполнилось благодарностью к Богу. Я сказал этому доброму человеку: "Если можно, пожалуйста, немного освободите наручники. Они впились мне в запястья".

Тогда он спросил: "Может быть, вы хотите что-нибудь передать своей семье? Я желал бы помочь вам". Слава Богу, благодаря содействию этого доброго человека, не прошло и двух дней, как моим родным и некоторым сотрудникам разрешили свидание со мной. Я поблагодарил Господа. В этот раз меня приняли в тюрьме лучше, чем в 1984 году!

В октябре 1991 года, через пять месяцев после моего ареста, местное отделение КОБ направило спецгруппу вооруженных охранников, чтобы перевести меня и ряд других заключенных из пересылочной тюрьмы в Дааньский тюремно-трудовой лагерь, расположенный в уезде Рюань, на северо-западе Хэнаня.

Когда мы прибыли, главный охранник сказал: "Вот вам великий смутьян, главарь контрреволюционеров именем Юн". Тюремные надзиратели окружили меня и стали расспрашивать: "Тебе известен Су Юн-дзе, главарь контрреволюционной банды? Тебе знаком пастор по имени Верный Хэн?"

Я ответил: "Эти люди веруют в Иисуса!"

Полицейские принесли мое дело: "Не пытайся нас провести. Мы знаем, что ты заодно с этими преступниками".

Первые дни в трудовом лагере мне не разрешалось говорить ни с кем и никому не разрешалось говорить со мной. Заключенные приняли меня за злодея, убийцу или насильника. Меня сильно избивали.

Люди в этом месте особенно нуждались в благовестии. В лагере было много больных и голодных. Некоторые были настолько слабы, что лежали весь день в ожидании смерти.

В первые месяцы за мной был установлен строгий надзор, но я не заводил разговоров ни на какие политические темы. Господь помогал мне смотреть на этих людей с Его состраданием. Я молился о больных и благовествовал моим сокамерникам всякий раз, когда выпадал случай.

Охране показалось, что я квалифицированный массажист, поскольку, беседуя с больными заключенными, я делал им массаж. При этом я осторожно благовествовал больным и молился за них. Благодаря этому методу, многие со слезами на глазах, всем сердцем принимали Господа Иисуса и исцелялись от болезней. Вскоре уже все заключенные и охранники знали, что я верю в Иисуса и что Иисус силен спасти и исцелить каждого.

Однажды я благовествовал группе осужденных. Сердце мое было наполнено Господней радостью. Несколько охранников переговаривались между собой: "Взгляни-ка, этот веселится больше нас, хотя мы-то на свободе, а он в зоне. Давай попросим, пусть споет". Я запел свой любимый гимн: "Пусть знает мир, что я спасен Иисусом".

Осужденные возвращались в камеры и учили других заключенных петь песни, которым научились от меня, и передавали им слова, которые слышали от меня. Эти люди, доведенные до отчаяния тяжелой жизнью и безысходностью, жадно стремились к духовному свету. Они понимали, что у них нет другого основания и радости, и тянулись к Слову Божьему, как к драгоценной жемчужине.

Однажды у начальника тюремно-трудового лагеря случился шейный прострел и он попросил меня сделать массаж спины. Я разговорился с ним и он вскоре понял, что я не был тем, кем меня представляли материалы судебного дела. Он сказал мне: "Вы поступаете не так, как нас предупреждали в КОБ. Мы внимательно следим за вами уже много месяцев. У всех охранников и осужденных сложилось о вас хорошее мнение, поэтому мы решили назначить вас старостой камеры. Теперь вы будете отвечать за морально-нравственное и трудовое воспитание осужденных".

Отношение тюремного начальства ко мне изменилось в лучшую сторону. Меня перевели на работу в администрацию тюремно-трудового лагеря. В мои обязанности входила организация учебной подготовки осужденных, подбор и трансляция по лагерному радио музыкальных программ. Я стал тюремным библиотекарем и даже помогал редактировать сообщения, которые

из тюремно-трудового лагеря посылали в правительство провинции с докладом о переменах жизни осужденных к лучшему.

Как вы помните, я не закончил и средней школы. Из-за болезни отца я оставался дома и работал, но теперь Господь выдвинул меня. В лагере я работал в отделе управления, отделе образования и отделе санитарной профилактики тюремной администрации! Хотя среди заключенных встречались люди с университетским образованием, Господь в знак благоволения Своего поставил на эти места именно меня.

Оба мои срока, пусть во многом различные, полностью отвечали замыслу Бога в отношении моей жизни. В целом жизненный опыт, обретенный мною за решеткой, оказался столь необходимой для моей души "библейской семинарией".

Я больше узнал о характере Бога, и Он научил меня, как быть для Него живым свидетелем. Будучи в тюрьме второй раз, не могу пожаловаться на то, что меня преследовали и пытали так, как во время моего первого заключения.

Первые четыре года, проведенные в тюрьме, напоминали мне историю брошенного за решетку, оклеветанного и гонимого Иосифа. Но мой второй срок тоже напоминал историю Иосифа, когда Бог возвеличил его и он оказался в положении второго после фараона человека во всем царстве. Я познал истинный смысл следующего места Писания: "Ибо не от востока и не от запада и не от пустыни возвышение, но Бог есть судия : одного унижает, а другого возносит".

И все же, позвольте мне пояснить, я не был свободен делать все, что хотел! Моим сотрудникам не давали свидания со мной. Посещать тюремно-трудовой лагерь разрешалось только по специально оформленным властями документам. На многих из моих единоверцев в то время кобовцы установили слежку, и они не могли рисковать, оформляя разрешение на свидание со мной.

Из внешнего мира до меня доходили только обрывочные сведения, да и то немного. Мне не разрешалось ни посылать письма, ни получать. Несмотря на эти ограничения, чтобы поддержать меня, Господь творил многие чудеса!

Снаружи к стене, окружавшей тюрьму, прилепился длинный ряд торговых киосков. Их крошечные окошки, пробитые в стене, открывались на стороне лагеря, и давали возможность экам приобретать продовольствие и разную мелочь.

Однажды в каком-то из киосков я обратил внимание на книгу за спиной продавщицы под названием "Сборник духовных гимнов и песен". Я спросил женщину: "А нельзя ли мне полистать эту книгу?" Но она резко ответила: "Это моя книга. Тебе она не нужна. Это не твое дело ". И тут же спрятала ее под прилавок.

Эта женщина посещала одну из патристических церквей трех благ. Она считала всех заключенных бандитами: она и мысли не допускала, что этот песенник кого-то заинтересует в лагере.

Тут я сказал ей: "Мне кажется, ваша книга есть ничто иное как сборник гимнов. Мне хотелось бы полистать ее, ведь там имеется много песен, которые я пою".

На это продавщица только усмехнулась: "Здесь в лагере нет ни одного верующего. Ну, споешь ты, и что толку?"

Я заверил ее: "Тетушка! Я настоящий христианин, и нахожусь в этой тюрьме за проповедь Евангелия. Пожалуйста, разрешите, я спою для вас песню из этой книги. Ну, пожалуйста!"

Ей стало стыдно за грубость в разговоре со мной. Она открыла книгу на одном из гимнов, который мне был знаком. Весь в слезах, я запел :

Взгляните! Сын Божий, распятый за нас,

Прибит ко Кресту на Голгофе...

Он спас нас! Отныне вовеки хвалите Его,

Хвалите Его, хвалите!

Взгляните! Сын Божий, распятый за нас,

Прибит ко Кресту на Голгофе...

Превыше друзей и семьи та любовь;

Примите ее, примите!

Пожилая сестра плакала от радости. Она протянула мне руку из окошка, и мы обменялись крепким рукопожатием. Потом она сказала: "Да утешит Господь твое сердце! Возьми эту книгу и береги".

Когда я через два дня подошел к окошечку ее лавки, она сказала мне, что явившись домой услышала Господни слова: "Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне". (Мтф. 25 : 40)

Не зная, как угодить мне, она приготовила несколько блюд и попросила другую сестру тайно передать мне восхитительное кушанье, и благословить ее. Она попросила иногда подходить к ее окошку, чтобы поделиться с ней и друзьями Словом Божиим. Постепенно их общение с Господом становилось более глубоким.

Эта дорогая сестра вызвалась помочь мне в тайной переписке с родными и сотрудниками.

Бог употребил эту сестру, чтобы утешить меня еще большими благословениями через крошечное окошко в стене.

Горькое свидание с родными.

Однажды, будучи в радиорубке тюремно-трудового лагеря, я включил по репродуктору евангельские гимны.

Вдруг из внутреннего двора послышался чей-то голос - кто-то звал меня по имени. Оказалось, что меня искал начальник политической подготовки и главный врач медсанчасти лагеря. Тут я подумал, что сейчас посыплются шишки за то, что я включил христианскую музыку. Мне велели спуститься, и я кубарем скатился с лестницы.

Между тем вот что говорил начальник политической подготовки женщине - доктору: "Юн - хороший человек. Он всегда слушается меня. Вы только взгляните, как он несется сюда со всех ног".

"Гражданин начальник, я вас слушаю", - обратился я к нему.

"Разрешите представить вас главному врачу больницы. Ей нужна ваша помощь ", - ответил он. Женщина сказала мне: "От других заключенных и охраны мне стало известно, что вы замечательный массажист. Скажите, где вы этому научились".

Когда до меня дошло, что ругать меня за трансляцию христианской музыки они не собирались, я успокоился и ответил: "Я нигде не учился массажу. Как верующий христианин, я просто помогаю облегчить боль".

И тогда женщина излила мне свою душу: "Из-за гипертонической болезни у моего отца произошел паралич. У него отнялась половина тела. Мы возили его по разным городам и показывали многим врачам. Чтобы облегчить его боли, один специалист назначил ему длительный массаж. До меня дошел слух, что вас ценят как массажиста. Я попросила вашего начальника разрешить вам на время оставить лагерь, и провести моему отцу сеанс массажа на дому. Не могли бы вы помочь нам в этом? Пока вы будете у нас, можете питаться с нами, как свой. Если отец поправится, я обещаю вам похлопотать о вашем досрочном освобождении, и вы сможете поскорее вернуться в семью".

Не успела эта женщина закончить, как Дух Святой сказал мне: "Тебе нужно идти. Прославь имя Мое". И я тотчас ответил этой женщине: "Конечно, я согласен. Кроме того, даю вам слово, что никуда не сбегу. Об этом не волнуйтесь".

Я побежал к себе в барак и рассказал обо всем брату Чуаню. Он помолился за меня и сказал: "Слава Богу! Благодати Господней довольно для тебя".

Когда я вернулся к женщине, она отвела меня в дом родителей. Этот дом был - полная чаша. Женщина предложила мне сесть в мягкое кресло и отведать свежих фруктов, на что я ответил: "Спасибо, но сейчас у меня пост за вашего отца. Надеюсь вы не станете возражать. Я молюсь о том, чтобы он получил от Господа великое благословение".

Услышав мои слова, мать этой женщины растрогалась до слез.

Доктор должна была вернуться на работу в лагерь. Наклонившись к ней, я уверил: "Идите с миром. Я не убегу. Мне нужно время, чтобы познакомиться с вашим отцом, потом я примусь за массаж".

Я рассказал дорогому старцу, как Иисус вознес на крест его грех и болезнь. И убеждал его такими словами: "Теперь вы должны открыть свои уста, чтобы пригласить Иисуса Христа войти в ваше сердце. Доверьтесь Ему и найдете исцеление. Я убеждал его не тянуть с принятием решения: "Ибо сказано: во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе. Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения" (Кор.6 :2).

Возложив руки на этого человека и его супругу, я утешил их словами радости и надежды. Со слезами на глазах они исповедовались Богу в своих грехах, и просили Иисуса стать господином их жизни. Хотя больной не чувствовал в тот миг никакого облегчения, я понял, что Бог уже завладел его сердцем и вскоре исцелит его тело.

Когда я вернулся в тюремный лагерь, было уже темно. Я рассказал обо всем брату Чуаню, и мы снова помолились вместе.

После моего ухода доктор вернулась домой с работы и услышала такие слова от отца: "Тот, кого ты сегодня привела к нам, доктор Юн, очень хороший человек. Он действительно любит Господа. Завтра пригласи его к нам с утра".

Родители этой женщины так и не поняли, что я был арестант. Они думали, что к ним приходил доктор из больницы!

На следующий день перед рассветом старец внезапно почувствовал удар по шее и по спине. После этого, ему впервые за многие месяцы удалось без особых усилий пошевелить головой. Он воскликнул: "Я почувствовал себя так, словно порвались веревки, которыми я был связан!" Он встал на ноги, причем движения в позвоночнике были свободными. Жена этого человека от радости запрыгала по комнате. Собралась вся семья, и они вместе благодарили Бога за проявленную к ним милость.

Когда утром того же дня доктор пришла на работу, то рассказала мне обо всем, что случилось, и передала приглашение на завтрак: ее отец хотел засвидетельствовать мне, что сотворил для него Бог.

Здоровье старца поправлялось и вскоре он уже ходил по лестнице. Каким чудом это должно казаться человеку, прикованному к постели болезнью!

Он говорил об этом всем своим старым друзьям и искал прощения у людей, которых обидел в прошлом.

Благая весть распространялась в то время как в тюрьме, так и за ее пределами. Мы пользовались всякой возможностью приводить людей к Иисусу. Постепенно с братом Чуанем мы сделали пастырями тюремно-трудового лагеря.

Старец, исцеленный Господом от паралича, смело свидетельствовал о Христе и это вскоре дошло до секретаря политбюро тюремно-трудового лагеря. Когда доктор сообщила ему о том, что случилось, он сказал: "Ну, если это на самом деле так, тогда мы должны послать Юна в Лоян на курсы массажистов. Вернувшись, он поможет многим людям".

Поскольку своих средств у меня не было, тюремная администрация взялась оплатить все расходы на мое обучение! Моя учеба продолжалась три дня. Утром в полицейской машине меня отвозили в Лоян за семьдесят километров от лагеря. Охранникам поручалось строго следить за мной, чтобы

я не сбежал. Мне удалось узнать от врачей все, что можно о массаже. В конце каждого дня меня привозили назад с кипой книг для самоподготовки.

Вскоре меня перевели на работу в медсанчасть под началом главного врача. Я делал массаж сотням людей, и каждый раз свидетельствовал о Христе, в том числе даже некоторым высокопоставленным лицам местной организации КПК!

Многие из моих пациентов приглашали меня домой, чтобы я свидетельствовал их родным и друзьям. Погибающие жаждали познать Иисуса.

Когда я оказался в узах в первый раз, Делинь носила под сердцем сына. Когда меня лишили свободы во второй раз, моей маленькой дочери Юйлинь было всего восемь месяцев.

Однажды в марте 1992 года жена с детьми посетила меня в лагере.

Они приехали уже под вечер. Увидев меня, Исаак закричал и прижался всем телом к металлической решетке, пытаясь обнять меня. Охранники оттолкнули его, Исаак заплакал и нервно закричал: "Мамочка, почему этот человек не дает мне встретиться с папой?"

В голове моей помутилось, и я не смог сдержать рыданий. Всякий раз, когда мои родные приезжали ко мне на свидание, охранники издевались над ними и обижали их. Позже Делинь призналась: "Если бы не любовь Христа, я бы ни за что не приблизилась к этим воротам!"

Ни разу свидание с родными не длилось более получаса. Мы должны были сказать друг другу многое, но свидания проходили на глазах охраны, а в этих условиях, понятно, не разговоришься.

Временами мне даже не верилось, что мы с Делинь были мужем и женой. Из-за служения мы были разделены друг с другом. Когда же время побыть вместе, причем очень короткое, выдавалось, мы постоянно по той или иной причине находились в нервном напряжении. На нежные слова и проявление сердечных чувств у нас никогда не хватало времени. Мы только обменивались сообщениями о церкви.

Во время одного свидания дети подбежали ко мне прежде, чем охранникам удалось их остановить. Я обнял их, прижал к себе. "Папа, мы любим тебя", - были их первые слова. Я ответил им, что тоже очень люблю их.

Подбежавший охранник вырвал детей из моих рук и сказал: "Юн, если бы ты действительно любил своих детей, то не попадал бы в тюрьму". Исаак, приезжая на свидание ко мне, каждый раз был одет в одну и ту же одежду. В этой одежде он был и в момент моего ареста. Он быстро подрастал, но вынужден был носить всю ту же рубашку и брюки. Башмаки его давно сносились. Мои родные - Делинь, Исаак и Юйлинь - сильно похудели. Денег им явно не хватало, и видно было, что они держались из последних сил.

Я спросил Исаака: "Ты скучаешь без папы?"

"Мама говорит, что у нас нет денег, чтобы приехать к тебе, и нет денег, чтобы купить новую одежду и обувь. Но мы всегда молимся о тебе дома", - ответил он.

Я пытался расспросить Исаака о школе, но он только молча опускал голову.

Наконец, он вытер слезы и сказал: "Папа, я хочу в школу, но тебя нет с нами. Учительница не любит меня. Она говорит другим детям: "Глупый Исаак и его родные веруют в Иисуса". Одноклассники дразнят меня: "Твой папа - преступник, так ему и надо - пусть сидит в тюрьме".

Эти слова ранили мое сердце, и я не знал, что сказать сыну. Я пытался принять бодрый вид и сказал Исааку: "Дитя мое, твой отец посвятил себя Господу, когда тебя еще не было на свете. Пока ты молод, пожалуйста, изучай Библию и чаще молись, чтобы лучше послужить Господу в будущем. Мы должны радоваться, когда преследуют нас и говорят о нас плохое, - это же за Христа, сынок".

Видя беззащитность моей жены и детей и пытаюсь утешить своих родных, я не мог сдержаться сам. Я встал на колени, закрыл лицо руками и зарыдал.

Я перенес в жизни много пыток и мучений. Надо мной издевались, засунув в рот шейкер. Меня пинали и били до такой степени, что мне хотелось умереть. Я был в посте, без пищи и воды, семьдесят четыре дня. Но говорю тебе от всего сердца, мой читатель, что тяжелее всего пережитого было видеть состояние моих родных, приходивших ко мне на свидание в то время. Они жили впроголодь, одевались в лохмотья и, как видно, невыносимо страдали. Делинь делала вид, что все в порядке, но я чувствовал, что она переживает глубокое отчаяние.

Отцовские чувства побуждали меня быть хорошим отцом для дорогих детей и добрым мужем для любимой жены. Но что я мог сделать, кроме как молиться о них. Я часто винил себя и мне было стыдно, что не могу быть таким отцом и мужем в своей семье, каким должен.

Ничто из всего, что я перенес в жизни, не вызывало у меня таких страданий, как эти свидания с семьей.

И до сего дня я не имею ни дома, ни имущества, которые я мог бы оставить в наследство детям, зато они любят Господа Иисуса и наделены сердцем, которое сострадает ближним.

Однажды, во время моего заключения, у нас дома побывал глава одной церкви. Он спросил моего сына: "Исаак, кто тебя любит больше всего?" Малыш ответил так: "Больше всего меня любит мой Небесный Отец. Больше всех нас любит Иисус".

Когда я услышал об этом, я был очень тронут.

Будучи в заключении, я пообещал Господу, что не дам семьям других китайских узников переносить подобные лишения. С тех пор я делаю все, что в моих силах, чтобы организовать поддержку семей узников.

Кто-то спросит: "Почему бы эту заботу не взять на себя христианам поместных церквей?"

Все правильно, они и занимаются этим по возможности. Однако бывает, что этим заниматься просто некому. Например, на юге Хэнаня в одном селе в тысячу человек за день арестовали три сотни христиан. Беда не обошла ни одной крестьянской семьи. Семьи в один день лишились кормильцев. В подобно ситуации помощи ждать было неоткуда, так как пострадала вся община в целом.

Многие молятся о христианах, томящихся в узах, хотя их семьи страдают больше. **Обычно власти конфискуют все ценное в доме узника, унося не только одежду и мебель, но и горшки с кастрюлями. Иногда уводят скотину и не оставляют даже семенной хлеб.**

Однажды власти конфисковали у нас личные вещи, включая драгоценные фотографии моего отца. На сей день все, что у меня осталось от отца, хранится в моей памяти.

Тысячи верующих христиан в Китае дорого заплатили за свою веру. Хочу поделиться одним примером.

Семья сестры Юэнь Миньень была одной из самых богатых в Шанхае. Она была уже вдовой с детьми (сын 11 лет и дочь девяти лет), когда в 1967 году попала за решетку. Когда она провела в тюрьме год, кобовцы решили проявить к ней "сострадание". Главный надзиратель обратился к

ней со словами: "За прошедший год ты показала хорошее поведение, и теперь мы хотим поощрить тебя. Все, что ты должна сделать, это составить письменное признание в своих преступлениях. Сделай это и мы отпустим тебя на свободу, ты вернешься домой и позаботишься о детях. Разве твоему Богу не угодно, чтобы ты заботилась о своих детях?"

Тюремное начальство организовало ей свидание с детьми. Когда сестра Юэнь увидела их, то слезы хлынули у нее из глаз.

Тогда начальствующий спросил: "Чего ты хочешь больше - быть с Иисусом или с детьми? Если тебе удобны твои дети - пойдешь домой". Выдав ей ручку и лист бумаги, они предложили ей сделать выбор.

Когда они прочли написанное этой женщиной, то поразились ее заявлению. Она написала крупными иероглифами: "Иисус незаменим. Даже дети не могут заменить мне Иисуса". Тем самым сестра Юэнь заявила о своем желании остаться в тюрьме. И тогда начальник воскликнул: "Послушайте, дети! Ваша мать отрекается от вас! Она вас не любит!"

Сестре Юэнь продлили срок заключения еще на 23 года.

К моменту освобождения в 1981 году сестры Юэнь сыну ее исполнилось уже тридцать четыре года и он занимал правительственный пост в Тибетском автономном районе. За все прошедшие годы сестра Юэнь не имела ни одного свидания с детьми. За 23 года ни одного свидания! Сыну, который воспитывался в государственных безбожных школах, говорили, что его мать отрекается от него. Многие верующие христиане приходили к нему благовествовать, но он твердил только одно: "Ваш Иисус отобрал у меня мать, а я должен уверовать в Него?"

Сестра Юэнь добралась до Тибетского автономного района, чтобы отыскать своего сына. Но он отрекся от нее со словами, что у него нет матери, и выгнал ее из дома.

Она больше никогда не видела своего сына.

Путь следования за Иисусом Христом нелегок. Это путь страданий и борьбы. Но могут ли наши страдания сравниться с муками Христа, которые Он претерпел ради нас на кресте.

Я бы хотел оспорить столь распространенное в наше время учение о "процветании", которое учит: если мы следуем за Христом, то безопасность и удобства нам гарантированы. Это учение находится в полном противоречии со Священным Писанием и с нашим опытом в Китае. За проповедь Евангелия я несколько лет провел в узах и около 30 раз был арестован.

Следовать за Богом значит не только жить для Него, но и умереть за Него. "А живем ли - для Господа живем; умираем ли - для Господа умираем: и потому, живем ли или умираем: всегда Господни" (Римл. 14 :8).

Делинь.

Быть служителем Божиим в Китае - значит терпеть множество трудностей. Одна из таких трудностей для нас состояла в том, что мы очень мало времени бывали с мужем вместе.

Когда Юн попал за решетку во второй раз, я действительно выбивалась из сил. Я даже обижалась на него, когда он рассказывал замечательные истории о том, как Бог благословлял его и употреблял для спасения погибающих душ. Его даже выпускали из тюрьмы, когда ему хотелось того!

Я была привязана к дому, воспитывая двоих детей без мужа. Мы едва не умерли с голоду. Исааку запретили посещать школу. Денег у нас вообще не было. Трудности были непосильными, и я почти отчаялась.

Однажды в нашем доме появилось несколько чиновников. Они объявили нас с мужем врагами семейной политики государства "Одна семья - один ребенок". Мне приказали явиться в местный полицейский участок. Я оставила детей дома под надзором близких.

Меня допросили и за то, что мы родили второго ребенка, на нас было наложено взыскание в 4000 юаней. Поскольку никакой возможности внести штраф у нас не было, кобовцы в порядке карательной акции сломали наружную дверь нашего дома. Кроме того, они увели с собой мать Юна и посадили под замок, лишив еды. По китайским законам за преступника отвечает вся семья. Чтобы у меня больше не было детей, я была направлена управлением планового контроля рождаемости на операцию насильственной стерилизации.

Вернувшись домой после операции, я тяжело переживала. Казалось, что надо мной просто надругались как в физическом, эмоциональном, так и в духовном смысле. Я была подавлена и постоянно плакала.

Будучи на свободе, Юн все время проповедовал и путешествовал, нередко с братом Су Юн-цзе. Оба были без гроша в кармане. Однажды Юн, вернувшись домой, дал мне пять юаней (около 70 американских центов). Это все, что он имел тогда.

Но не подумайте о нем плохо: мой муж никогда не был жадным. Это самый щедрый человек из тех, которых я встречала. Он не мог обеспечить нас, поскольку никогда не имел денег.

Иногда из-за его бескорыстной щедрости мне приходилось очень туго. Так, у меня было два маленьких золотых крестика - подарки на память. Эти крестики были дороги мне. И вот однажды они пропали. Уже потом выяснилось, что Юн отдал их одному верующему. Все земное он почитает за сор. Он может раздать все, чтобы другим было хорошо. Временами моему сердцу трудно биться в унисон с его добрым сердцем.

Больше всего меня восхищает в муже его тесное общение с Богом и любовь к ближним. Он находит в человеке что-то хорошее даже тогда, когда никто уже больше не верит в него.

Божья "МАСЛОЗАПРАВКА".

Я находился в Дааньском тюремно-трудовом лагере еще девятнадцать месяцев сверх пяти, проведенных после ареста в пересыльной тюрьме. Меня приговорили к трем годам, но так как у меня не было никаких нарушений, через два года освободили досрочно. Эти два года просто промчались.

Делинь о моем освобождении была предупреждена. Она сразу же приехала за мной в Дааньский лагерь. Когда все процедуры были закончены и мы уже собирались покинуть канцелярию, раздался телефонный звонок. Меня вызывали к председателю политбюро лагеря.

Мы были удивлены и задавались тревожным вопросом - что бы это значило. Я подумал, что в церкви что-то случилось и теперь я попал в еще большую беду. Я велел Делинь отправляться одной, и немедленно. С вещами, и в том числе с заметками, которые я вел последние два года во время молитвенных часов.

Войдя в кабинет председателя политбюро, я увидел несколько офицеров КОБ высшего ранга. Меня ожидали и попросили сесть. Председатель политбюро сказал: "Юн, на днях я был в провинциальном бюро партии, и меня конкретно расспрашивали о тебе. Им хотелось знать, изменилось ли твое поведение в целом. Я сказал, что последние два года ты вел себя очень хорошо, и стал образцовым заключенным. Этим известием они остались очень довольны". Я ответил ему: "Хочу поблагодарить вас и тюремную администрацию за ту заботу, которую вы проявили ко мне за эти два года".

Караульный вручил мне справку об освобождении со словами: "Итак, Юн, теперь ты свободен, иди".

Я вышел из тюрьмы **двадцать пятого мая 1993 года**. Делинь все еще дожидалась меня у тюремных ворот. Добираясь домой в автобусе, мы всю дорогу благодарили и славил Бога за Его милость к нам.

Прибыв домой, мы первым делом поблагодарили Бога за мамушку. Я знал, как она переживала обо мне и сколько вынесла горя за годы моих страданий. Она непрестанно молилась обо мне каждый день. Мы спели вместе, а потом помолились с любимой женой.

Дети крепко спали и мы не стали будить их. Я вошел в детскую полюбоваться их прекрасными лицами. Я был счастлив, что теперь могу держать их на коленях и ласкать уже не через решетку на виду у охраны, вслушивающейся в каждое слово.

На полях наступала жатва, но нам хотелось пожинать несравненно величайшую жатву, вечную жатву для Господа - урожай человеческих душ. Успокоенные и радостные мы отправились отдыхать.

На следующий день перед нами стояла новая цель. Господь повелел нам с Делинь оставить привычные дела, подняться в гору возле нашего села и молиться о Божьем водительстве в нашей жизни.

Делинь считала, что для китайской Церкви необходима подготовка молодых руководителей. Здесь я был согласен с ней. Но я знал, что мне предстоит много работы. Не прошло и нескольких дней после моего освобождения из тюрьмы, как главы домашних церквей уже запланировали

множество встреч со мной. Один брат пригласил меня отправиться с ним в поездку по разным провинциям, чтобы наставлять и укреплять домашние церкви. Другой брат задумал организовать школу подготовки учеников и хотел, чтобы я помог ему в этом деле.

Однако урок, который я получил в прошлый раз, запомнился мне крепко. Оставив эти предложения, я хотел вместе с женой услышать Слово Божье для нас.

Через неделю поста и молитвы я вдруг услышал Духа Святого, сказавшего мне одно странное слово: "Маслозаправка". Когда вернется Господь, Его последователи должны иметь у себя достаточно света в светильниках. Он показал нам, что елей Святого Духа - величайшая нужда нашего века. Нам следовало наставлять сотрудников, являющих образ Христа всюду, куда бы Господь ни отправил их.

Господь Иисус открыл нам Свою волю. Во всем Китае имелось много пустых сосудов и мало тех, кто мог бы наполнять эти сосуды Божьим елеем. Бог не хотел, чтобы мы опять бежали в бесконечные дела. Он хотел, чтобы мы помогли возжигать светильники Божьим труженикам, чтобы они верно служили Церкви Христовой.

Мы встретились с главами наших церквей и старейшинами. Они молились, чтобы Господь дал мне указание для церкви.

Не успел я поделиться с церковным руководством своим видением о "Маслозаправке", как брат Фу сказал мне: "Я каждый день молюсь о Церкви по три-четыре часа, но все же я плохо разбираюсь в библейских истинах. Я не умею читать, и запомнил только несколько стихов из Писания. Мне известно много пасторов, чьи дети оставили первую любовь к Иисусу и вернулись в мир". Со слезами брат Фу продолжал: "Брат Юн, теперь ты вернулся. Можешь ли ты собрать нашу молодежь, чтобы научить ее следовать за Господом?"

Тут сестра Шэнь добавила следующее: "Когда последние два года вы с братом Чуанем находились в тюрьме, наша церковь лишилась всякого руководства и мы уподобились сиротам. Наши собрания посещали только несколько человек. Проповедники не знали, чему учить. Некоторые из наших братьев оставили служение и стали работать, чтобы заплатить штраф, наложенный на нас полицией".

Все плакали. И тут я понял, что Господь призывает нас приступить к программе "Маслозаправки". Без истинного ученичества свет Божий в нашей среде постепенно угасал.

Я встал и поделился Божьим видением о "Маслозаправке". Большинство наших сотрудников люди простые - из крестьян. Они ничего не поняли. После нескольких минут молчания брат Фу спросил: "Маслозаправка? Мы что, займемся торговлей? Да во всей нашей церкви не найдется ни гроша. На полях теперь жатва. Мы должны помогать нуждающимся семьям, сиротам и вдовам. Как же открыть маслозаправку? Ты можешь объяснить?"

Я рассмеялся и сказал всем: "Я хочу открыть маслозаправку, имея в виду елей Духа Святого!"

В конце концов они поняли.

После молитвы мы отобрали тридцать молодых верующих для двухмесячной подготовки по плану "Маслозаправки". Занятия проходили в пещере на вершине горы. До сих пор наша церковь испытывала великую силу Божью и видела чудеса - многие обращались к Богу. И теперь мы

впервые взяли за серьезную программу обучения, чтобы иметь возможность посылать на нивы Божьи новых сотрудников. Мы назвали нашу маслозаправку - "Учебный центр имени пророка Самуила".

За время обучения в центре каждый учащийся должен был прочесть весь Новый Завет, заучивая из него наизусть по главе в день. Через месяц от начала учебных занятий большинство учеников могли прочесть наизусть все Евангелие от Матфея.

Мы жили и питались в пещере. До этого между нами имелось множество расхождений по второстепенным вопросам, много недостойных отношений и зависти. Но теперь, когда мы привыкли друг к другу в "Маслозаправке", мы научились вместе молиться и искренне любить друг друга.

Восемьдесят процентов учащихся на первых порах не умели молиться вслух, но уже через несколько недель каждый мог молиться и ходатайствовать за погибающие души.

Мы просыпались в половине пятого утра и приводили себя в порядок. В пять утра мы уже начинали служение. Затем до восьми часов мы молились о всех сотрудниках на ниве Божьей. В восемь часов начинались занятия в первом классе. Мы питались два раза в день, в десять утра и пять вечера. Настряпню и разные хозяйственные работы устраивали перерыв. Вечером каждый занимался домашней работой.

Это было особое время. Каждый день был незабываемым, ведь Бог обильно благословлял нас.

Пятого января 1994 года была моя очередь молиться перед едой. Я обратил внимание на то, что порции были вполтину меньше обычного. Жена сообщила мне, что у нас нет ни лапши, ни овощей. Делинь с сестрой Анной предложили закончить учебу и распустить учеников по домам, пусть начинают применять полученные знания на деле.

Я никак не мог согласиться с этим. И предложил продолжать питаться от Божьего стола, несмотря на пустой желудок. Я сказал: "Если мы прекратим учебу только потому, что у нас закончились продукты, то эти воины окажутся без полного вооружения, когда вступят в сражение. Нам следует молиться с верой, ожидая Божьей помощи".

В тот вечер, когда большинство учащихся отправились на покой, несколько старших братьев и я встали на колени на полу пещеры для молитвы. Господь открыл нам, что прежде всего мы должны отправить работников на нивы Божьи в самые отдаленные и бедные провинции, где народ не слышал даже имени Иисуса.

Когда мы поделились своими мыслями с учениками, все согласилось с нашим решением, и посвятили себя на служение Господу. Вскоре после этого разговора к нам стали поступать письма из всех уголков нашей страны. Верующие из отдаленных районов Китая, таких как Гуйчжоу, Гуанси, Хунань, Тибет, Ганьсу и Циньхай умоляли нас прибыть к ним и помочь.

Молодых работников, исполненных силой свыше, ожидали в Китае словно маститых проповедников. Они стали отважными евангельскими воинами. 16 января старейшины нашей церкви возложили на них руки и отправили на нивы Божьи. Итак, они оставили наш учебный центр и рассеялись по всему Китаю.

Для поддержки новых тружеников на ниве Господней средств не было и это нас больше всего угнетало.

Вернувшись с "Маслозаправки", я получил заказное письмо от одного брата, который просил меня срочно связаться с ним. В нашем селе телефона ни у кого не было и мне пришлось отправиться в ближайший город. Я был потрясен, когда мне ответил брат из Америки! Он был очень рад тому, что наконец-то нашел меня!

По-китайски он говорил не очень хорошо, но я понял, что он хочет встретиться со мной. Мы назначили встречу в Чжэнчжоу на следующий день, но потом связь прервалась и мне не удалось связаться снова. На следующий день я обошел несколько гостиниц, но его нигде не было. Огорченный, я вернулся домой.

Позднее я знал, что он остановился в небольшой гостинице. Он думал, что разминул со мной и сокрушался весь день. Однако надежды на встречу не оставил и снова написал мне. Я еще раз совершил долгий путь в Чжэнчжоу и на этот раз мы встретились! После взаимных приветствий он сказал мне: "Господь положил мне на сердце встретиться с вами и передать эти средства для ваших миссионеров". С этими словами он вручил мне конверт с деньгами.

На этот раз я возвращался домой и сердце мое от радости готово было выскочить из груди. Когда я рассказал о случившемся, все радовались, что Господь позаботился о наших рабочих. Мы встали на колени и поблагодарили за Его помощь. Эти деньги вскоре иссякли, но сам по себе этот случай умножил в нас веру и доверие к Богу.

В то время Господь воздвиг много домашних церквей на юге Хэнаня и Аньхой. Группа Чжана Роняна разработала программу под названием "Месяц евангелизации". Между праздником Рождества Христова и лунным Новым Годом, в течение месяца каждый член церкви должен был привести к Господу не меньше пяти человек в течение того же периода.

При таких условиях Благая Весть распространялась в быстром темпе и домашние церкви необыкновенно умножались. После первого месяца евангелизации крестилось 13000 новообращенных! Новообращенные учились на "Маслозаправке", после чего уже сами участвовали в следующей программе "Месяц евангелизации". Спустя два года после начала этой инициативы мы подсчитали, что крестилось уже 123000 человек! На следующий год и в дальнейшем мы наблюдали еще большее умножение Церкви, и было "...хлеба весьма много, как песку морского, так что перестал и считать, ибо не стало счета" (Быт. 41:49).

Программа "Месяц евангелизации" продолжается и по сей день, содействуя невиданному умножению церквей по всему Китаю. Все больше и больше верующих желают пройти курс в "Учебном центре имени пророка Самуила", чтобы с новыми группами рабочих отправиться на нивы Божьи.

Многие рабочие, ранее окончившие курсы "Маслозаправки", возвращались в полную пещеру и свидетельствовали об удивительных делах Божьих, о Его помощи в служении. Эти свидетельства ободряли и утешали нас еще больше.

В то время мы с Делинь работали над объединением китайских домашних церквей для миссионерского служения. Мы изъездили Китай вдоль и поперек, побуждая домашние церкви посылать на труд евангелистов и миссионеров. Мы призывали открывать учебные центры повсеместно. Идея создания центра подготовки, наподобие "Маслозаправки", быстро

распространялось, поскольку все убеждались, каким умножением Царства Божьего оборачивается обучение евангельских тружеников. Вскоре на нивы Божьи стали отправлять сотнями.

Во время наших путешествий мы посетили в Гуаньчжоу одну сестру, у которой имелось для меня особое послание. Эта старица предупредила меня: "Юн, ты должен любить не только Бога, но с этого момента ты должен любить и не оставлять свою жену".

Это послание глубоко запало мне в душу. Я признался: "С того времени, как мы поженились, у меня не было возможности проводить с женой много времени. Около десяти лет я провел за решеткой или скрывался от полиции. С этого момента я изменю свое отношение и на первое место поставлю Бога, на второе - семью. Мы отправимся на нивы Божьи вместе и будем вместе возрастать в служении Господу".

Я видел, как со времени моего второго заключения мои семейно-брачные отношения подвергались суровым испытаниям. Господь предупредил меня, что, если я не расскаюсь и не изменю свои приоритеты, я потеряю семью. Я изменился и никогда не сожалел об этом, хотя многие главы других домашних церквей так и не стали на мою сторону. **Некоторые считают, что на втором месте после Бога должна стоять не семья, а служение Богу.** Я же поместил свою любовь к служению - на третье.

Однажды, вскоре после моего второго срока, я был приглашен на беседу с главами домашних церквей. Говоря о важности правильной расстановки приоритетов в служении, **я поставил семью выше служения.** Делясь своими соображениями от всего сердца, я видел, как блстели слезы на глазах многих слушателей. Как им нужна была такая проповедь! Когда я закончил, все аплодировали, не прекращая плакать. Я рассказал о своем опыте, а также о свидетельствах многих братьев и сестер в Китае, потерявших семьи лишь потому, что больше времени уделяли поездкам и проповеди, чем жене и детям.

Я учил, что **церковь не должна попадаться на уловку фараона, пытавшегося убедить Моисея и Аарона оставить женщин и детей и только мужчинам отправиться на поклонение Богу. (см. Исх. 10 :10-11).** Я побуждал руководителей церквей привлекать свои семьи к служению, и, по возможности, брать с собой жен и детей. Я так же указывал, что даже апостолы сталкивались с подобной проблемой, побуждая Павла задать риторический вопрос: "Или не имеем власти иметь спутницу сестру жену, как и прочие Апостолы, и братья Господни, и Кифа? " (1 Кор. 9:5)

Однако пастор церкви, пригласивший меня выступить на этом совещании, не был согласен со мной. Когда я закончил говорить, он в личной беседе осудил меня: "Юн, не могу поверить! Как ты мог воспользоваться случаем преподать подобное учение? Ты хочешь погубить руководителей наших церквей?"

Не приходится удивляться, что в семейно-брачных отношениях многих из числа тех руководителей был полнейший хаос. Многие выглядят "успешными" в своем служении, между тем как семьи их гибнут. Несмотря на силу, которую обрели домашние церкви в Китае, сфера семейно - брачных отношений служителей Божьих является одной из проблемных.

Затем нас пригласили в город Гуйлинь, расположенный в живописной долине реки Гуйцзян. После выступления перед главами домашних церквей, я был представлен одному брату из Скандинавии, который случайно оказался в то время в Гуйлине. Услышав о проблемах китайской церкви и наших

планах, он все время повторял: "Аминь! Аминь!" После этого он спросил нас: "Чем можно вам помочь?"

Я ответил: "Вы хотели бы помочь китайским домашним церквам и поделиться с нами своей верой. Но вам, человеку иной расы, нелегко приспособиться к нашей культуре. Но если у вас есть желание потрудиться в Китае, то вычислите издержки, и ничего не бойтесь; вы могли бы преподавать у нас в Хэнане. Кроме того, мы отчаянно нуждаемся в Библиях и другой духовной литературе. Библий у нас будет не хватать еще долго, так как церкви растут очень быстро".

Тогда мой новый друг спросил, сколько Библий может понадобиться. Не долго думая, я ответил: "Тридцати - сорока тысяч на первых порах будет достаточно".

"А как насчет 100 000 Библий, и прямо сейчас? Они есть у нас. Мы с сотрудниками уже думаем, как благополучно доставить их церквам в разные уголки Китая". Позже он сказал мне : " Господь послал нас помочь вам достичь единства домашних церквей. Мы приехали в Китай не для того, чтобы управлять вами или контролировать вас. Мы приехали не исполнять свои программы, и не возводить прекрасные церковные строения. Бог поставил перед китайскими домашними церквями определенные задачи и мы, повинувшись Ему, желаем по мере сил помочь вам совершить этот труд".

В то время я и не думал, что на многие годы Бог соединит меня в служении с этим скандинавским братом. Господь употребил его, чтобы он стал благословением для китайской домашней церкви и моей семьи.

Господь Иисус начинал спланировать китайских христиан в местах активной учебной подготовки, где необходимые знания для служения приобретали миллионы верующих. К нам приезжали многие верующие из-за рубежа, как китайцы, так и иностранцы. Они помогали нам готовить миссионеров и отправлять их на служение как воинов Господних. Некоторых из зарубежных христиан Господь побуждал восполнять нужды миссионеров. Мы очень ценили это, но всегда помнили, что помощь эта исходила от Бога. Мы старались не обращаться к человеку, когда испытывали те или иные нужды.

Путешествуя по Китаю, мы едва могли оплатить свои транспортные расходы. У нас не было денег на пропитание и другие насущные нужды, однако, Господь всегда находил достаточно средств для той или иной поездки по Китаю.

Старый, покосившийся дом, в котором жила наша семья, развалился. Мы носили истрепанную одежду, дети наши ходили в дырявых башмаках. Мы всегда считали, что лучшее из времени и средств нужно отдавать на подготовку миссионеров, чтобы они имели возможность отправиться в бедные и отдаленные районы страны. Все мы отдавали десятую часть своих доходов. Если мы имели десять уток, то отдавали Господу самую жирную утку и даже яйца, которые она снесла.

В тюрьме каждый заключенный получал два с половиной юаня (около 30 американских центов) в месяц, на которые покупал мелочь вроде туалетной бумаги или зубной пасты, однако, верующие давали десятину и от этих грошовых доходов. **Находясь в тюрьме, мы копили эти деньги, чтобы после освобождения принести Богу.**

Однажды, еще во времена "Маслозаправки", мы благословляли группу молодых миссионеров, которым предстояло потрудиться в провинции Сычуань. Брат Вэй спросил юношей и девушек: "У

вас нет никаких средств и вы отправляетесь далеко от дома. Что самое страшное может случиться с вами?"

Молодые миссионеры ответили в один голос: "Мы не боимся ни голода, ни побоев. Мы готовы умереть ради Евангелия! Мы боимся одного - жить без Бога. Пожалуйста, молитесь, чтобы Он был с нами каждый день и час".

Эти миссионеры много пострадали ради Евангелия. Чтобы прокормить себя, они много и непосильно работали. Они пасли свиней, другие готовили дрова на растопку, третьи таскали навоз. Их образ жизни сам по себе был сильным свидетельством, и многие, видевшие их, начинали верить в Иисуса.

Однако не все домашние церкви имели успех. Временами в наших церквях не все шло гладко, и не все радовались нашей "Маслозаправке". Однажды в связи с этим мы побывали в провинции Шаньдун.

Авторитарный руководитель здешней церкви организовал семидневный семинар. На шестой день, во время выступления брата Джона, некоторые из шаньдунских верующих принялись критиковать его проповедь. Они провоцировали брата Джона, ставя перед ним ряд сложных вопросов по поводу спорных стихов из книги Откровения. Брат Джон отвечал: "Простите, но Писание содержит множество сокрытых сокровищ. Даже великие богословы не уверены в отношении этих мест".

Один из старцев, пресвитер церкви, и еще два других воскликнули: "Вам, учителям из Хэнаня, следует прикусить язык! Вы еще молоды и неопытны. Вы ничего не знающие и незначущие. И как вы посмели учить нас, когда не понимаете даже эти места Писания!" Трое старцев, подхватив вещи, направились к выходу. Членам своей церкви они велели последовать их примеру. Я сразу же вышел за ними во внутренний двор и вслух помолился: "Господи, благодарю Тебя за моих благочестивых братьев. Пожалуйста, помоги им не сердиться на нас из-за нашего невежества в Писании".

Двое из рассерженных посмеялись надо мной и сказали: "Юн, веди своих солдат туда, откуда пришел. Сворачивай знамена, отправляйся в Хэнань".

Я знал, что подобное неустройство могло быть порождением только сатаны. Со слезами на глазах я умолял их вернуться в зал, чтобы вместе помолиться и понять волю Божию. Это тронуло их и они неторопливо вернулись на свои места. Я попросил всех встать на колени и молиться Господу. Я велел каждому из присутствующих покаяться в своих грехах. И вот тогда любовь Божья излилась на всех нас. Было много слез и много сокрушенных сердец. Выйдя вперед, исповедался во всех своих грехах и я, и многие последовали моему примеру.

Эти трое старцев вышли вперед и встали на колени перед всеми. Склонив головы, они сказали: "Брат Юн, прости нас ради Бога за наши грубые и оскорбительные слова". Все собрание, увидев как сокрушаются старейшины, на коленях в слезах молилось Богу. Потом старейшины просили нас остаться, чтобы проповедовать в разных местах провинции Шаньдун еще несколько дней.

Несмотря на то, что мы много разъезжали и были заняты служением, наша семейная жизнь испытывала проверку на прочность. В поездках по Китаю я встретил множество христианских семей, столкнувшихся с жуткими трудностями вследствие государственной политики "Одна семья - один ребенок".

Многих матерей-христианок государство заставляло прерывать беременность вторым ребенком. Некоторые во избежание беременности в будущем подвергались насильственной стерилизации. На семьи, имевшие двух и более детей, налагали крупные штрафы и лишали определенных государственных льгот, например, бесплатного образования и здравоохранения.

Когда мне приходилось слышать истории беременных женщин-христианок, сердце мое разрывалось. Они не знали, что им делать. Помолившись, я пришел к следующей мысли. Я должен говорить им: "Аборт ужасный грех, поэтому это не выход. Если вы все же согласитесь родить втайне, то я обещаю забрать этого ребенка и отдать на воспитание в христианскую семью".

Эту идею приняли в семьях, и вскоре я почувствовал себя как Авраам отец множества народов¹

С некоторыми усыновленными нами младенцами связаны просто ужасающие истории. Две незамужние христианки из провинции Сычуань решили помочь нам в служении. Когда они разъезжали по Хэнаню, банда злодеев похитила их и увела в гористую местность в двухстах километров от Чунцина.

Этих красивых девушек буквально посадили на цепь и больше года употребляли как сексуальных рабынь. Что с ними произошло, никто не знал. Но в конце концов им удалось бежать и вернуться домой, но пережитое сильно сокрушило их.

Я поехал в Сычуань навестить этих девушек. Одна из них перед побегом забеременела и родители предложили ей сделать аборт. Я упрашивал их не убивать дитя. Они были непреклонны, пока я не сказал: "Если ваша дочь родит, я возьму ответственность на себя".

Родилась девочка, которую я назвал Ян Му-ай - "Любовь Пастыря". Мы с Делинь заботились о ней, пока не нашли христианскую семью, согласившуюся воспитать ее.

Делинь.

Поскольку у нас с Юном было двое детей, местные органы власти преследовали нас и штрафовали. И вот однажды Юн сделал мне сюрприз - пришел домой с младенцем на руках! Он был в одном собрании, где глава церкви поделился своей бедой. У него было двое детей, а теперь его жена была беременна третьим.

Чиновники уже приходили к ним домой, и требовали от матери на основании закона "Одна семья - один ребенок" согласиться на аборт. В случае отказа ей грозило тюремное заключение, а родившемуся ребенку - умерщвление.

Когда Юн слушал об этом, его любвеобильное сердце истекало кровью. И вот что он сказал тому брату: "Что бы ни было, на аборт не соглашайтесь. Ибо написано, "Вот наследие от Господа: дети; награда от Него - плод чрева" (Пс. 126 : 3). Спрячь жену где-нибудь, а после родов ответственность за благополучие ребенка я возьму на себя".

С этих пор Юн начал приносить младенцев. Всего мы приняли десять - одиннадцать детей! Относительно этого числа я не уверена, потому что он не всех их приносил домой. Мне говорили, что детей, за которых Юн брал ответственность, было гораздо больше.

Некоторые из усыновленных были детьми пасторов, отбывающих срок или замученных в тюрьмах. Их семьи не могли нести непосильное бремя и воспитывать еще одно дитя. Как-то раз мы приняли ребенка одной молодой христианки, которую обманом завлекли в город, якобы на работу. Там ее изнасиловали и она забеременела.

Юн подыскивал для воспитания этих детей христианские семьи. Многие из них были настолько бедны, что нам приходилось поддерживать их материально. Хотя мы и сами были бедными, Юн не терял веру, что Бог позаботится о нас; и Он действительно всегда воздавал нам.

Вначале, когда мой муж впервые начал приносить домой этих младенцев, я сердилась! Я спрашивала его: "А как же я? Если ты так отчаянно хочешь детей, то отчего ты не поинтересуешься моим мнением?" Однако проходило какое-то время, я узнавала историю преступлений, творимых в отношении того или иного ребенка, и, в конце концов, научилась прощать и любить своего мужа.

Я стала больше понимать сострадательное сердце Бога. Пример милосердия моего мужа увлек многих: и в других церквях стали заботиться о сиротах и оставленных детях.

Путь к объединению.

В период обучения миссионеров в Китае, с 1992 по 1993 год, мы переживали время прекрасного и плодотворного общения с Господом. Когда Бог благословляет нас, сатана всегда приходит в действие, стараясь изо всех сил приостановить распространение Царства Божьего. **Сатана пытался погасить огонь Божий путем гонений и страданий, но Бог непрерывно наполнял наши светильники елеем, отчего пламя этого огня поднималось еще выше и становилось ярче!**

В начале 1994 года Бог открыл мне одну истину: чтобы явилась вся полнота силы Божьей, разрозненные сети домашних церквей в Китае нуждаются в объединении.

В 70-е годы XX века христианство в Китае было представлено только домашними церквями. Никаких сетей и организаций тогда не было - были только группы верующих, собиравшихся для служения и обучения Слову Божьему. Главы домашних церквей знали друг друга в лицо. Бог объединял их во время гонений. Находясь в узах, они учились дружить и доверять друг другу. После освобождения они могли сотрудничать, распространяя Благую Весть. На первых порах мы действительно были едины. **Страдания сокрушили все деноминационные перегородки внутри китайской церкви.**

Когда же в начале 80-х годов Китай стал открывать границы, многих западных христиан интересовало, какого рода помощь они могли бы оказать китайской церкви. Первым делом контрабандой из Гонконга они доставили для нас много Библий. Этот дар был не просто ценным, он был жизненно необходим!

В один день мы с группой руководителей домашних церквей отправились в поездку на юг, в город Гуанчжоу, получить Библии от западных друзей. После двух дней дружеского общения мы погрузили на поезд драгоценный дар и отправились домой. Мы были полны счастья и взаимной любви.

Но прошло несколько лет и те же миссионерские организации стали перемежать Библии другой литературой. В основном это были трактаты различных деноминаций, основанные на отдельных стихах Слова Божьего.

С этого, как мне кажется, и начались разногласия и расколы в домашних церквях.

В иностранных брошюрах говорилось, что нам следует служить Богу только так, а не иначе; что мы должны говорить языками, чтобы быть подлинно верующими; что мы можем спастись только тогда, когда будем креститься во имя Иисуса, а не во имя Отца, Сына и Святого Духа. Одни учили фанатической вере, другие выступали за или против роли женщин в жизни церкви.

Мы стали читать все эти брошюры и вскоре сбились с толку! Церкви начали делиться на партии, одни отстаивали одно, другие иное. Вместо того, чтобы проповедовать об Иисусе, мы стали выступать против других верующих, которые не придерживались наших взглядов.

Прошло еще какое-то время, и наши зарубежные друзья стали передавать нам кроме литературы многое другое. Они дарили деньги, фото- и видеокамеры и все остальное, что с их точки зрения должно было помочь нам служить Господу успешнее. Отчетливо помню, какое разделение среди руководителей домашних церквей это вызвало. У нас возникали недобрые мысли и завистливые

вопросы: "А кто получил литературы больше всех? или: "Почему этому брату денег дали больше, чем мне?"

Начался самый настоящий хаос. За пару лет домашние церкви в Китае разделились на десять - двенадцать движений разного толка. Такова пред история возникновения множества сетей китайской домашней церкви.

Расколоть домашнюю церковь в то время было нетрудно. Иногда для этого было достаточно посещения постороннего гостя, нескольких бесед с рядовыми членами церкви, при этом раздавались "материальные средства для поддержки" и визитные карточки. Проходило немного времени и возникало новое движение. В своем усердном желании помочь нам зарубежные братья на деле способствовали расколу и ослаблению домашних церквей. "Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Богу, но по рассуждению"(Рим. 10 :2).

Я не утверждаю, что вина за все от начала и до конца ложилась только на наших братьев из-за рубежа! Заблуждались и мы, и мы легко поддавались искушению. Я также не хочу сказать, что мы не нуждаемся в помощи зарубежных христиан и отказываемся от нее. Нет! У нас огромные нужды и мы молимся о том, чтобы Бог позаботился о нас так, как Ему будет угодно, в том числе и через зарубежные миссионерские организации. Тем не менее, **как побуждения дающих, так и побуждения принимающих, должны быть чисты**, и помощь, полученная от зарубежных христиан, должна передаваться только руководителям церкви с тем, чтобы подчиненные братья не впадали в искушение употребить эти дары для узурпации власти.

Теперь главы китайской домашней церкви не могут следовать за Господом в едином строю. Мы понимали, что сохранить единство при таком разделении можно было только путем дискредитации новейших ересей. Ситуация постепенно осложнялась в течение пятнадцати с лишним лет, дойдя до того рубежа, когда некоторые домашние церкви стали мнить, что только они обладают истиной в последней инстанции, и презирать другие группы как секты, которых следует сторониться. Главы китайских домашних церквей перестали общаться, перестали любить друг друга.

Путешествуя по Китаю и встречаясь с верующими из многих групп и сетей, мы отметили безудержный рост сектантского духа. С тех пор, как Господь возложил на меня заботу о единстве домашних церквей, я начал искать среди руководителей единомышленников.

Я встретился с Чжаном Ронляном, руководителем одной из крупнейших сетей. Это был тот брат, с которым мы много лет назад укрывались у замершего пруда, а теперь очередная волна гонений готова была разметать нас в разные стороны. Это был именно тот брат, который подарил мне свой теплый шарф в ночь, когда меня арестовали и бросили за решетку в 1983 году.

Когда я поделился с Чжаном желанием объединить китайские домашние церкви, он только рассмеялся: "Это невозможно! Различные группы, которые ты хочешь объединить, это самые настоящие секты. Мы не можем поддерживать с ними никаких отношений!"

Его ответ так расстроил меня, что мне захотелось встряхнуть его хорошенько, но вместе с тем я понимал, как глубоко был огорчен Чжан главами других церквей. Все эти годы Чжан очень уважал брата Су, руководителя громадной сети домашних церквей "Возрождение". Однажды Чжан услышал, что брат Су проводит собрание в селе, находящемся в двадцати километрах от его дома.

Чжан, не видевший брата Су уже несколько лет, решил встретиться с ним и поехал в село на велосипеде. Когда Чжан добрался до села, братья, охранявшие место собрания, остановили Чжана и не дали ему приехать. Они не знали Чжана. Усердствуя в своем деле, они отказались даже сообщить о его прибытии брату Су и велели поворачивать обратно. Но если бы Су доложили, что приехал Чжан, то, без всякого сомнения, он был бы рад встрече. Множество подобных недоразумений порождали в сердцах руководителей домашних церквей горечь и недоверие друг ко другу.

Я так же побывал на востоке страны, в Шанхае и Вэньчжоу, где встречался с несколькими старшими братьями, руководителями церквей. Они тоже не могли принять моей точки зрения на объединение. Они убеждали меня, что не видят оснований для сотрудничества с другими группами.

Крайне удрученный этим, я глубоко скорбел, но не сдавался. Объединение казалось всем неосуществимой идеей, однако, Дух Святой говорил мне: "Не плачь. Не ты один призван бороться за единство Церкви Божьей. Я призвал и других, но они еще не вышли на труд". Я вновь доверился Господу и Его водительству. Бог ободрил меня Своим Словом из Евангелия от Матфея 19:26: "Человекам это невозможно, Богу же все возможно".

Первым движением в деле объединения церквей стала наша встреча с братом Су и его сестрой Деборой в 1994 году. Я рассказал о новом для китайской церкви курсе на зарубежное благовестие, но, пока домашние церкви разделены и исполнены ненависти друг к другу это будет невозможно. Слуга Божий, брат Су, сказал мне: "С сегодняшнего дня мы будем с тобой стремиться к одной цели. Мы станем любить друг друга, подобно Ионофану с Давидом".

Брат Су и его группа первыми присоединились к движению за объединение китайских домашних церквей.

Затем мы организовали встречу с Чжаном Ронляном и его руководителями из церкви Фэнчэна. Это был решительный шаг, учитывая напряженность, которая многие годы существовала между его группой и группой брата Су. За день до приезда Чжана мы встретились для молитвы. Брат Фан неожиданно сказал: "Брат Су, Господь положил мне на сердце сказать тебе слово, но я не уверен, что ты примешь его".

Он продолжил: "Когда приедет Чжан Ронлян со своими сотрудниками, тебе не стоит сразу начинать переговоры. И даже не стоит начинать с молитвы. Когда они приедут, встань на колени и умой каждому из гостей ноги".

Брат Су, руководящий миллионами верующих по всему Китаю, тотчас откликнулся: "Принимаю это слово как от Бога. Конечно, я умою их ноги".

Чжан Ронлян и его сотрудники прибыли на следующий день. После взаимных приветствий все сели обедать. Сразу же завязалась беседа. Тринадцать лет между этими группами не было никаких контактов. Каждая сторона была уверена, что именно они находятся на верном пути, а другие, в лучшем случае, являются группой верующих, оставивших узкий путь и принявшие опасные учения.

Атмосфера на встрече накалялась все больше и больше, пока не стала напоминать светское деловое собрание, когда все говорят одновременно и каждый о своем. Все стали ворошить прошлое, беречь старые раны и вспоминать былые споры. Тут стало ясно, что обе группы

отстоят друг от друга так же далеко, как и прежде. Брат Су, казалось, так и не сможет воспользоваться возможностью умыться гостям ноги.

Вдруг, хлопнув по колену, брат Чжан громко объявил: "Эти переговоры - пустая трата времени. Давайте помолимся, и мы уедем". Брат Фан подтолкнул брата Су в спину: "Быстрее же! Неси воду и делай, что Бог повелел тебе!"

Чжан молился и его глаза были закрыты, когда Су опустился перед ними на колени и начал потихоньку снимать с него обувь и носки. Чжан прервал молитву и оторопел. Он не верил своим глазам! Великий Су Юн-дзе, руководитель крупнейшей сети домашних церквей в Китае, стоял перед ним на коленях и умывал его ноги! Чжан не удержался от слез и крепко, по-братски, обнял брата Су.

Потом Дебора Су принесла ковш теплой воды и начала умывать ноги сестры Динь, сотрудницы Чжана. Обе, стоя на коленях, обнимались и плакали.

Тринадцатилетние грязные слухи, горечь и зависть были смыты! Каждый в этом зале увидел Божью милость и прощение. Многие руководители исповедовались в грехах друг перед другом. Это был удивительно благословенный день. Слезы текли ручьями. А затем мы вместе запели :

Солнце на закате - хочется домой

Всякому, кто родом из семьи одной.

Юными из дома все мы разбрелись :

По своим дорогам в спешке понеслись.

Каждый настрадался от своих стезей,

И теперь способен принять боль друзей.

На пути Господнем мы должны стоять,

Принимая братьев - ноги умывать!

В океан впадают все ручьи и реки,

Мы семья одна, братья мы навеки.

С того дня обе сети домашних церквей обязались поддерживать друг друга и трудиться по возможности вместе. Наши сердца были покорены любовью Божьей.

Господь положил на сердце брата Су желание объединиться и с другими главами домашних церквей. Вместе с ним мы посетили руководителей многих групп. Мы спрашивали всех, кто не вошел в "Патриотическую церковь трех благ", об их желании присоединиться к "Ассоциации Синим", так мы называли движение объединения. Мы считаем, что слово "Синим", упомянутое в книге Исайи 49:12, имеет отношение к Китаю: "Вот, одни придут издалека; и вот, одни от севера и моря, в другие от земли Синим".

Мы молились с ними и обсуждали проблему объединения. Постепенно Бог вознаградил наши старания, и главы церквей начали понимать значение единства народа Божьего.

Многие руководители, не знавшие брата Су лично и настроенные другими, выступали против него. Но когда они слышали свидетельство самого брата Су, видели его хождение перед Богом, его любовь и плоды Духа Святого, они понимали, что были обмануты; их отношение к брату Су изменялось. Для них он был уже человеком Божиим и настоящим верующим в Господа Иисуса Христа. Многие барьеры рушились, а единство росло и укреплялось. Проповедники начинали проповедовать в соседних церквях, петь общие гимны и разрабатывать планы совместного служения.

К началу 1996 года многие старшие братья согласились объединиться, хотя руководители ниже рангом, особенно рядовые братья, принимать друг друга еще не могли. Они не желали менять свои взгляды. Тогда я заключил завет с Богом ради единства китайской церкви. Я сказал Ему: "Господи, с этого дня я перейду на постную пищу до тех пор, пока главы китайских церквей не станут искренне принимать друг друга". Однажды на собрании руководителей церквей один брат обратил внимание на то, что я не ем яйца и мясо. Он спросил о причине этого. Когда я рассказал ему все, он тут же встал и заявил во всеуслышание: "С этого момента и я не стану есть яйца и мясо до тех пор, пока домашние церкви не объединятся".

В октябре 1996 года были избраны пять первых старейшин "Ассоциации Синим". Это были братья Су Юн-дзе, которого утвердили председателем Ассоциации, Чжан Ронлян, Вэн Синьсяй, Шэн Юйпинь и я. Каждый из старейшин представлял различные сети домашних церквей.

В ноябре 1996 года руководители этих пяти сетей провели в Шанхае первую официальную конференцию "Ассоциации Синим". Господь снова проявил Свою могущественную силу, сокрушая межцерковные барьеры. Некоторые руководители исповедовались в многолетней тайной неприязни друг ко другу. Они раскаивались перед Богом и просили прощения у присутствующих.

Брат Су в своем выступлении сказал однажды: "Мы больше не желаем следовать каждый своим путем. **Мы желаем учиться друг у друга и изменяться, как угодно Господу, чтобы укрепляться в Боге и быть ближе к Иисусу**".

Несмотря на то, что некоторые разногласия оставались, руководители знакомились друг с другом; они понимали, **что гораздо большее их объединяло**, чем разъединяло; они понимали и то, что их богословские расхождения касались вопросов, не имевших существенного значения для их веры.

Каждый мог ясно видеть, каким чудесным образом Бог действовал в группах, присутствующих на конференции. Все прославляли Бога. Мы решили проповедовать в церквях друг у друга и делиться не только Библиями, но и всем тем, что получали сами из-за границы. На второй день конференции состоялось общее хлебопреломление. Возможно, впервые за последние пятьдесят лет главы китайской церкви участвовали в общей Вечере Господней.

Движение единства продолжается и до сего дня, хотя в 2002 году руководители решили опустить название "Синим" и просто встретиться как братья во Христе, без всякого официального имени. За это время присоединилось еще несколько сетей домашних церквей. На особом собрании в январе 2000 года главы китайских домашних церквей впервые огласили общее число верующих в своих сетях, составившее **около пятидесяти восьми миллионов человек**.

Третий срок - при смерти.

В марте 1997 года главы одиннадцати домашних церквей собрались в Чженьчжоу, столице провинции Хэнань. Собрание было запланировано на втором этаже многоквартирного дома. На встречу пригласили одну сестру во Христе, американку китайского происхождения. Однако, по всей видимости, за ней следили агенты исполнительной власти.

Мы ничего не знали о том, что брата Су и некоторых других руководителей арестовали и увезли еще до того, как мы добрались до места собрания. Вооруженные кобовцы, устроившие там засаду, поджидали остальных.

Был сырой и хмурый вечер. Я позвонил у подъезда в квартиру, чтобы узнать на месте ли брат Су. Незнакомый голос ответил: "О, пожалуйста, поднимайтесь. Поднимайтесь, пожалуйста!"

Поднявшись на второй этаж, мы нашли дверь квартиры открытой. Но как только мы вошли туда, мы натолкнулись на ряд стволов, направленных на нас! Кобовцы схватили нас и начали связывать руки за спиной. Я думал только о том, как сбежать. Пока мне не связали руки, я бросился к окну. В мгновение ока я открыл окно и с криком "Бегите!" выпрыгнул.

Я никогда бы не подумал, что кобовцы выставят под окнами около дюжины полицейских. Неловко приземлившись с приличной высоты, я получил перелом костей обеих голеней. Кобовцы, стоявшие здесь, и представить себе не могли, что кто-то осмелится выпрыгнуть из окна, так что несколько мгновений мы смотрели друг на друга и кричали. Я от - боли, они - от неожиданности!

Очнувшись, кобовцы бросились на меня, прижали к земле и начали злобно пинать и бить. Своими кованными башмаками они сокрушали мои ноги и ребра и, оттянув за волосы, били рукояткой пистолета по лицу. Мои кости хрустели и трескали от свинцовых ударов и пудовых башмаков. Потом они вынули шейкер и стали истязать меня ударами электрошока.

Меня молотили с такой силой, что мне оставалось только взирать на Иисуса, пытаюсь не обращать внимания на удары. В конце концов я потерял сознание.

Меня били так жестоко, что я остался в живых только чудом. Позже мне вспомнились следующие слова псалмопевца: "Если бы не Господь был вместе с нами, - да скажет Израиль: если бы не Господь был с нами, когда восстали на нас люди, то живых они поглотили бы нас, поток прошел бы над душою нашею; прошли бы над душою нашею воды бурные. Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их! Душа наша избавилась, как птица, из сети ловащих: сеть расторгнута, и мы избавились. Помощь наша - в имени Господа, сотворившего небо и землю".

В себя я пришел уже в камере главного управления Комитета общественной безопасности города Чжэнчжоу. Вместе со мной были брат Су и другие главы домашних церквей. Весь в грязи от башмаков кобовцев, с опухшими от побоев ушами я почти ничего не слышал.

Мы узнали, что приказ о нашем аресте пришел из центрального правительства, из Пекина. Каким-то образом они узнали о наших планах объединения. Домашние церкви уже стали жалом в плоть безбожного коммунистического государства, и мысль о том, чем может обернуться наше объединение, приводила правителей высочайшего ранга в ужас. Приказ из Пекина заставил провинциальные власти Хэнаня отнестись к нашему делу чрезвычайно серьезно. Не понимая того, что Царство Божие не является царством мира сего, они боялись, что наши переговоры о единстве

закончатся формированием оппозиционной политической партии, которая станет угрожать стабильности нашей страны.

Власти произвели видеосъемку и фоторепортаж нашего ареста. Новости об этом просочились из Китая и распространились по всему миру.

Всех нас подвергли страшным истязаниям. Нас, в наручниках, связывали одной веревкой и били палками и шейкерами. Мы были готовы принять смерть в любую минуту.

Власти пытались собрать на меня компрометирующий материал и уже через три дня после нашего ареста прибыли в мой родной город Наньян. Здесь они нашли большое собрание, на котором присутствовало около ста двадцати верующих христиан, в том числе моя жена Делинь. Всех задержали. Руководителей этого собрания после опознания арестовали, в том числе и Делинь. Большинство других верующих подвергли допросам, избили, оштрафовали, после чего отпустили.

На судебном разбирательстве председатель суда сказал мне: "Юн, я уже устал выслушивать надоевший материал о тебе. Уже много лет ты выступаешь против нашего правительства и выворачиваешь наше общество наизнанку. Ты многократно бежал. На сей раз ты выпрыгнул из окна и переломал ноги. Скажи, Юн, если бы тебе представилась возможность бежать снова, ты бы воспользовался ею?"

Я подумал немного и честно ответил: "Гражданин судья, это хороший вопрос. Я не хочу лгать вам. Если у меня появится такая возможность, я непременно попробую. Я призван благовествовать по всей стране и обязан делать все, чтобы исполнить то, к чему меня призвал Бог".

Услышав мой ответ, председатель суда, судебные чиновники и стражники пришли в ярость. Судья просто озверел: "Как ты смеешь говорить так, злостный преступник! Я переломаю тебе ноги, чтобы ты и думать не мог о побеге!"

Когда меня привели на допрос, несколько охранников сбили меня на пол и растянули в стороны мои руки и ноги. Я просил их не бить меня по переломанным ногам, но один человек, в котором было что-то зловещее, рассвирепев, выхватил дубинку. Чтобы я и не думал о побеге, он обрушил на мои переломанные ноги град ударов. Он избивал меня с такой яростью, что я уже не мог терпеть боль. Я лежал на полу и вскрикивал как раненый зверь. Мучительная боль заливала все тело и сознание. Все что я мог тогда, это только взирать на Господа Иисуса и Его крестные муки.

Я думал, что уже умираю, но Господь поддержал мои силы - Ему было угодно оставить меня в живых.

Мои ноги ниже колен почернели и ничего не ощущали. Все мое тело от головы до пят было в ушибах и ссадинах.

Когда мои истязатели доставили меня в камеру, мне захотелось показать им, что они не сломят мой дух, - рассмеявшись, я сказал: "Хочу поблагодарить вас за прекрасный массаж, который вы провели мне сегодня. Я чувствую себя намного лучше. Большое спасибо!"

После судебного разбирательства меня с другими братьями перевели в тюрьму особо строгого режима города Чженьчжоу. Я оказался в одиночной камере, которая располагалась возле

комнаты дежурного, через стенку с камерой брата Су. Охранники, приняв меня за умалишенного, наградили кличками "сумасшедший" и "калека".

Поначалу меня били и допрашивали не переставая с восьми утра до вечера следующего дня. Следователи менялись, чтобы не давать мне передышки, и избивали всю ночь без остановки. Все это время мне не давали ни пищи, ни воды.

Всякий раз, когда охранники били меня, я кричал: "Иисус, спаси меня! Помоги мне, Господи!" Только таким образом я мог не думать о наказании и боли.

После предварительного ознакомления с нами, нас заперли в камерах и выводили на допрос раз в два дня. Несмотря на мое тяжелое состояние, меня по-прежнему постоянно избивали, надеясь сломить мой дух. Иногда нас отвозили на допрос в полицейское отделение Диньсуй, иногда - в девятое управление КОБ города Чжэньчжоу, так что у нас была возможность вкушать "двойной аромат" пытки. Особенно они старались бить нас по голове и конечностям.

Библии со мной у меня не было, так что я размышлял о Слове Божьем по памяти и в слезах молился о наших церквях. Я вслух, громким голосом, повторял стихи из Библии, принимая близко к сердцу Божьи обетования, такие как Пс. 16:1-3: "Господь - свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь крепость жизни моей: кого мне страшиться? Если будут наступать на меня злодеи, противники и враги мои, чтобы пожрать плоть мою, то они сами преткнутся и падут. Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое; если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться".

День и ночь я громко пел духовные гимны. Однажды дежурный охранник сильно рассердился на меня. Он спросил у меня: "Ты что, рецидивист? расположился здесь на всю жизнь?"

Я ответил следующим образом: "Вовсе нет! Когда Господь скажет, я тут же буду на свободе!"

Хотя внешне мое поведение могло показаться мужественным и смелым, внутренне я сокрушался и страдал. Во время одного допроса кобовцы сказали, что меня ждет пожизненное заключение или, в лучшем случае, каторга лет на десять - пятнадцать.

Перед лицом подобного беспросветного будущего я не только сетовал и жаловался Богу, но даже обвинял Его: "Боже мой! Мне так хочется служить Тебе и благовествовать всюду, но теперь я, заключенный в этой камере, не могу даже ходить. Ты немощен и не можешь защитить меня!"

Поскольку я не мог передвигаться самостоятельно, то носить меня на допрос, в туалет и обратно должны были трое заключенных христиан, в том числе и брат Су. Я сидел в одиночной камере. Мы были разделены друг с другом и поэтому с нетерпением ждали этих кратких мгновений общения.

Меня допрашивали в кабинете, расположенном на три этажа выше моей камеры, так что общаться с братьями дольше всего мы могли по пути на допросы. Брат Су не хотел носить меня на место пыток, но я посоветовал ему не переживать об этом, ведь в случае отказа они все равно найдут кем заменить его. Часто несколько драгоценных минут общения с братьями было достаточно, чтобы набраться сил и стерпеть побои и оскорбления, приготовленные мне в этом мрачном месте.

По характеру брат Су человек немногословный. Он никогда не говорил о том, что с ним делали, но однажды я увидел, как он возвращался в камеру. Человек крепкого телосложения, отличный бегун, он в тот день, хромая, едва двигался по коридору. Тут я понял, что пытали и его.

Иногда меня носил на руках один молодой конвоир. Этот юноша видел, что я испытывал страшные боли, и знал, что меня не лечили. Он доброжелательно сказал мне: "Ты действительно страдаешь за Христа".

Удивленный, взглянул ему в лицо. Он продолжал: "Меня направили сюда на работу после окончания полицейского училища. Вообще-то я из христианской семьи, но мы не такие верующие как вы. Зачем верить в Иисуса и проповедовать о Нем, если за это лишаться свободы?"

Я сказал ему: "Сейчас ты, конечно, не можешь видеть какого-то благополучия в моей жизни, но в будущем я получу великое благословение, благодаря этим страданиям за Иисуса".

Этот юноша должен был бить меня против своего желания - этого требовали его должностные обязанности, но он всегда целился ударить меня так, чтобы нанести мне как можно меньше вреда.

Однажды в камеру брата Су поместили "подсадную утку". Этот человек притворялся верующим, но было ясно, что он здесь затем, чтобы шпионить и собрать как можно больше компромата. Он часто доброжелательно высказывался обо мне в присутствии других заключенных и спрашивал брата Су: "Как ты думаешь, Юн попытается бежать?" Хотя ноги мои были страшно изуродованы, власти еще опасались, что я постараюсь бежать, когда появится возможность!

Однажды зеков выводили в туалет. "Подсадной утке" серьезно нездоровилось. Он был бледен как смерть, будто-бы она и в самом деле постучалась в его дверь. Я сказал охраннику: "У меня есть небольшой опыт массажиста. Пожалуйста, дайте мне пять минут и больному станет лучше".

Охранник перенес меня в камеру, где сидели мои братья во Христе. Когда я оказался там, брат Су сверкающим взглядом предупредил меня. Он склонил голову и начал молиться. Во имя Иисуса помолился о больном и я, возложив руки на его голову. Через несколько мгновений больной воскликнул: "Я чувствую как бы дуновение легкого ветерка!"

Несколько минут спустя охранник вернулся и спросил: "Как идет массаж?"

"Нормально. Я почти поправился", - ответил больной.

Бог совершенно исцелил этого человека. После того, как он поговорил с кем-то и заплатил из своих средств, мой паек улучшился. Так этот человек отблагодарил меня. После этого случая я еще делал массаж некоторым охранникам, так что тюремный персонал в общем стал относиться ко мне лучше.

Хотя "подсадную утку" и посадили шпионить за нами, Бог благословил меня через него. Он говорил, что его жена тайно передала ему Библию. Вероятнее всего, он получил Библию от начальства, чтобы представиться христианином и втереться к нам в доверие. Поскольку тот не имел никакого интереса к чтению, я взял у него Библию и читал с утра до ночи. На клочках бумаги я писал стихи из Писания и передавал их братьям, чтобы поддержать их Словом Божиим.

Несколько дней спустя, брат Су. нацарапал на стене в туалете рисунок, напоминающий о нашем долге - оставаться верными и не отречься от Господа. Под рисунком я приписал такие слова: "Кровь, Смерть, Свидетельство".

Позднее на обрывке туалетной бумаги брат Су написал для меня несколько библейских стихов и слов ободрения. Свернув и спрятав эту записку в мантию, он передал ее мне в столовой. Там были такие слова: "С рождения Церкви и до сего дня всякий, кто следует за Иисусом, должен нести свой крест и расплатиться высокой ценой". Кроме того, брат Су намекал, что не удивится, когда узнает, что я бежал из тюрьмы при первой же возможности".

Однако бег времени как бы замедлился, отчего я все больше и больше погружался в отчаяние. Мне казалось, что Господь отверг меня и оставил умирать в тюрьме. Ноги мои были изуродованы, дух сокрушен. Чтобы как-то облегчить боли, я всю ночь держал искалеченные ноги на стене. Моя дорогая жена Делинь находилась в женской тюрьме. Мне не было известно ничего о судьбе Исаака и Юйлинь. Я находился при смерти.

Делинь.

Жизнь нашей семьи была необычной, и нашим детям приходилось переживать трудные времена, хотя при этом они не были лишены великой любви Божьей. Господь утешал их в страданиях через наших сестер и братьев.

Не детские страдания выпали на долю Исаака. Труднее всего ему пришлось весной 1997 года, когда мы оба были брошены в тюрьму за проповедь Евангелия. Исааку тогда исполнилось всего тринадцать лет.

По китайскому законодательству в случае заключения в тюрьму обоих родителей, государство берет их детей под свою опеку и содержит их в "безопасной обстановке". Речь идет о "промывании мозгов" атеистическим образованием и настраивании детей против родителей.

Когда мы с Юном оказались в тюрьме, наши друзья отвезли Исаака и Юйлинь из родного села в город Наньян, где они стали ходить в школу под вымышленными именами. Но их разыскивала служба безопасности, так что пришлось детей переправить в город Чжэнчжоу, столицу провинции Хэнань.. Там тоже оказалось не совсем безопасно, и тогда их отправили в далекую провинцию Шаньдун, где их приняла одна христианская семья.

Для Исаака и Юйлинь это было страшно тяжелое время. За несколько месяцев им пришлось несколько раз сменить школу и четыре раза место жительства. На плечи Исаака легла большая ответственность. Он должен был заботиться о своей младшей сестре и постоянно выяснять, что произошло с нами.

Позже нам рассказывали, что в провинции Шаньдун Исаак ходил глядя вниз, в надежде найти хоть какие-то деньги, которые, быть может, кто-то обронил. Христианская семья, заботившаяся о наших детях, была очень бедной и средств едва хватало на пропитание.

После моего освобождения меня тайно вывезли из провинции Хэнань на свидание с детьми. Вот что сказал мне Исаак, когда впервые после долгой разлуки увидел меня: "Мамочка, теперь вся забота о семье на мне".

Я спросила его: "Исаак, ты еще дитя. Сможешь ли ты нести это непосильное бремя в твоём возрасте?"

Мой тринадцатилетний сын ответил: "Папа снова в тюрьме. Как мы будем жить дальше? Я буду теперь заботиться о будущем".

Чудесное избавление.

"Но встань и стань на ноги твои"(Деяния 26 : 16).

Итак, я был при смерти и горько сетовал на свою судьбу перед Богом. Мне исполнилось тридцать девять лет, но для меня уже не было никакой надежды и никакого будущего. Я сказал Богу: "Когда я был молод, Ты призвал меня, чтобы благовествовать на западе и на юге. Как же мне теперь быть? Я сижу в этой тюрьме. Ноги мои изуродованы. Я оставлен Тобой, чтобы зачахнуть здесь и погибнуть. Я уже никогда не увижу своих родных. Ты обманул меня!"

О том, что произошло с нами, распространялось множество слухов. Верующие на свободе узнали, что мы попали в крайне серьезное положение, поскольку приказ о нашем аресте поступил из правительства в Пекине.

И теперь брат Су предлагал мне бежать!? Я знал, что Су имеет тесное общение с Богом и слышит Его голос, так что вежливо возразил ему: "Мои ноги изуродованы, я заперт в одиночной камере с металлической дверью. Я даже не могу встать и пойти! Как же мне бежать? У тебя с ногами все в порядке. Отчего бы не бежать тебе самому?"

Вечером четвертого мая 1997 года, как обычно уже в течение шести недель, я снова протянул руки и пощупал свои неживые ноги. Когда я поднимал их на стену, боль пронзала все мое тело. Но через некоторое время боль успокаивалась. Кровь отливала от моих ног, отчего они деревенели, и я мог спать, пусть и с перерывами, всю ночь.

На следующее утро Господь ободрил меня в моем мрачном и безнадежном состоянии обетованием из Евр.10:35: "Итак не оставляйте упования вашего, которому предстоит великое воздаяние". С этими словами я и проснулся тогда.

Пока тюрьма постепенно оживала, я решил прочесть книгу Иеремии. Через пророка Господь говорил о моих страданиях и положении с великой силой. Казалось, Сам Святой Дух говорил со мной через это Слово: "Скажи им слово сие: да льются из глаз моих слезы ночь и день, и да не перестают; ибо великим поражением поражена дева, дочь народа моего, тяжким ударом. Разве Ты совсем отверг Иуду? Разве душе Твоей опротивел Сион? Для чего поразил нас так, что нет нам исцеления? Ждем мира - и ничего доброго нет; ждем времени исцеления - и вот ужасы. Не отринь нас ради имени Твоего; не унижай престола славы Твоей: вспомни, не разрушай завета Твоего с нами" (Иер. 14:17, 19, 21).

Я чувствовал себя подобно пророку Иеремии. Я был сокрушен, и мне казалось, будто Господь совсем оставил меня, чтобы за решеткой погубить меня навсегда. Я воскликнул к Господу, вторя пророку: "Боже, отчего Ты сокрушил меня так, что мне не исцелиться? Я ожидал мира, но ничего не произошло. Пожалуйста, Господи, не отринь меня". Я продолжал читать: "Горе мне, мать моя, что ты родила меня человеком, который спорит и ссорится со всею землею! Никому не давал я в рост, и мне никто не давал в рост, а все проклинают меня" (Иер. 15 : 10).

И снова эти слова, казалось, сошли со страниц Библии в мою душу. Это было действительно святое время, когда Всемогущий Бог как бы снизошел в мою одиночную камеру и общался со мною один на один.

У меня же скопилось столько горечи, что все это время я только и делал, что изливал ее пред Господом. Я рыдал: "Господь Иисус! Как сказал Иеремия, всякий ссорится со мной и проклинает меня. Я больше не вынесу. Я дошел до ручки". Я столько плакал, что глаза мои опухли от слез.

А Господь мой утешил меня, как любящий отец утешает своего ребенка, и заверил меня следующим образом: "Господь сказал: конец твой будет хорош, и я заставлю врага поступить с тобою хорошо во время бедствия и во время скорби". (Иер. 15 : 11)

Из глубины души я воскликнул Господу стихами из книги Иеремии 15:16-18: "Обретены слова Твои, и я съел их; и было слово Твое мне в радость и в веселие сердца моего; ибо имя Твое наречено на мне, Господи, Боже Саваоф. Не сидел я в собрании смеющихся и не веселился: под тяготеющею на мне рукою Твоею я сидел одиноко, ибо Ты исполнил меня негодования. За что так упорна болезнь моя, и рана моя так неисцелена, что отвергает врачевание? Неужели Ты будешь для меня как бы обманчивым источником, неверною водою? "

Много раз я спрашивал Его, почему я так страдаю. Я больше не мог вынести эту боль. Мое сердце было разбито, я готов был отступить от веры.

И снова ко мне явилось Слово Божие с серьезным предупреждением и обетованием: "На сие так сказал Господь: если ты обратишься, то Я восставлю тебя, и будешь предстоять пред лицом Моим; и **если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста**. Они сами будут обращаться к тебе, а не ты будешь обращаться к ним. **И сделаю тебя для этого народа крепкою медною стеною**; они будут ратовать против тебя, но не одолеют тебя, ибо Я с тобою, чтобы спастись и избавлять тебя, говорит Господь. И спасу тебя от руки злых и избавлю тебя от руки притеснителей" (Иер. 15 : 19-21).

Не успел я прочесть эти строки, как вдруг передо мной, как вспышка, промелькнуло яркое видение, причем не во сне, а наяву. Я увидел свою жену Делинь рядом с собой. Ее только что выпустили из тюрьмы, и она приготовила мне лекарство. Она нежно обработала мои раны. Это очень ободрило меня, и я спросил ее: "Тебя уже освободили?"

Она же мне ответила так: "Почему бы тебе не отворить металлическую дверь? "

Прежде, чем я сумел ей ответить, она вышла - видение прекратилось.

И я услышал слова: "Настал час твоего избавления".

Тут до меня дошло, что Господь этим видением дал мне понять, что мне надо бежать.

Камера одиночного заключения, в которой я находился, примыкала к камере брата Су и других верующих. Мы заранее договорились между собой, если у нас будет крайняя нужда в срочной молитве, дважды постучать в стену. Брат Су услышал мой стук. Я позвонил охраннику. Тот подошел к моей двери и спросил, в чем дело. Я сказал: "Мне надо в туалет. Прямо сейчас". Поскольку в туалет и обратно меня обычно носил брат Су, охранник открыл дверь его камеры и велел ему отнести меня.

Всякий раз, когда зеков по необходимости выводили из камер, металлические двери в коридоре запирались, так что никакой возможности к побегу не оставалось. Лестничные марши, ведущие на нижние этажи, находились с той стороны дверей. Выйдя из камеры, мы попадали в запертое

помещение. Двери в коридор отпирались только входящими снаружи - открыть их изнутри было невозможно.

Такие металлические двери были установлены на каждом этаже тюрьмы. Обычно охрана размещалась по обе стороны дверей, и, чтобы выйти во внутренний двор тюрьмы, надо было миновать три металлические двери на трех этажах, пройдя мимо шестерых вооруженных охранников.

Брат Су подошел к моей двери. Увидев меня, он тотчас велел мне: "Беги! Ты должен бежать!" Затем он вернулся в свою камеру за полотенцем и зубной щеткой, чтобы охрана подумала, будто он идет в умывальную комнату.

Я был в нижнем белье и живо, как мог, натянул брюки. У меня было выписано Евангелие от Иоанна и Первое послание Петра на рулоне туалетной бумаги. Я сделал из него пояс истины, подпоясавшись Словом Божиим вокруг талии. Я взмолился: "Господи, Ты открыл мне, что я должен оставить эту тюрьму. Я повинуюсь Тебе сейчас и попытаюсь бежать. Но когда охрана станет стрелять в меня, пожалуйста, прими мою душу в свои обители".

С тех пор, как мне перебили кости голеней, прошло больше шести недель. Я не мог не то что ступить, но даже пошевелить ногами. Эти движения причиняли мне огненные муки. Но я понимал, что Бог трижды открыл мне Свою волю, и я должен бежать, повинаясь Его воле, выраженной через Слово, видение, которое я видел минувшим утром, а так же через брата Су.

В любой ситуации, когда Господь велит нам что-то делать, уже не остается времени на рассуждения и объяснения - нужно действовать. Этому учит жизнь. Если мы уверены, что Бог велит нам действовать, как в моем случае, то мы обязаны просто повиноваться Ему. Неповиновение означает, что мы считаем себя мудрее Его, и лучше чем Он знаем, как распоряжаться своей жизнью.

Это произошло за несколько минут до восьми часов утра пятого мая 1997 года. Если рассуждать по-человечески, то для побега это время - хуже не придумаешь! Обычно в это время жизнь в тюрьме кипит, и на всех постах полно охранников.

Шаркая ногами, я пошел из своей камеры по направлению к запертым металлическим дверям коридора. Я думал только о том, что надо повиноваться Богу. Я смотрел прямо перед собой и молился на каждом шагу, едва дыша. Охранник, когда надо нажимавший кнопку, чтобы открыть или закрыть двери, сидел на лестничной площадке третьего этажа. Увидеть, что там за дверью, я не мог, поскольку двери были металлические, а маленькое отверстие в них было зашторено черной материей. В тот миг, когда я наконец добрался до двери, одного служителя Божьего, брата Машэня, конвоировали обратно в камеру - двери открыли именно для него. В то утро он наводил порядок во внутреннем дворе тюрьмы. Когда Машэнь проходил мимо меня, я сказал ему: "Погоди! Не закрывай". Я прошел через двери, и даже не сбился с шага! Как совершенно точно Господь рассчитал время!

Проходя мимо меня, Машэнь спросил шепотом: "Уходишь, брат Юн? Смерти не боишься?" И так, с удивлением на лице, он вернулся в свою камеру. Конвоировал Машэня в камеру один охранник, но как раз в тот миг, когда он открыл двери Машэню, в дежурной, в конце коридора, зазвонил телефон и охранник побежал отвечать на вызов.

У стены на лестнице я заметил метлу. Прихватив ее с собой я спустился по лестнице на второй этаж. Там за столом лицом к металлическим дверям сидел вооруженный охранник. Двери эти иногда оставляли открытыми. Поскольку охране при исполнении служебных обязанностей следовало контролировать эти двери день и ночь, оставлять их незапертыми не считалось рискованным делом. В этот миг Святой Дух заговорил со мной: "Иди сейчас! Бог Петра - твой Бог!"

Казалось, что Господь каким-то образом ослепил этого охранника. Тот смотрел прямо на меня и ничего перед собой не видел. Я ожидал, что он скажет мне что-нибудь, но он продолжал смотреть сквозь меня, словно я был невидим! Я прошел мимо него и не оглянулся. Я знал, что в любой миг мне могли выстрелить в спину. Я только молча просил Господа принять мой дух, полагая, что наступили мои последние мгновения в этом мире.

Добравшись до главных металлических дверей, выходящих во внутренний двор тюрьмы, я нашел их открытыми! Это было странно, ведь эти двери охраняли строже всех остальных. У дверей на первом этаже присутствовало обычно не меньше двух охранников, один из которых находился с внутренней, а другой с внешней стороны, но по каким-то причинам ни одного из них здесь не было, и, главное, двери были открыты!

Я оставил в сторону метлу, которую нес с третьего этажа, и вышел во внутренний двор тюрьмы. От яркого утреннего света я вздрогнул. На дворе я прошел мимо нескольких охранников, однако, никто из них не сказал мне ни слова. Потом я вышел через главные ворота тюрьмы, которые по какому-то странному стечению обстоятельств тоже были приоткрыты! Сердце мое бешено колотилось! Итак, я оказался на свободе, за стеной тюрьмы особо строгого режима в Чженчжоу! Потом я узнал, что никто до меня побега из этой тюрьмы не совершал.

Тотчас возле меня притормозило такси желтого цвета. Водитель лет двадцати отворил мне дверь и спросил: "Вам куда?" Я уселся рядом с ним и ответил: "Мне нужно в контору как можно скорее, так что поезжайте быстрее".

Я сообщил таксисту адрес одной христианской семьи, с которой я познакомился в Чженчжоу, и мы отъехали от тюрьмы. Я попросил его объезжать пробки в уличном движении и постараться не тормозить без особой надобности. Все это произошло за несколько мгновений и напоминало сон. Я был не уверен, действительно ли случилось то, что случилось, или я просто спал. Я не понимал, каким образом Бог сотворил это, и почему все металлические двери, обычно крепко-накрепко запертые, открылись предо мной. Реальность была таковой, что я сидел в такси и направлялся к дому своих друзей. Когда мы подъехали, я попросил таксиста немного подождать, пока я схожу за деньгами, чтобы оплатить проезд. Я поднялся по лестнице на третий этаж и дважды нажал на звонок.

Одна из дочерей этого семейства посмотрела в дверной глазок и тотчас узнала меня. Она взволнованно сказала: "О, брат Юн, вас выпустили из "больницы"! Я сказал ей: "Да, я ушел из "больницы", но меня не выписали. Ты не могла бы дать мне взаймы, чтобы расплатиться с водителем такси?" Она была так рада мне, что забыла открыть дверь! Наконец, она вернулась с деньгами. Я сбежал вниз по лестнице и расплатился с ожидавшим меня таксистом.

Дорогое христианское семейство тепло приветствовало меня в своем доме. Одна из дочерей сказала мне: "Вся церковь постилась и молилась о вас и ваших сотрудниках больше недели. Вчера Святой Дух сказал моей матери: "Я освобожу Юна, и первый дом, в котором он остановится, будет ваш. Он останется у вас на некоторое время, а затем простится с вами", - родители велели нам

дождаться вас и укрыть в потайном месте. Никто не знает о нем, кроме нас. Моя мама уже приготовила для вас еду и одежду. А теперь, пожалуйста, переоденьтесь, и мы отведем вас туда".

После совместной молитвы мне дали велосипед, и один из сыновей поехал со мной, устроившись на багажнике и указывая путь к моему убежищу. Мы ехали по переулкам, чтобы миновать контрольно-пропускные пункты, уже поставленные на главных магистралях города после моего побега.

В тот момент, когда я надавил на педали велосипеда, до меня дошло, что Господь совершенно исцелил мои ноги! **Я думал только о том, что мне должно повиноваться Богу**, и что в любой момент меня могут застрелить, и даже не заметил, как Бог поставил меня на ноги. Я даже не чувствовал действия Его целительной силы. С того дня, как дубинки охранников перебили мои ноги, и до сегодняшнего дня, когда я бежал из тюрьмы, мои почерневшие ноги оставались неживыми. Я не мог даже встать на них, не говоря уже о ходьбе. Наибольшее из того, что мне удавалось сделать, это проползти до стены камеры.

Позже мне передали, что брат Машэнь, проходя мимо меня, заметил, что я шел как обычно - так что Господь, по всей видимости, поставил меня на ноги уже в моей камере. Когда я направлялся на велосипеде в убежище, Господь положил мне на сердце следующий стих из Писания: **"И ходите прямо** ногами вашими, дабы хромящее не совратилось, а лучше исправилось" (Евр. 12:13).

Стоило нам добраться до моего убежища, как начался ливень. Грозные тучи обложили весь Чжэнчжоу, и полил проливной дождь. Ветер яростно стучал в окна и опрокидывал велосипеды на стоянках. Поднялась настоящая буря. Хотя время еще было утреннее, все небо почернело от туч.

Я вошел в свое новое жилище и остался один. Эта благочестивая семья считала меня ангелом с неба. Дверь моего убежища день и ночь сторожил кто-нибудь из них.

Вскоре мои друзья передали мне, что о моем побеге было объявлено в вечерних телевизионных новостях. Чтобы найти меня, мобилизовали сотрудников тайной полиции, КОБ и воинов Национально-освободительной армии. В поисках меня перевернули вверх дном все дома в Чжэнчжоу. На главных перекрестках поставили контрольно-пропускные пункты, чтобы обыскивать транспортные средства. Переодетых полицейских посадили на все автобусные станции, вокзалы и в аэропорт.

Мне рассказали, что использовали даже специально дрессированных полицейских собак, чтобы взять мой след, но все их труды остались напрасными. Я находился в полной безопасности под Божьим покровительством. **Сильнейшая буря встала на пути властей и смыла все мои следы.**

Бог напомнил мне, как тринадцать лет назад, во время моего длительного поста в тюрьме, Он послал мне славное видение анфилады открытых металлических дверей.

Теперь, годы спустя, Его предсказание исполнилось. Я поразился благости Божьей и Его верности. И до сих пор я считаю свой побег из тюрьмы в Чжэнчжоу самым удивительным событием в моей жизни.

Той ночью я спал, как сытый младенец в объятиях нежной матери, как довольное дитя в объятиях Небесного Отца.

Брат Су.

Когда брат Юн пытался бежать от полиции, выпрыгнув из окна, он сломал себе ноги. Его, упавшего в грязь, жестоко избили, раздробив его сломанные ноги так, что он не мог даже пошевелить ими.

Когда Юна принесли в камеру, окровавленный, он был без сознания и весь в грязи. Его били по голове так, что он перестал слышать.

Позже, когда нас перевели в тюрьму Чжэнчжоу, мне поручили носить Юна в туалет и на допрос, поскольку он был избит и страдал от ужасных болей. Зато мы могли общаться с ним короткое время - мы ободряли и утешали друг друга, умножая друг у друга веру в Бога. Даже тогда, когда мы не могли перемолвиться и словом, нам достаточно было взглянуть друг другу в глаза, это прибавляло нам силы и укрепляло дружбу. Мы с Юном прошли долгий путь вместе и вместе пережили множество милостей Божиих.

Однажды я открыл Юну Господню волю, что он должен бежать из тюрьмы. Несомненно, это Господь говорил мне и я не мог не передать ему волю Божью. Я знал, Бог желает, чтобы Юн бежал, а я остался.

В один прекрасный день Господь прямо указал Юну, что пришло время бежать. Когда он направился к тюремной лестнице во внутренний двор тюрьмы, навстречу ему входил другой заключенный - христианин. Двери открылись перед ним и в этот же момент через них вышел Юн!

Этот брат прибежал в нашу камеру и рассказал, что он видел, как Юн выходил из тюрьмы! Все бросились к окну и выглянули во внутренний двор. Мы своими глазами увидели, как Юн миновал главные ворота тюрьмы и вышел на свободу!

Это невероятное происшествие укрепило нашу веру и ободрило нас. Мы еще раз убедились в том, что для Бога нет ничего невозможного - абсолютно ничего. Он хранит нашу жизнь в Своих руках, и ни с одним из детей Божиих не случится ничего, что не является частью Его замысла.

Я думаю, что Господь решил освободить Юна таким чудесным образом еще и потому, что тюремщики бросали Ему вызов, когда глумились над Ним и Юном, переламывая его ноги. Ведь они говорили при этом: "Теперь посмотрим, как ты сбежишь от нас!" Господь же всегда готов принять вызов!

Через несколько минут после побега Юна охранники обнаружили, что он куда-то исчез, и тут же организовали грандиозные поиски. Власти провели полное расследование обстоятельств этого невероятного события, чтобы узнать, как мог выйти из тюрьмы и пропасть в неизвестном направлении искалеченный арестант из камеры одиночного заключения тюрьмы особо строгого режима!

Интересно, что следователи пришли к заключению, что во время своего побега Юн не получил ничьей помощи - ни от заключенных, ни от охранников.

Я подтверждаю, что так все и было.

Во всем этом нельзя не видеть руки нашего Всемогущего Бога!

Брат Машэнь.

Мне выпала честь стать свидетелем чудесного избавления брата Юна из тюрьмы в 1997 году. Это явно была рука Господня.

В день побега брата Юна утром, в семь часов, мне велели навести порядок во внутреннем дворе тюрьмы. Когда я возвращался обратно в свою камеру под конвоем охранника, мы остановились, чтобы пройти через металлические двери. И тут я не поверил своим глазам, когда увидел выходящего Юна! Все мы знали, что он искалечен, так что сказать, что я удивился, значит не сказать ничего! Он прошел мимо меня, но мой охранник вообще не увидел его.

Когда я вернулся в свою камеру, до меня дошло, что я ни разу не видел на прогулке Юна ходящим, ведь ноги его были сильно искалечены. Я был одним из тех троих, кто носил его на руках по тюрьме. Даже охранники прозвали его "калекой". После побоев на его ногах не оставалось ни одного живого места. Из-за этого жалкого состояния он не мог даже и ухаживать за собой. Мы стирали его одежду.

Тут до меня дошло, что Юн пытается бежать. Я сразу упал на колени и умолял Бога спасти его жизнь, так как я подумал, что охранники преднамеренно пропустили его в тюремный двор, чтобы застрелить к попытке к побегу. Я подтянулся к окну камеры и увидел, как Юн пересек двор и вышел через главные ворота на свободу.

В это время в тюремном дворе было, наверное, около тридцати охранников, но никто не заметил Юна! Он шел даже в непосредственной близости от некоторых из них.

Немного позже поднялась страшная буря.

На третьем этаже тюрьмы охранник обратил внимание на исчезновение Юна уже через несколько минут после его избавления. Он искал его всюду и кричал: "Где ты, калека?!" Вначале он не волновался, но по мере того, как непроверенных мест, где мог скрываться Юн, становилось все меньше и меньше, его охватывало все большее беспокойство. Не прошло и пяти минут, как он поднял тревогу и вся тюрьма пришла в движение - все поднялись на поиски бесследно исчезнувшего Юна.

Тюремные власти допросили нас, но мы честно признались, что никак не содействовали побегу Юна. Двоих из охраны выгнали с работы.

По ту сторону бамбукового занавеса.

Утром в день моего избавления из тюрьмы я попросил друзей связаться с главой домашних церкви Чжэнчжоу и сообщить ему о моем побеге и намерении встретиться с ним, когда стемнеет.

Тем же благословенным утром, около одиннадцати часов, моей жене было видение от Господа. А надо сказать, что Делинь освободили из тюрьмы за две недели до моего побега и теперь она скрывалась в доме верующих.

И вот она видит меня на свободе. Я сижу перед нею, радостный и довольный, и прошу пригласить всех старейшин церкви и сотрудников на собрание. Указав на меня пальцем, она сказала: "Ты не посмеешь! Ты что, не боишься смерти?" Я же только улыбнулся ей в ответ.

Под впечатлением этого видения, Делинь села в автобус в Чжэнчжоу. Первым делом она бросилась в дом пастора, которого я намеривался посетить вечером того же дня!

Не успела она переступить порог дома, как услышала: "Ты знаешь, что Юн бежал из тюрьмы?"

Запинаясь, Делинь еле выговорила: "Повторите, пожалуйста, что вы сказали! Это правда? Он действительно бежал?"

Она медленно опустилась на стул и рассказала о видении от Господа утром. "Вот-вот! Божья связь быстрее всякого Интернета!", - улыбнувшись, воскликнул брат.

Уже стемнело, когда я пришел к ним домой, и просто изумился, встретив там дорогую жену и других сотрудников.

Перед тем, как Бог избавил меня из тюрьмы, утром мне было видение, в котором Делинь была на свободе. В тот же час и она имела видение о моем избавлении, и теперь по воле Божьей мы были вместе! Мы обнялись, и спели вместе из Пс.125:1-3:

Когда возвращал Господь плен Сиона,

Мы были как бы видящие во сне :

Тогда уста наши были полны веселья,

И язык наш - пения;

Тогда между народами говорили :

" Великое сотворил Господь над ними! "

Великое сотворил Господь над нами:

Мы радовались.

Я был на свободе, но мне так хотелось вернуться сейчас в тюрьму к моим братьям и рассказать, как чудно Господь избавил меня. Трудно объяснить, какой крепкой может стать дружба между братьями в тюрьме. Я скучал по ним и молился о них.

Делинь.

После моего освобождения из тюрьмы прошло около двух недель. Я скрывалась в доме двух сестер. Однажды, когда хозяев не было дома, Господь послал мне ясное видение. Я вижу Юна. Он на свободе и готовится пойти на какое-то собрание! Я спрашиваю его: "Как тебе удалось бежать? Ты опять как всегда занят?" Он отвечает: "Мне Господь помог выйти. Теперь я снова должен проповедовать".

Когда хозяева вернулись домой, я рассказала им обо всем, что мне открыл Господь. Никто из христиан в то время не сомневался, что Юна казнят или осудят на пожизненное заключение, и сестры не поверили мне. "Ты просто скупаешь без него", - услышала я в ответ.

Они подумали, что я сошла с ума! Одна из сестер снисходительно улыбнулась, а другая с сожалением посмотрела не меня. Я оставила их в недоумении, и отправилась в Чжэнчжоу.

Через несколько часов мне сообщили, что мой муж на свободе!

О, как велик Бог! Все происшедшее: и побег Юна из тюрьмы, и откровение об этом в моем видении - позволило мне глубже понять Божье величие. Я впервые убедилась, что все возможно Богу!

Юн. Руководители церкви в Чжэнчжоу хотели, чтобы мы с женой уехали из провинции как можно дальше, так как считали, что оставаться нам здесь слишком опасно.

Полиция рыскала всюду, не теряя надежды поймать меня. Мой побег из тюрьмы особо строгого режима доставил много хлопот провинциальным властям, особенно тюремному начальству.

Как мне рассказали потом, Комитет общественной безопасности во все собрания домашних церквей послал своих сотрудников - "сестер во Христе". Они говорили: "Мы друзья брата Юна, и слышали, что Бог помог ему бежать из тюрьмы. Как его дела?" Так они надеялись получить хоть какие-то сведения о моем местонахождении.

Когда нас с Делинь арестовали, наших детей взяла на попечение одна христианская семья из другой провинции. Мы связались с друзьями и в конце концов встретились с дорогими детьми.

Однажды в знойный летний день нас посетили руководящие братья. И вдруг с плачем примчалась малышка Юйлинь: "Мамочка, там полиция, там полиция! Папе надо бежать!" Мы сразу же поднялись на крышу и уже приготовились прыгать, но поняли, что полицейские направлялись в другую сторону - они искали не нас. Мы немного успокоились, но все же эта ложная тревога напомнила об экстремальных условиях, в которых мы жили и трудились.

С тех пор Делинь стала просить Бога, чтобы у нас был налаженный быт и нормальная семейная жизнь. Она была сильно обеспокоена тем воздействием, которое производил напряженный образ жизни на наших детей.

В то время мое здоровье пошатнулось: из-за резких болей в груди я дышал с трудом. Пришлось обратиться в больницу. Когда мне сделали рентген, врач сказал сурово: "У вас туберкулез или рак" Он хотел немедленно положить меня в больницу. Делинь тоже так считала: "Бог хочет, чтобы ты отдохнул".

Поначалу я упрямо отказывался от госпитализации. Мне хотелось по-прежнему встречаться с христианами по всей стране. Однако главы домашних церквей, навестившие меня, советовали: "Отдохни и посмотри, что скажет Господь. Власти разыскивают тебя всюду. Тебе ни в коем случае нельзя домой. Подумай не только о себе, но и о других".

Впервые, с тех пор как шестнадцатилетним юношей я начал проповедовать в Хэнане, я не мог заняться общественным служением. О моем побеге из тюрьмы знали все, и китайские власти прилагали все усилия, чтобы выследить меня. Главы домашних церквей понимали, что пригласить меня в свои общины было все равно что организовать своими руками набег кобовцев и подвергнуть всех огромным штрафам. Права на такой риск ни у кого не было, и мне предложили скрыться, отказавшись от общественного служения.

Во время болезни я ужасно страдал. Мне не хотелось покоиться только в одном Боге - я хотел покоиться в деле Божьем. И тогда я снова постиг, что я трудился, не имея настоящего мира от Господа. И так мне понравилось трудиться для Господа, что я стал видеть в этом свое спасение и радость. Бог желал удалить этого идола из моей души.

Итак, болезнь дала мне возможность быть больше с женой и детьми. Мы вместе молились, вместе уповали на Бога и вместе ждали Его повелений.

Однажды утром в молитвенный час я был охвачен присутствием Господа. Он говорил мне как Друг: "Я пошлю тебя к другому народу. Ты не будешь понимать их язык. Там будет много незнакомых лиц, но ты должен повиноваться Мне: "Иди и пробуди этот народ!" Я рассказал об этом жене и детям. Но они не знали, что и сказать. И я скрыл эти слова Господни в своем сердце.

В другой раз я размышлял о жизни и служении апостола Павла. И вот что Господь сказал мне: "Поспеши и выйди скорее... поскольку здесь не примут твоего свидетельства О Мне" (Деян. 22 : 18). И Он продолжил: "Юн, не медли! Уезжай из Китая. Твое свидетельство о Мне здесь завершилось. Здесь уже не примут твоего служения: народ запуган".

На следующее утро мне позвонил один дорогой друг. Он, конечно, не знал о том, что именно Господь повелел мне накануне, но его слова стали подтверждением Божьего повеления: "Брат Юн! Господь открыл мне, что Он готовит для тебя новое служение. Это служение станет продолжением того, на которое Он поставил тебя в юные годы, повелев идти и проповедовать на запад и на юг". После этого звонка я окончательно уразумел, что Господь направляет мои стопы в другую сторону.

Я рассказал обо всем Делинь, и она с радостью приняла волю Господню: я должен оставить Китай, чтобы идти на запад и на юг.

Была у меня одна большая проблема: паспорт. Его у меня не было никогда, я за всю жизнь ни разу не выезжал за границы Китая. Оформление паспорта в установленном порядке исключалось, так как я имел судимость. Если бы я обратился за паспортом, то был бы тут же арестован. Мы молились и предали эту нужду Господу.

Через короткое время я встретился с некоторыми братьями. Я рассказал им, к чему Господь призывает меня, и один из братьев, коммерсант, повинувшись водительству Духа Святого, решил передать мне свой паспорт со словами: «Брат Юн, возьми мой паспорт. Употребь его для дела, на которое Господь призывает тебя. Обо мне не волнуйся. И будь, что будет! Я приму все на себя».

Когда я увидел паспорт, возникла другая проблема. На фотографии этот брат нисколько не напоминал меня! Это был лысый человек в очках. А у меня была копна волос и совершенно другие черты лица. Кроме того, он выглядел намного старше меня!

С верой в то, что Господь повелел мне проповедовать другим народам мира, мы назначили время отъезда из Китая и купили билет на авиарейс Пекин–Франкфурт на двадцать восьмое сентября 1997 года.

Накануне вылета я весь день преподавал в библейской школе при одной домашней церкви в районе Пекина. Когда-то я помогал организовывать эту школу. Студенты, узнав, что Господь повелевает мне начать благовестие за рубежом, были тронуты и горячо, со слезами помолились обо мне. Я просил их молиться обо мне до полудня следующего дня, когда я должен был вылетать за границу. Эти юноши и девушки остались в библейской школе и молились всю ночь, прося Бога защитить меня и благословить мой путь. С тех пор я часто вспоминаю их чистую любовь к Богу и ко мне. Теперь эти молодые люди служат Господу в отдаленных районах Китая - в Тибете и во Внутренней Монголии.

В ночь перед вылетом я сильно волновался. Во-первых, я никогда не летал на больших самолетах, и, во-вторых, я отдавал себе отчет, что в случае моего ареста мне предъявят самые серьезные обвинения и приговорят (если только не вмешается Бог) к смертной казни, когда разберутся, что я бежал из тюрьмы. Мне хотелось убедиться, что я действовал согласно воле Божьей, и что Его благоволение над нами как печать. Если бы в то время кто-нибудь выступил против этого предприятия, то я, по всей видимости, изменил бы планы. Но никто из моих сотрудников не сказал ни слова против - все ободряли и поддерживали меня.

Трое сотрудников вместе со мной молились со мной всю ночь о защите свыше. К утру от ночных бдений я устал, как Иаков, боровшийся с Богом. Я все время думал о том, что может произойти со мной в аэропорту и что сказать служащим аэропорта. Меня тревожило также и то обстоятельство, что вылет должен был состояться за несколько дней до праздника 1 октября - Дня провозглашения КНР, когда органы общественной безопасности в Пекине переходили на особый режим работы.

На рассвете во время усиленной молитвы один из моих сотрудников сказал: «Верный слуга Божий, не волнуйся! Бог положил мне на сердце слово для тебя». Он имел в виду место из книги Бытия 27:20: «И сказал Исаак сыну своему: что так скоро нашел ты, сын мой? Он сказал: поскольку Господь Бог твой послал мне успех...»

Этот стих ободрил меня и успокоил. В ответ на молитвы братьев и сестер Господь подводил черту под былым. Совсем недавно я был в кандалах с перебитыми ногами и без всякой надежды на будущее. Но вот прошло несколько месяцев и меня, объявленного в розыск «преступника» без паспорта и удостоверения личности, Господь выводил из Китая.

Тогда я ответил брату словами апостола Павла: «Посему ободритесь, мужи, ибо я верю Богу, что будет так, как мне сказано»(Деян. 27:25)

На рассвете Бог строго предупредил меня: «В таможенном зале говори только то, что Я повелю тебе». Одновременно с этим Он положил мне на сердце следующие слова из Писания: «При многословии не избежать греха, а сдерживающий уста свои – разумен»(Притчи 10 :19).

С привокзальной площади Пекинского аэропорта я позвонил домой и попросил Делинь молиться обо мне. Голос Делинь показался мне очень спокойным, и неудивительно: у нее в сердце был совершенный мир, и она твердо верила, что Бог выведет меня из Китая.

Поскольку я раньше никогда не проходил таможенного контроля и других формальных процедур, один брат показал мне, как оформить необходимые документы, где сдать багаж и внести выездную пошлину. Затем я прошел в зону таможенного контроля, повторяя про себя слова Божии: «В таможенном зале говори только то, что Я повелю тебе».

Я встал в очередь проверки документов. Наконец, когда пришла моя очередь, я передал служащему за стойкой паспорт и посадочный талон. Взглянув на фотографию в паспорте, затем на меня он рассмеялся: «Ба-а-а! Да это вовсе не вы! Здесь совсем другое лицо!» Он поднял паспорт, чтобы служащие за другими стойками могли удостовериться в этом. И те удостоили меня презрительной усмешкой..

Может показаться невероятным, но в глубине души я был абсолютно спокоен. Да, я очень волновался накануне, но Господь ясно указал мне, что я должен оставить Китай; и теперь я был абсолютно уверен, что Бог творит Свою волю. В моем сердце был чудный мир и покой.

Служащий вышел из-за стойки, потом повернулся и повторил: "Это не ваш паспорт!" Он был решительно настроен выяснить, кто же все-таки я. Но я пристально смотрел ему в глаза, обжигая взглядом. Между тем время шло. Очередь пассажиров начала волноваться. Люди стали ругать служащего за волокиту. Видя, как накаляется очередь, он велел мне отойти в сторону и подождать, пока он пропустит других пассажиров.

Закончив, он сказал мне: "Совершенно очевидно: этот паспорт не ваш. Но, допустим, вы пройдете таможенный контроль здесь, но вам не пройти его в Германии. Вас вернут обратным рейсом!" Невероятно, но он шлепнул печатью в моем паспорте и сказал: "Идите! "

Объяснить по-человечески то, что сделал этот служащий, невозможно. Я могу сказать только, что в этом случае действовал Сам Господь, побуждая служащего исполнить Его волю.

Затем я прошел таможенный контроль на рентгеновской установке. Размещая ручную кладь на платформе сканера, я обратил внимание на полицейского, который смотрел на меня, передавая что-то по рации. Я прошел вперед, чтобы взять свой багаж - полицейский не сказал ни слова. И снова могучая рука Божья сохранила меня!

В зале ожидания я позвонил по телефону-автомату одному брату и дал знать, что со мной все в порядке. Через несколько минут я уже был на борту китайского реактивного лайнера, двери закрыли и самолет вышел на взлетную полосу. Вскоре мы уже поднимались все выше и выше! Потоки радости и благодарения захлестнули меня. Не успели убрать шасси, как я, не сдерживаясь, громко запел:

Господь, меня избравший из толпы людей,

Сокрыл тотчас под крыльями любви Своей.

И светом осененных от Фавора горы,

Спасенных благодатью много с той поры.

Аллилуйя!

Пассажиры, сидевшие передо мной, как по команде обернулись и уставились на меня, как бы спрашивая всем своим видом, как этого сумасшедшего пустили в самолет!

Впервые в жизни я оставлял Китай, чтобы прославить Царя царей и Господа господствующих среди племен и народов.

Во время долгого полета я размышлял о своей жизни, благодаря Бога за Его безграничную милость. Я считаю себя малейшей частью Тела Христова в Китае. Я просто ничто, но Бог избрал меня стать посланником Его среди народов, и, конечно, не в силу моих особых способностей и умений. Это произошло только по Его непостижимой, незаслуженной мною благодати.

Примерно через десять часов наш самолет приземлился в Германии, в аэропорту Франкфурта, и я проследовал к стойке иммиграционной службы.

Когда подошла моя очередь, немецкий служащий у стойки взял мой паспорт. Брови его взлетели, и я наткнулся на его строгий взгляд. Он что-то говорил мне, но я ничего не понимал, и просто улыбался. Он привстал и отодвинул меня в сторону. Затем мой паспорт передали на проверку еще троим служащим. Они, конечно, поняли, что этот паспорт принадлежит другому лицу. Недоверчиво покачивая головой, они угрожающе твердили: "Nein! Nein! Nein!"

И в этот миг Господь положил мне на сердце следующие слова: "Нечестивый бежит, когда за ним никто не гонится; а праведник смел, как лев"(Притчи 28:1).

Исполнившись огня Божьего в сердце, я осуждающе смотрел прямо в глаза начальствующего. Служащий взглянул на меня, шлепнул печатью в паспорте, вернул его и подтолкнул меня, мол, можешь идти!

Слава Богу, меня пропустили! Это была исключительно милость Божья!

Итак, я оказался в Германии. Когда я ехал на такси в дом одного пастора, Святой Дух обратился ко мне с такими чудесными словами: "Как Я освободил тебя из тюрьмы, как Я вывел тебя за пределы Китая, так Я выведу сто тысяч детей Моих из Китая во свидетельство обо Мне по всей Азии!"

Через два дня я позвонил домой Делинь и детям и рассказал им, как Господь благополучно привел меня в Германию. Первым делом Делинь спросила: "Когда ты вернешься?" Я ответил, что чувствую себя как младенец Иисус, Которого Иосиф и Мария вывезли в Египет. Лишь один Господь знал, когда я вернусь. Мы с Делинь договорились перед Господом, что будем просить Его, в том случае, если я не вернусь в Китай через два года, сотворить чудо воссоединения нашей семьи за рубежом Китая.

Спустя две недели после моего прибытия один христианский друг привез меня в Гамбург, в лагерь беженцев. Здешние служащие очень удивились, услышав мой рассказ, и перевели меня в другой лагерь для беженцев, в восточную Германию.

Не имея никаких документов, я не мог доказать, что Юн - это я. Ко мне приходили разные чиновники с китайским переводчиком, задавали множество вопросов о моем прошлом, судимостях и побеге из тюрьмы. Я отвечал на все вопросы совершенно откровенно, но мне не верили. При этом со мной обращались даже грубо. Переводчик посоветовал мне перестать врать, ведь моя "бесподобная ложь" только подрывает доверие к моим заявлениям! Он добавил также,

что вот уже два с лишним года германское правительство не дает статус беженца никому из граждан КНР.

К этому времени новость о том, что я выехал за пределы Китая и остался в Германии, стала известна немецким братьям (некоторые из этих дорогих братьев сотрудничали с нами в Китае) Они привезли в восточногерманский лагерь для беженцев копии статей обо мне из газет, вышедших в Китае после моего мартовского ареста. Немецкие братья также показали и фотографии со мной в Китае в доказательство того, что они знали меня до моего прибытия в Германию.

Они подписали необходимые заявления и поддержали меня всем, чем могли. По всей видимости, и германскому посольству в Пекине также было поручено исследовать мои заявления. Так что в скором времени личность моя была установлена.

В лагере для беженцев меня подвергли полному медицинскому обследованию. При этом констатировали, что у меня на всем теле имелись следы пыток. С подозрением на туберкулез или рак легкого меня поместили в больницу. С этим легочным заболеванием я жил уже более десяти лет с тех пор, как тюремные надзиратели прыгали по моей груди.

Восточногерманский лагерь для беженцев был оборудован весьма скромно, но и такой после китайских тюрем показался мне курортом! В светлое время суток нам разрешали выходить за пределы лагеря, но не дальше пятидесяти километров.

Я провел в больнице 69 дней и еще три месяца в лагере для беженцев, пока рассматривалось мое заявление о предоставлении мне правового статуса беженца.

Делинь.

После удивительного освобождения Юна из тюрьмы вся страна, казалось, подключилась к его поискам. Время было страшно напряженное. Главы домашних церквей говорили Юну, что ему не следует преподавать и руководить: это было бы большой опасностью для всех. Кобовцы преследовали Юна по пятам, так что все, кто поддерживал с ним связь, шли на большой риск.

В течение месяца после побега Юна из тюрьмы мы скрывались в городе Ухань, в провинции Хубэй, однако люди, укрывавшие нас, были так напуганы, что у них пропал сон.

Тогда мы переехали в Шаньдун, но и там через некоторое время мы столкнулись с той же проблемой: семья, приютившая нас, не могла нормально отдыхать по ночам. Они боялись за свою безопасность и думали только о том, что будет, когда Юна арестуют в их доме. Нам оставалось только плакать и молиться Богу: "Господи, как же нам служить Тебе? Куда бы мы не пришли, везде у перепуганных людей пропадает сон".

Бог через это как бы говорил Юну, что ему придется оставить Китай и пойти на Запад. Мы тогда молились больше месяца, чтобы понять волю Божию. В конце концов мы попросили у Господа знамения шерсти и росы: "Господи! Если это воля Твоя, что Юн должен оставить Китай, мы просим Тебя - выведи его Сам из Китая". И Он ответил нам, что это Его план.

После этого Юн удивительным образом оказался на борту китайского самолета и пересек границы Китая. Мы все поняли, что на это была воля Божья.

Юн. Два года спустя на одном собрании в Финляндии я свидетельствовал о своем чудесном избавлении из тюрьмы и о том, как Господь помог мне покинуть Китай.

После собрания ко мне подошел один бизнесмен, наш брат во Христе, и через моего переводчика рассказал удивительную историю. Теперь я понял милость, проявленную ко мне Богом в день вылета из Пекинского аэропорта.

Вот что сказал мне этот финский брат: "Я работаю в компании, которая обеспечивает безопасность средств дальней связи. Несколько лет назад наша компания выиграла один конкурс. Речь идет о контракте на монтаж в Китае современного программного оборудования по распознаванию речи, в том числе в пунктах таможенного досмотра Пекинского аэропорта.

Этот аппаратно-программный комплекс дает возможность сотрудникам безопасности с помощью скрытых микрофонов слышать голоса подозрительных пассажиров с компьютеризированной базой данных, содержащей образцы голосов преступников, объявленных в розыск. Можете не сомневаться, что и ваш голос находится в их базе данных, поскольку много ваших проповедей ходит в записях на пленке. Если бы в тот день в Пекинском аэропорту вы сказали бы хоть одно слово, вас, конечно, арестовали бы на месте".

Я возблагодарил Господа за Его водительство, когда Он сказал мне: "В таможенном зале говори только то, что Я повелю тебе".

Мой дорогой брат Су подсказал мне бежать из тюрьмы, в которой мы были с ним в 1997 году, но, когда я уже был на западе, он еще оставался там.

И с братом Су Бог сотворил великое чудо. Многие считали, что его приговорят к смертной казни, и через несколько месяцев после нашего ареста весь мир обошло ложное сообщение о его казни.

На суде брат Су отказался от защиты и не отвечал на обвинения в свой адрес на том основании, что так называемый "суд" был только ширмой для придания законного статуса заранее подготовленному приговору. Его осудили на 10 лет тюремного заключения. Позднее, по непонятной причине, этот срок довели до трех лет, и он был на свободе уже в мае 2000 года. Нельзя не видеть в этом благословения Божьего.

Во время трехлетнего тюремного заключения брата Су много пытали и истязали. Тюремные чиновники надевали ему наручники отдельно на запястья и приковывали его к металлическим воротам так, чтобы при открытых воротах он повисал на руках в положении распятия, от чего его внутренности мучительно напрягались и опускались.

Затем его мучители закрывали ворота, давая Су минутное облегчение, и снова открывали их. Они повторяли эту пытку много раз подряд. Брат Су говорил позже: "В некоторой мере я узнал, что за муки на кресте пришлось испытать Иисусу".

В мае 2000 года меня пригласили в Соединенные Штаты. Был запланирован ряд выступлений. Я знал, в какой день должны были освободить брата Су, и хотел удивить его. Служба безопасности в тюрьме действовала особо тщательно, так что брат Су ничего не знал, что произошло со мной после побега в 1997 году. В течение трех лет он ничего не слышал обо мне. Был ли я убит, арестован или скрывался где-то. Обо всем он узнал только после своего освобождения.

И вот брат Су на свободе! Не прошло и минуты после его освобождения, а я уже вызвал брата Су по мобильному телефону его друзей. Мне ответил низкий, бархатный голос Су. "Дорогой мой брат Су", - дрожащим от волнения голосом сказал я, "это я, твой бывший сокамерник Юн! Я звоню тебе из Америки! Могучая рука вывела меня из Китая!"

Брат Су со сдержанной радостью в голосе воскликнул: "Слава Богу! Господь вывел тебя из Китая, так что китайские и западные церкви теперь имеют возможность благовествовать вместе. Ты станешь свидетелем чудесных дел Господа в Китае!"

Мы говорили взволнованно и громко, пытаясь восполнить за несколько минут три года молчания, которые прошли с того момента, когда мы в последний раз обнялись друг с другом на прощанье.

В юности брат Су был для меня отцом по вере. Я считал его великим вождем китайской церкви. Такое же отношение к нему у меня сохранилось и до сих пор, но в последние годы я осознал, что брат Су стал мне дорогим братом по вере. После моей семьи, брат Су для меня самый дорогой и бесценный сотрудник в деле евангелизации.

Назад в Иерусалим.

Хотя Китай находится очень далеко от Иерусалима, один из удивительных фактов истории состоит в том, что святую землю с Китаем связывает вот уже более двух тысячелетий одна дорога.

Согласно некоторым преданиям этой дорогой Благая Весть пришла в Китай, быть может, уже через несколько десятилетий после смерти и воскресения Иисуса. Семь столетий назад известный исследователь Марко Поло проделал путь в Китай по той же дороге. Этот важнейший путь давал возможность травам, пряностям, разным драгоценностям попадать в Китай, а кроме того, новым верованиям и армиям захватчиков наводнять его пределы. С другой стороны, Иерусалим выступал в роли центра вселенной, из которого китайские товары расходились по Европе, Северной Африке и Ближнему востоку.

Европейская знать поражалась, увидев впервые тутового шелкопряда - самую замечательную тварь, вывозимую из Китая. Она-то и дала имя этому пути - шелковый путь.

В наши дни народы, живущие вдоль древнего шелкового пути, слышат Благую Весть меньше других народов мира. Колыбель трех величайших религиозных твердынь - ислама, буддизма и индуизма, вставших на пути распространения Евангелия, - находится именно здесь. Более 90% не охваченных благовествованием народов мира живет вдоль великого шелкового пути и в ближнем зарубежье Китая. Два миллиарда жителей земли обитают в этом регионе планеты, не зная Благой Вести о том, что Иисус умер за их грехи, и что Он - единственный путь в небо!

В 20-х годах XX века Бог воздвиг церковь под названием "Семья Иисуса", которая пешим ходом понесла Благую Весть из Китая в Иерусалим. Верующие назвали свою миссию "Назад в Иерусалим". (Однако миссионерством среди народов Азии и Ближнего Востока занимались и другие китайские церкви).

Члены церкви "Семья Иисуса", основанной в 1921 году в провинции Шаньдун верующим китайцем по имени Цзин Дянь-Инь, считали, что все обязаны продавать свое имение и раздавать другим членам Семьи. Лозунг церкви "Семья Иисуса" обобщал в пяти словах их завет с Иисусом и аскетический образ жизни: "Жертва, отречение, бедность, страдание, смерть".

Их цель была возвещать Благую Весть, переходя из одного места в другое. Образец общинного образа жизни и глубокая христианская любовь членов "Семьи Иисуса" поражали многих наблюдателей и привлекали всех, кто ищет ответы на сложные жизненные вопросы, а также бездомных, нищих и презренных. Много слепых и нищих вливалось в "Семью Иисуса", получая жизнь вечную во Христе.

Церкви "Семья Иисуса" умножались, но вместе с тем умножались и их страдания. Зачастую, когда церковь "Семья Иисуса" вступала в новый город, навстречу им выходило все население, чтобы избивать, оскорблять и издеваться над ними. Однако подобное сопротивление не останавливало их, и во время благовестия всегда находились люди, которые бросали все и следовали за Иисусом.

К концу 40-х годов в Китае насчитывалось уже более 100 общин "Семья Иисуса", численностью примерно в 20 000 человек. Многие верили, что Бог призывает их отправиться пешком в Иерусалим, благовествуя и проповедуя, чтобы Царство Божье утверждалось во всех народах. Через много лет, пройдя тысячи миль, группа преданных проповедников Благой Вести оказалась в пограничном городке Кашгар в Синьцзяне на северо-западе Китая.

Осенью 1995 года я проповедовал в одном собрании в центральном Китае. Господь возбудил во мне высокое стремление сделаться частью Его замысла: послать множество китайских христиан в индуистские, буддистские и мусульманские страны в качестве служителей - миссионеров. Я поставил перед слушателями цель - искать водительства Божьего. Я призывал не только продолжать настоящее служение, но и расширять его горизонты, чтобы благовествовать в сопредельных с Китаем странах, до сих пор не охваченных проповедью.

Как-то в старой книге о движении "Назад в Иерусалим" я нашел один гимн, и сейчас я пел его со слезами на глазах :

Вы взоры на запад свои устремите -

На нивах созревших работников нет...

О, сердца Господня не огорчите,

Своим безучастьем нарушив завет!

Пусть слезы ручьями из глаз наших льются,

Пусть Божья роса орошает нам грудь,-

Мы выше поднимем знамена Иисуса,

И выйдем на запад заблудших вернуть!

Последняя битва все ближе и ближе,

И трубы тревожней и громче звучат!

Быстрее облакайтесь в оружие Божье,

Чтоб души заблудших не ринулись в ад!

Кому-то уж смерть постучалась в ворота,

Весь мир побеждается мерзким грехом,

И честно трудиться - вот наша забота,

Чтоб выдержать смертную битву со злом!

С надеждой и верой мы выйдем на битву,

И все, даже семьи свои, отдадим!

Свой крест мы поднимем и после молитвы,

Домой все отправимся - в Иерусалим!

Воспевая этот гимн, я обратил внимание на одного старца в собрании, который был явно растроган. Он плакал, едва сдерживая рыдания. Я не знал его, и связал его слезы с темой проповеди! Белобородый, седой старец медленно вышел вперед и попросил слова. В собрании воцарилась почтительная тишина.

И он стал рассказывать: "Меня зовут Симон Цзао, я служу Богу. Сорок восемь лет назад я и мои сотрудники написали эту песню, которую ты только что спел. Все были замучены за веру в Иисуса, - он продолжил, - и я был одним из руководителей движения "Назад в Иерусалим". Мы прошли пешком через весь Китай и всюду благовествовали.

Наконец в 1948 году, после многих лет страданий, мы дошли до пограничного города Кашгара в Синьцзян - Уйгурском автономном районе. Мы остановились на некоторое время, рассчитывая оформить визы для путешествия по Советскому союзу. Конечно, мы испытывали страх и тревогу, но вместе с тем и приятное волнение в ожидании будущего путешествия!

Но нам не удалось покинуть Китай: в те дни китайская Красная Армия под руководством Председателя Мао захватил Синьцзян. Границы были закрыты сразу же. В стране была установлена жестокая "диктатура пролетариата". Всех руководителей нашего движения арестовали. Пятерых из нас осудили на сорок пять лет каторжных работ. Все братья давно уже умерли за решеткой, выжил только я один. В 1988 году, через сорок лет каторги, меня освободили. Ради цели, которую мы поставили перед собой, то есть, ради благовествования по пути из Китая в Иерусалим, я провел на каторге сорок лет".

Все собрание было потрясено. Мы сидели с открытыми ртами, многие плакали.

Я попросил Симона Цзао: "Дядюшка Симон, пожалуйста, расскажите нам еще".

Он продолжил: "Когда Господь поставил перед нами эту цель, мы с женой были женаты всего четыре месяца. Моя красавица жена была уже в положении. Нас обоих арестовали и бросили за решетку. Жизнь в тюрьме была невыносима зимой, и у жены случился выкидыш", - он отер слезы и продолжил, - "в то время коммунисты расправились с многими миссионерами и новообращенными китайцами. В первые месяцы своего заключения, в 1948 году, я видел мою дорогую жену только два раза, да и то издали, через решетку. Больше я ее не видел никогда. Ко времени моего освобождения, сорок лет спустя, моя драгоценная жена была уже давно у Господа".

Мы все рыдали и верили, что стоим на святом месте, в присутствии Господа.

Я спросил дядюшку Симона: «Когда вас освободили из тюрьмы в 1988 году, вы все еще мечтали в сердце о походе в Иерусалим?» Он ответил на мой вопрос песней:

Сколько лет дуют свирепые ветры!

В который раз собираются свирепые тучи,

И ледяные дожди не дают нам рассмотреть жертвенник божий,

Тот жертвенник Божий, откуда возносятся наши жертвы.

Сокрушенные сердцами, плачут наши старейшины:

Разбрелись во все стороны стада Господни.

Горькие слезы исторгает лютый ветер.

Куда же ушел добрый Пастырь?

Куда ушли воины Божии?

Куда ж они ушли?

Куда ушли?

Куда?

После того, как дядюшка Цзао немного отдохнул, я спросил его снова: «Дядюшка Цзао, вы все еще храните эту мечту в своем сердце?» Он продолжил пение,-

Иерусалим, ты в моих мечтах

Иерусалим, ты в моих слезах

Я искал тебя и нашел тебя

В пламени жертвенника –

Я искал тебя и нашел тебя

В израненных руках Иисуса.

Мы скитались по миру горя,

Мы скитались по миру сует,

И брели в направлении

Своей небесной отчизны

Долиной смерти сорок лет.

И я разучился плакать.

Иисус расторгнул узы смерти

Иисус пришел. Чтоб нам

Открыть стезю ко славе!

Ради нас бывшие посланники

Проливали кровь и слезы –

Так исполним призыв Божий!

Он говорил, и его голос дрожал: «Каждый вечер на протяжении сорока лет я обращался на запад, к Иерусалиму, и плакал к Богу : «О Господи! Мне никогда не дойти до Иерусалима на своих ногах. Наша мечта не осуществилась, мы не достигли цели. Отче Небесный, прошу Тебя, воздвигни новое поколение китайских христиан, которые не пожалеют жизни, чтобы благовествовать по пути в Иерусалим, в место, откуда и начали возвещать Благоую весть».

Я взял его за руку и уверил: «Движение, которое возникло в годы вашей юности, не остановится! Мы продолжим его!»

Эти слова пролились бальзамом на его страдавшее сердце. Он встал, возложил руки на нас и благословил словами из Евангелия от Луки 24:46-48: «Так написано, и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима. Вы же свидетели сему».

Слова этого брата прозвучали как призыв: «Крестный путь обогрен кровью мучеников. Пронесите Евангелие Иисуса Христа через мусульманские страны до Иерусалима! Обратите свой взор на запад!»

Это собрание стало поворотным пунктом в моей жизни. Я вдруг понял, что Бог передает пылающий факел из рук этого дорогого старца китайским домашним церквам, поручая исполнить этот великий труд.

Еще до того собрания Господь положил мне на сердце образовать миссию «Назад в Иерусалим», но после выступления Симона Цзао это стало главной целью моей жизни. **Я предельно ясно понял, что китайским домашним церквам суждено сокрушить последние духовные твердыни мира – дом Будды, дом Мохаммеда и дом Индуизма** - и возвестить славное Евангелие всем народам перед вторым пришествием нашего Господа Иисуса Христа!

Надо иметь в виду, что когда мы говорим о миссии «Назад в Иерусалим», мы не ставим Иерусалим нашей конечной целью. Мы не собираемся там на великую конференцию!

Иерусалим был отправной точкой для евангелизации две тысячи лет назад, и мы считаем, что эта евангелизация, пройдя через все страны, должна закончиться в Иерусалиме. Наша цель благовествовать не только в Иерусалиме! Мы хотим проповедовать во всех странах, городах и селах, не охваченных благовестием, по пути из Китая в Иерусалим.

Цель миссии «Назад в Иерусалим» в настоящее время является основной целью всех домашних церквей «Ассоциации Синим». Это незаурядный факт. Это главное направление и центр всей нашей деятельности. Мы говорим об этом за завтраком, обедом и ужином. Мы постоянно молимся об этом - просим Бога послать тружеников на нивы Божьи и удалить все преграды. Мы видим наши мечты исполнившимися.

Несколько лет назад старейшины «Ассоциации Синим» молились о своем участии в миссии «Назад в Иерусалим». Мы тогда объединялись, и все сети домашней церкви, вошедшие в объединение, указали численность служителей – миссионеров, которых они обязались подготовить послать за границу. Когда мы сложили эти цифры, получилось 100 000. То есть, в будущем мы намерены послать за пределы Китая 100 000 миссионеров!

Более глубокие исторические исследования показывают, что имелось три основных шелковых пути из Китая. Лучшее всего известен путь, что берет начало в Синае и проходит через Среднюю Азию и сердце исламского мира. Второй знаменитый торговый путь шел по Тибету, через Гималайский хребет в Бутан и Непал, а затем в Пакистан, Афганистан и Иран, сливаясь с главной дорогой в Иерусалим. Третий шелковый путь пролегал по юго-западу Китая, где в наше время живут неохваченные евангелизацией национальные меньшинства. Оттуда он направляется в южный Вьетнам, а затем на запад в Лаос, Камбоджу, Таиланд, Бирму и Индию. Этот путь проходит через центры современного буддистского и индуистского миров.

Внимательно рассмотрев эти факты, старейшины домашних церквей согласились с тем, что Бог призывает нас отправиться с благовестием по этим трем основным путям. Святой Дух уже призвал

несколько сетей домашней церкви трудиться в определенных провинциях. Например, в одной из этих сетей уже имелось много миссионерских семей, работающих в районе Тибетской автономной области. Для них полем миссионерской деятельности, естественно, стал путь через буддистский Тибет. Другая сеть в течение многих лет занималась благовестием среди национальных меньшинств, живущих на юго-западе Китая. Большинство этих племен просачивается через границы Китая в сторону Вьетнама, Лаоса, Таиланда и Мьянмы. Эта сеть возложила на себя ответственность за евангелизацию на южном шелковом пути.

Мы отдаем себе отчет в том, что эти народы, мягко говоря, не приветствуют Евангелие. Мы хорошо осознаем, что, например, народы Афганистана, Ирана и Саудовской Аравии вряд ли станут принимать благовестников на своей земле с распростертыми объятиями.

Мы так же понимаем, что для плодотворного миссионерского труда нужны соответствующая подготовка, знание языков, а также финансовая поддержка. В наши дни сотни китайских христиан, готовясь к служению на миссионерских полях за рубежом Китая, изучают иностранные языки, такие как арабский и английский.

Мы начали понимать, что тридцатилетние страдания, гонения и пытки, пережитые домашними церквями Китая, стали хорошей школой для нас. Господь отлично подготовил нас к миссионерскому труду в странах исламской, буддистской и индуистской культуры. Однажды, когда я выступал на западе, один верующий христианин сказал мне: "Я уже много лет молюсь о том, чтобы эра правления коммунистов в Китае закончилась и христиане могли жить в свободе". Мы же молимся иначе! Мы не молимся против нашего правительства. И никогда не проклинаем его. Мы знаем, что Бог имеет власть не только над нами, но и над всеми правителями. Пророк Исаия возвещал об Иисусе: "Владычество на раменах Его"(Ис. 9:6).

Бог использует правительство Китая для Своих замыслов: формирует характер Своих детей и воспитывает их согласно Своим целям. Мы не молимся против той или иной политической системы. Мы молимся лишь о том, чтобы в любых обстоятельствах угождать Богу.

Дорогие братья! Не просите Бога, чтобы прекратились гонения! Не просите облегчить наше бремя - просите Его укрепить нас, чтобы мы могли все перенести! Тогда мир увидит, что Бог с нами и в нас, когда наша жизнь будет отражать Его любовь и божественную силу.

Вот истинная свобода!

Никакая исламская, буддистская или индуистская страна не причинит нам таких страданий, которые бы мы не перенесли в Китае. Худшее, что они могут сделать с нами - это убить нас. Но за всем этим стоит лишь одно - мы получим обещанные награды в славном общении Господа нашего во веки веков!

Миссия "Назад в Иерусалим" - это армия с пушками и всевозможным оружием. Миссия "Назад в Иерусалим" - это не армия блистательных и опытных инструкторов. Это не команда элегантных и знающих профессионалов. Миссия "Назад в Иерусалим" - это армия бедных китайцев, закаленных в горниле страданий, которые им пришлось перенести за многие годы гонений и лишений ради Евангелия. С мирской точки зрения они бедны и вид их невзрачен, но в духовном мире - они смелые воины Иисуса Христа! Мы благодарим Бога, что Он "...избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и

уничуженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, - для того, чтобы никакая плоть не хвалилась перед Богом"(1 Кор. 1 : 27 - 29).

Бог призывает тысячи воинов домашних церквей подтвердить свидетельства своей кровью. Мы пойдем за рубежи Китая, чтобы понести Слово Божье исламским, буддистским и индуистским народам - тысячи наших братьев и сестер во Христе готовы умереть ради Христа. Они хотят увидеть множество спасенных душ, но также пробудить многие спящие церкви на Западе.

В прошлые века сотни западных миссионеров проливали свою кровь на китайской земле. Их пример вдохновляет нас посвятить себя Господу и пойти с Благой Вестью туда, куда Он поведет нас. Многие наши миссионеры будут схвачены, подвержены пыткам и замучены ради Евангелия, но это нас не остановит.

В огненных тридцатилетних страданиях Бог очистил не только нас, но так же и наши методы. Например, мы будем организовывать поместные общины, члены которой смогут собираться по домам, и только. Мы не станем строить церковных зданий! Это даст нам возможность благовествовать более действенно, более конспиративно, и с большей эффективностью использовать все наши ресурсы на евангельское служение.

Некоторые на Западе выступают против нашего миссионерского служения за рубежом Китая. Они предлагают нам оставаться в Китае и приобретать для Христа свою страну, а потом уже отправляться на благовестие за рубежом. Этот не слишком логичный довод я отражаю с помощью простого вопроса: "Почему ваша страна посылает миссионеров? Всякий ли в вашей собственной стране является спасенным?"

Если мы откажемся посылать миссионеров до тех пор, пока не закончим работу здесь, то мы никогда не обойдем с Евангелием весь мир. На самом деле, путь Божий для нас таков: не только посылать новых тружеников приобретать души в своем доме, но и посылать новых тружеников на нивы Божьи по всей земле! Поверьте, наша цель - проповедовать во всем мире - включает благовествование и в Китае!

Одно нисколько не противоречит другому.

Я считаю, что для китайской церкви лучший способ бодрствования кроется в постоянной устремленности ее к всеобщему благовестию. Когда верующие христиане думают о служении Господу и погибающим душам, Бог благословляет их, и церковь не дремлет. Когда мы служим себе и судим друг друга, побеждает сатана, и церковь превращается в бесполезное, непригодное орудие.

Мы знали с самого начала, что дорого заплатим за миссию "Назад в Иерусалим". Я говорю не только о финансовых средствах! Я говорю о множестве братьев и сестер, которым предстоят страдания на пути к намеченной цели. Многим не понадобится обратный билет: они уже никогда не вернутся в Китай, чтобы встретиться снова со своими любимыми.

Мы так же понимаем, что миссии "Назад в Иерусалим" потребуется большая финансовая поддержка, и, хотя наши церкви очень бедны, мы уже собрали десятки тысяч долларов для поддержки наших миссионеров. Подобно Македонским церквям множество китайских христиан отдали буквально все свое имение: "Ибо они среди великого испытания скорбями преизобилуют радостью; и глубокая нищета их переизбыточествует в богатстве их радушия. Ибо они доброохотны по силам и сверх сил - я свидетель"(2 Кор. 8 : 2-3).

Китайская церковь готова платить цену.

С момента выезда из Китая в 1997 году на меня возложена ответственность за подготовку миссионеров и реализацию миссии "Назад в Иерусалим".

Когда первые тридцать девять миссионеров покинули Китай в марте 2000 года, арестованы были все, кроме троих. Однако они не утратили желания благовествовать. После освобождения они снова молились и нашли другой путь перехода границы.

Через год за рубежами Китая было уже более четырехсот китайских миссионеров из домашних церквей. Они служили Господу более чем в десяти государствах. Шлюзы начали открываться.

Каждый посланник миссии "Назад в Иерусалим" проходит подготовку по нескольким основным предметам. Их учат:

1. Как страдать и умирать за Христа. Мы исследуем все, что говорится в Писании о страдании, и преподаем историю народа Божьего, который жертвовал собой ради благовествования во всем мире;
2. Как свидетельствовать о Христе. Мы учим свидетельствовать о Христе в любых обстоятельствах: в автобусах, и даже в полицейских фургонах по пути на место казни;
3. Как бежать ради Христа. Мы знаем, что иногда Господь посылает нас в тюрьмы для свидетельства о Нем, но мы так же считаем, что иногда сатане хочется отправить нас за решетку, чтобы прекратилось служение, исполнить которое нас призвал Бог; мы учим своих посланников особым навыкам, например, освобождаться от наручников и выпрыгивать со второго этажа без особого ущерба для себя.

Всему этому не учат в "нормальной" богословской семинарии и библейском колледже!

Если вам когда-нибудь случится посетить одно из мест, где мы готовим посланников миссии "Назад в Иерусалим", то вы убедитесь, как серьезно мы подходим к Божьему поручению. Вы увидите, как люди с заведенными за спину руками в наручниках прыгают из окон второго этажа!

Другого не дано, когда мы призваны сокрушать стены, препятствующие мусульманам, индуистам и буддистам познавать сладость общения с Иисусом.

Когда старейшины "Ассоциации Синим" узнали о том, каким чудом Бог вывел меня из Китая, они назначили меня своим уполномоченным представителем, чтобы говорить всему миру от имени китайской домашней церкви.

Старейшины "Ассоциации Синим" написали мне следующее письмо :

Нашему возлюбленному брату Юну, близкому другу Господа Христа и человеку, исполненному Духа силы Божьей:

Перед Богом ты как "колесница Израиля и конница Его!" Ты несешь в себе победоносное послание утверждения Царства Христова!

Дорогой брат! Бог через Комитет старейшин "Ассоциации Синим" от имени китайских домашних церквей назначает тебя Уполномоченным представителем за границей!

Бог показал тебе водительством Своим и господством, что душа есть основание благовестия, строительство Церкви - средоточие его, а подготовка тружеников на нивах Его - плацдарм, откуда Царство Божье может расширяться во всех направлениях, достигая всех народов и племен, чтобы всякое место, на которое ступят стопы ног твоих, было в удел наследия твоего!

Вперед к мусульманам, индуистам и буддистам Европы, Америки, Африки, Австралии и Азии!

Мы молимся, чтобы Господь дал тебе мудрости и силы, чтобы проповедь твоя была наделена небесной властью. Подобно факелам, которые Самсон привязал между хвостами трехсот лис, пусть твоя проповедь пылает всюду, куда ты обратишь стопы твои.

Да поможет тебе Господь исполнить святую миссию, которую Он поручил тебе: благовествовать племенам и народам по пути назад в Иерусалим, пока последний ученик Христов не прибавится к Церкви и Невеста не будет готова приветствовать возвращение Господа Спасителя Иисуса Христа, чтобы все царства мира сделались владением нашего Царя! Наша святая цель состоит в том, что Он стал Царем во веки вечные.

Мы готовы сотрудничать с детьми Божьими по всему миру, служа друг другу духовными дарами, чтобы исполнить святое поручение от Бога!

Дорогой брат Юн! Таково убеждение всех служащих Божьих и старейшин "Ассоциации Синим". Да укрепит тебя Господь для исполнения цели, поставленной перед тобой, да поведет тебя за Собой и откроет путь в дальние страны. Мы и все наши сотрудники - твоя твердая опора. Да исполнится благая воля Божья вскоре, на земле как на небе. Аминь!

Твои сотрудники во Христе и старейшины "Ассоциации Синим".

Четыре года на западе.

Мои первые впечатления о западных церквях оказались довольно интересными. Недалеко от восточногерманского лагеря беженцев, куда меня привезли, находилась лютеранская церковь. По воскресным дням я присутствовал там на утреннем богослужении, чтобы в день Господень быть с другими христианами и, слушая проповедника, хоть немного научиться немецкому.

Здесьние собрания, после привычных для меня в Китае, показались мне просто странными! Я сидел в громадном старинном здании на передней скамье перед кафедрой, установленной на большом возвышении, на которое поднимался проповедовать служитель, облаченный в священную одежду. Выступая, он почему-то всегда поглядывал в мою сторону. Несмотря на немалые размеры храма, собрание состояло из горстки седых фрау.

Пастору и пожилым фрау я, по всей видимости, понравился. Языковой барьер не давал нам общаться, но мы могли улыбаться друг другу. У меня сложилось такое впечатление, что пастор рад видеть бедного, постоянно улыбающегося китайца на своих проповедях каждое воскресное утро.

Через некоторое время я снова сидел на передней скамье еще одной церкви на Западе, но уже в ином окружении, совершенно несхожим с лютеранским храмом в Восточной Германии! Меня пригласили выступить в Нью-Йоркской "Церкви на Тайм-сквер".

Мои глаза округлились от изумления. Большой многонациональный хор, облаченный в длинные одинаковые одежды, под руководством регента пел гимн. А позади меня весь зал вдохновенно прославлял Бога многотысячным хором.

Должен признаться, что из сотен церквей, в которых я имел честь проповедовать на всем Западе, больше всего мне понравилась "Церковь на Тайм-сквер".

Теплая и сердечная атмосфера, царящая здесь, покоряет присутствующих, а дух истины смягчает сердца людей и открывает их для Слова Божьего.

Когда я нахожусь в этой большой церкви в центре Нью - Йорка, я могу закрыть глаза и почувствовать себя как будто я снова в Китае.

Через шесть месяцев после моего прибытия во Франкфурт германское правительство предоставило мне статус беженца и выдало мне проездные документы. Меня посещали западные друзья. Мы молились и рассуждали, для чего меня Бог вывел из Китая и как нам трудиться для славы Божьей.

Мы также просили у Бога мудрости, чтобы перевезти мою жену и детей в Германию и начать новую жизнь вместе. В мае 1999 года Делинь, Исаак и Юйлинь, преодолев весь Китай, оказались в Мьянме (бывшей Бирме), где им надо было остаться, как мы думали, на короткое время, до тех пор, пока не будут готовы необходимые документы для их переезда в Германию.

Бог открывал передо мной на Западе двери многих церквей. Я путешествовал с одним верным другом из Скандинавии, моим переводчиком, который переводил мои выступления. С этим братом много лет тому назад я познакомился в Гуйлине, когда Бог соединил нас узами сердечной дружбы для совместного служения Господу.

За последние годы мы объездили Европу, Азию и Северную Америку, призывая народ Божий молиться и сотрудничать с домашними церквями Китая, чтобы не только весь Китай был охвачен благовествованием, но Царство Божие открывалось людям во всех странах на пути из Китая в Иерусалим.

Я часто навещал свою семью в Мьянме, но получить разрешение на ее выезд из этой страны оказалось делом сложным и более трудоемким, чем нам представлялось вначале. По причине задержек, моя семья обосновалась в одном из классов библейской школы и дети стали посещать бесплатную государственную школу в Мьянме.

До того, как мне попасть на Запад, я и представления не имел, сколько здешних церквей пребывает в духовной спячке. Западная церковь казалась мне бодрой и деятельной, ведь именно ее посланники благовествовали в нашей стране с невероятной убежденностью и упорством. Многие из миссионеров не пожалели ради Иисуса самой жизни и были для нас ярким примером.

Временами, когда я выступал в западных церквях, у меня на душе скребли кошки. Наверное, я не понимал чего-то и потому мне бывало тоскливо и беспокойно. Многие здешние общины холодны и лишены того огня и единства, которые отличают собрания в Китае.

На Западе многие христиане имеют материальный достаток, но живут в отступлении. Серебро и золото есть у них, но они не встают, чтобы пойти ради имени Христова. В Китае у нас нет имения, способного удержать нас, и ничто не мешает нам тронуться с места и пойти за Господом. Китайская Церковь подобна Петру в дверях храма, называемых Красными. Пристально взглянув на хромого у этих дверей, Петр сказал: "Серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назарея встань и ходи"(Деян. 3:6).

Я молюсь, чтобы подобным образом Бог употребил китайскую церковь, чтобы она помогла западным церквям встать и пойти в силу Духа Святого. Китайской церкви в ее нынешнем состоянии спать просто не позволят. Всегда находится то или иное обстоятельство, которое подстрекает нас к бегу, а во время бега, понятно, заснуть невозможно. Если гонения прекратятся, я боюсь, мы так же станем беспечными и заснем.

Многие европейские и американские пасторы делились со мной мечтой о великом пробуждении на Западе. Меня часто спрашивают, почему Китай переживает возрождение, а большинство стран Запада - нет. Отвечать на этот вопрос очень долго, однако, некоторые причины этого явления просто очевидны.

Бывая на Западе, я вижу огромные церковные здания, всевозможное дорогое оборудование, богатый интерьер и суперсовременные акустические системы. Я совершенно уверен в том, что Западная церковь не нуждается в церковных зданиях. Церковные здания никогда не принесут возрождения, о котором вы мечтаете. Погоня за еще большим материальным благополучием никогда не обернется возрождением. Воистину, как сказал Иисус: "... жизнь человека не зависит от изобилия его имения "(Лука 12 : 15).

Первое, что необходимо вашим церквям для возрождения, - это Слово Божие. Да, да! Слово Божие у вас отсутствует. Конечно, у вас имеется множество проповедников и тысячи библейских учебных аудио - и видеокассет, но только немногие из них несут истину Слова Божьего. Но ведь только истина Слова Божьего может освободить вас.

Мало того, что у вас отсутствует знание Слова Божьего, у вас **нет повиновения этому Слову**. Ведь вы почти ничего не делаете.

Возрождение в Китае побудило тысячи благовестников понести огонь с жертвенника Божьего во все концы страны. Когда Бог начинает действовать на Западе, вам, по всей видимости, хочется остановить Его и наслаждаться Его присутствием так долго, что вы начинаете довольствоваться собственными чувствами.

В действительности **вам никогда не познать Слова Божьего, пока вы не захотите, чтобы оно изменило вас.**

Всякое истинное возрождение вдохновляет верующих действовать и приобретать души для Христа. Если Бог действительно коснется вашего сердца, то молчать вы уже не сможете. В ваших костях вспыхнет огонь, как сказал о том Иеремия: "Но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог "(Иер. 20 : 9).

Кроме того, лишь следуя за Господом в полном послушании и свидетельствуя людям о Христе, мы обретаем благословения Божьи во всех сферах нашей жизни. Вот почему апостол Павел и пишет своему соратнику Филимону: "Благодарю Бога моего, всегда вспоминая о тебе в молитвах моих, слыша о твоей любви и вере, которую имеешь к Господу Иисусу и ко всем святым, дабы общение веры твоей оказалось деятельным в познании всякого у вас добра во Христе Иисусе" (Фил. 4-6).

Я наблюдал верующих в западных церквях. Они поклоняются Богу так, словно они уже на небесах. Потом неизменно кто-то выступает с бодрой проповедью о Христе, говорящем: "Дети Мои, я возлюбил вас. Ничего не бойтесь, ибо Я с вами". Не имея ничего против таких слов, задам вам один вопрос. Почему никто не слышит других слов, например: "Дитя Мое, Я хочу послать тебя в азиатские трущобы и африканскую тьму, чтобы ты стал Моим свидетелем народам, погибающим во грехе?"

Множество церквей на Западе довольствуются тем, что отдают Богу минимум, а не максимум своего. Я видел, как жертвуют на Западе. Люди ищут и достают из толстых бумажников наименьшую из ассигнаций. Но разве можно отделаться этим! Иисус не пожалел для нас собственной жизни, а мы ради Него отнимаем от своей жизни, времени и средств малейшее из возможного. Какой позор! Покайтесь!

Покажется странным, но я тоскую здесь по тому, как жертвуют на дело Божье в Китае. Например, ведущий собрание объявляет: "Завтра на ниву Божью отправляется еще один миссионер". И тотчас все до одного начинают опустошать свои карманы. На эти средства новый миссионер купит завтра билет на поезд или автобус и отправится в путь.

Нередко бывало, что пожертвования простых верующих являлись не только их дневным пропитанием в тот момент, но и всем состоянием.

То, что у вас имеются роскошные церковные сооружения, вовсе не значит, что Иисус пребывает в них. Сегодня во многих церквях Он не очень желанен. В книге Откровения 3:20 Иисус говорит: "Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и Он со Мною".

Часто этим стихом приглашают покаяться во грехах и войти в Царство Божье, хотя на самом деле контекст, в котором Иисус говорит эти слова, совершенно иной. Иисус стучится, стоя за дверью Лаодикийской церкви, и желает войти!

Безусловно, спят не все западные церкви! Общим для всех духовно сильных церквей, которые мне удалось посетить на Западе, является, как я думаю, преданность и жертвенные служения в поддержку миссий среди народов, еще не охваченных евангелизацией.

Я говорю не только о благовестии на местах и даже не о попытках открывать новые церкви в других городах вашей страны. Я говорю о сердечном устремлении утверждать Царство Божие среди народов, погрязших без Евангелия в духовной тьме, тех уголков земли, где никто не слышал даже имени Иисуса. Когда вы начнете приносить в жертву свое время, молитвы и материальные средства, то вскоре испытаете благословение Божие в своей жизни.

Великое поручение ничуть не изменилось. Многие церкви хотят устроить небеса уже здесь на земле, но до тех пор, пока западные церкви не примут от всего сердца Великого поручения и не отправятся с Евангелием во все концы земли, они будут заигрывать с Богом, не принимая всерьез Его истин. Многие внешне прекрасные церкви мертвы внутренне. **Если вы действительно хотите видеть действие Божие, вы обязаны исследовать Библию и повиноваться всему, что велит Бог.**

В 1999 году меня попросили выступить на конференции в Финляндии, на которой собралось около тысячи церковных лидеров. Главным оратором был известный американский проповедник. Темой его выступлений неизменно была Божья любовь и благодать. Во время молитвы люди падали на пол и смеялись.

После своего выступления я призвал людей преклонить колени перед крестом Христовым, и люди плакали! Как правило, сначала слезы сокрушения - потом благословения. **Господь никогда не прольет благословений Своих на неосвященную и самолюбивую плоть.** Крест Христов должен быть в центре всех наших дел.

Так поступая, вы переживете духовное пробуждение. Хотите ли вы посвятить всего себя Богу и служить Ему от всего сердца?" И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде - как звезды, вовеки, навсегда" (Дан. 12 : №).

Многие христиане задают мне такой вопрос: отчего это чудеса, знамения и силы, столь явно распространенные в Китае, на имеют места на западе?

Люди на западе живут в условиях "земного рая". Вы застрахованы почти от всего. В определенном смысле Бог вам не нужен. Когда мой отец умирал от рака желудка, мы продали все, пытались вылечить его. Когда иссякли все средства, у нас не осталось ничего, кроме надежды на Бога. Мы обратились к Нему в отчаянии и увидели, как милостиво Он ответил на наши молитвы и исцелил моего отца. Мы решили, что Бог, способный на такие чудеса, способен на все! И тогда наша вера стала возрастать и мы стали свидетелями многих чудес.

Величайшие чудеса в Китае - не исцеления, или еще что-либо, а души, преображенные Евангелием. **Мы считаем, что не должны следовать за чудесами и знамениями, но чудеса и знамения должны следовать за нами, когда мы возвещаем Благою Весть.** Мы взираем на Иисуса!

Пастор любой домашней церкви в Китае положит жизнь ради благовестия. Когда мы следуем этим путем, мы видим Бога, творящего дела по Своей благодати.

В последние годы я больше всего переживал разлуку с дорогой матерью.

На седьмом десятке лет мою мать разбил паралич. После обследования врачи определили ее состояние безнадежным и сказали, что она никогда не поправится. Когда мне передали о ее неизбежной кончине, я находился в заключении и посетить ее не мог.

В бессознательном состоянии ее отправили из больницы домой умирать. Возле нее собрались верующие и молились о ее здоровье. И тогда в комнате, переполненной людьми, она пришла в себя и стала славить Бога! Постепенно она поправилась, окрепла и смогла даже посетить меня в тюрьме. По ее словам, наша встреча была великой милостью Божьей.

Несколько лет спустя, в сентябре 1996 года (за год до моего выезда из Китая), когда я проповедовал за пределами Хэнаня, мне передали по телефону, что матушка моя снова в больнице и частично парализована.

Я немедленно оставил собрание и поспешил на поезд в Хэнань. Добравшись до больницы, я увидел перекошенное, смертельно бледное лицо матушки.

Она открыла глаза и шепотом сказала, что ей хочется надеть белое платье, так как она собралась на встречу с Иисусом. Во время того посещения, однако, Господь дал мне ясно понять, что она не умрет. Я горячо помолился о ней, запрещая болезни во имя Иисуса. Она почувствовала приток сил во всем теле, поднялась с постели и прошлась по палате! Лицо ее стало обычным. Врачи, войдя в палату, утратили дар речи.

Летом 1998 года, когда я уже был в Европе, матушка перенесла третий серьезный приступ болезни. На этот раз никто уже не сомневался в том, что она умрет. Даже мои родные оставили надежду, и одели ее в белые погребальные одежды. Они даже купили гроб и поставили его у нашего дома.

Всю жизнь мы были близки с матушкой. Мы пережили вместе много доброго и худого. Мне сообщили о ее очередном приступе, когда я находился на другой стороне планеты - проповедовал далеко в Швейцарии. Я позвонил домой в Китай и попросил приложить телефонную трубку к уху матери. И вот что я сказал тогда ей: "Мама, ты слышишь меня? Иисус любит тебя, и Он исцелит тебя!"

Стоило ей услышать эти слова, "Иисус любит тебя", как она поднялась с кровати и начала с ликованием пританцовывать! Вновь Господь сохранил ее, вырвав из когтей смерти.

Наконец, во время моего пребывания в Германии, пятого декабря 2000 года мне позвонили из Китая. Моя мать перешла в вечность. Я не мог присутствовать на похоронах, ведь для меня оказаться в Китае - это значит быть арестованным за все мои прошлые "преступления". Со слезами я благодарил Бога за мать, которую Он даровал мне, и за ее мужество, с которым она переносила все жизненные невзгоды. Подобно паруснику в бушующем море, она многие годы боролась с волнами испытаний и бед, но теперь благополучно вошла в тихую гавань.

Мне прислали видео запись похорон матери, и это было для меня утешением в печали. На похороны собрались сотни верующих из разных домашних церквей, включая старейшин. Почтить мою мать прибыли братья и сестры, которых я не видел многие годы; среди этих братьев и сестер были главы китайских церквей, упомянутые в этой книге. Присутствие на похоронах моей матери означало для них огромный риск, поскольку многие из них были объявлены властями в розыск. Некоторые из них уже долгое время находились на нелегальном положении - их имена находились в списке наиболее опасных преступников Китая. И все же они не могли остаться в стороне. Они все собрались, чтобы почтить мою матушку, в уезде Наньян, в южном Хэнане, на том месте, где много лет тому назад Бог впервые коснулся наших сердец.

На похоронах выступил брат Су: "Брат Юн, его жена и двое детей не могут сегодня присутствовать на похоронах своей матери, но все собравшиеся здесь - ее дети в Господе".

Я возблагодарил Бога за мою мать. Я вспомнил, как двадцать лет тому назад Господь, коснувшись ее сердца, благословил ее, а потом и нас, хотя мы были бедны и презираемы, и жили в скромном, малоизвестном уголке Китая.

Я думал о том, с какой силой действовал Господь все эти годы не только через наше семейство, но и через тысячи других семей, чтобы сегодня в одном только Хэнане насчитывалось миллионы верующих христиан и несколько десятков миллионов по всему Китаю.

Я вспомнил, как моя мать - когда я был еще подростком - посвятила меня в молитве на всемирное благовестие. В то время это было невозможно, ведь границы Китая были на замке, но она верила, что Бог способен творить невозможное, и ее молитва не осталась безответной.

Больше всего я сожалею о том, что я так и не мог попрощаться с ней. В последний раз я видел ее после своего побега из тюрьмы. Я постоянно поддерживал с ней связь, но уже много лет не имел возможности вернуться домой. Я помню ее последние слова: "Сын, когда ты вернешься?" Я хотел успокоить ее и сказал: "Скоро, мама. Скоро".

Делинь.

Когда мы прибыли в Мьянму, мы совершенно не предвидели того, что нас ожидает. Я знала одно: если Бог сочтет нужным вывести нас отсюда - Он выведет нас, а если сочтет нужным оставить здесь - мы останемся. Надо признаться, что для меня наступили хорошие времена. Каждый день мы общались с братьями и сестрами. Здесь, после нескольких совершенно безумных лет, которые мы провели на родине, нам наконец-то удалось наладить быт. С 1996 года мы просили Господа поместить нас в более спокойную обстановку, чтобы наладить нормальную жизнь семьи. Когда стало ясно, что мы задержимся в Мьянме надолго, Исаак и Юйлинь включили в списки местной школы. В Мьянме наши дети стали получать хорошее образование, и я очень довольна ими. Исаак - живой, энергичный мальчик. Мы можем с уверенностью сказать, что Бог сотворил в его жизни нечто особенное. Когда я носила сына под сердцем, Юн держал длительный пост. Первые четыре года жизни Исаака его отец находился в заключении. Я думаю, что в известном смысле Отец Небесный стал отцом Исааку вместо его земного отца, страдавшего в узах за Христа, и, когда во время долгих периодов заключения Юна в тюрьме Исааку запрещали ходить в школу, образованием Исаака занимался Сам Бог.

Преподаватели и ученики оскорбляли Исаака, и ему пришлось пройти через такие испытания, которые в его возрасте выпадают немногим. Сначала он вместе с нами скрывался от полиции, а затем пересек границу и оказался в чужой стране, языка которой не знал.

Когда мы прибыли в Мьянму, дети не говорили на языке бирманцев. Этот язык совершенно не похож на китайский. Бог помог им освоить его необыкновенно быстро и, меньше чем за полтора года после прибытия в страну, Исаак стал одним из лучших учеников школы. Его отметили особой похвальной грамотой и напечатали про него в газете, что сильно обеспокоило нас: ведь никто не должен был знать, что мы находимся в этой стране. Мы старались не привлекать внимания других!

После всех испытаний, которые перенес Исаак, удивительно то, что он вообще остался нормальным ребенком, и сегодня он способен говорить на мандаринском и сяньском диалектах китайского языка, на языках бирманцев, лису, канчинов, а также по-немецки! Он так развит лишь потому, что его образованием занимался Сам Бог в ответ на наши отчаянные просьбы о помощи. Исаак любит Господа от всего сердца. По окончании библейской школы он сказал: "Я буду служить Богу всю свою жизнь".

Что касается Юйлинь, то это особый дар от Бога. У нее доброе сердце и огромная любовь к Господу. Кроме того, в Юйлинь формируется пламенная и сильная личность. Она хочет одного - служить Иисусу. Юйлинь сострадательна к людям. Она желает пребывать в истине, не склоняясь к компромиссам.

Дети, которых даровал нам Господь, - это самое большое благословение для нас с Юном.

Новые гонения.

В сентябре 2000 года я приехал на три недели в Канаду. Все дни и вечера были расписаны по часам. На каждый вечер в разных городах были назначены встречи. Я был рад возможности поделиться с верующими по всей Канаде тем, что Бог творит в Китае, а также побудить канадскую Церковь поддержать евангелизационное движение "Назад а Иерусалим".

В ночь перед вылетом в Торонто мне было ясное видение от Бога. Я увидел себя внутри какой-то церкви за подготовкой к предстоящей проповеди. Открыв свою Библию, я обнаружил, что все мои заметки пропали. Озадаченный этой пропажей, я зачем-то вынул из кармана бумажник и положил его на раскрытую Библию. Неожиданно из дыры в стене, за моей спиной, появилась крыса. В мгновение ока она проглотила мой бумажник и скрылась в норе.

Я расценил это как нападение не самой крысы, а злой силы в образе крысы.

В том сновидении я рассердился и, схватив длинный стальной прут, сунул его в нору, чтобы прикончить крысу. Уткнувшись пруту в дно норы, я подумал, что мне все-таки удалось убить крысу. Я вытащил прут из дыры, но вслед за пруту вышла и крыса. Не успела она выйти из норы, как превратилась в петуха.

Этот петух кукарекал и скакал по кругу, размахивая крыльями и создавая ужасный шум. Я ударил его стальным пруту. Удар пришелся по голове, и петух в тот же миг превратился в беса в образе обворожительной, длинноволосой женщины. Она съежилась и стала протестовать: "Почему ты бьешь меня? Ведь я же человек, как и ты. Не понимаю, почему ты преследуешь меня. Отпусти меня, пожалуйста!"

Я ответил: "Мне все равно, кто ты. Ты похитила мои заметки и бумажник". Я загородил собой выход, чтобы не дать ей уйти. Я понимал, что имею дело с бесом, а не с реальной женщиной, и ударил эту женщину так, что она упала без сознания.

Потом я проснулся.

Не понимая значения сна, я попросил Господа открыть его мне.

По прибытии в Канаду я решил рассказать об этом сне своим сотрудникам. Мне хотелось понять, что бы этот сон мог значить. Во время завтрака я сказал переводчику: "Господь вразумляет меня этим сном. Некто пытается вырвать Слово Божье из моих рук и похитить средства, предназначенные для помощи домашним церквям. Мне предстоит духовная борьба. Сопротивление нападкам врага вызовет две ответных реакции со стороны нечистой силы.

Сначала мы столкнемся с реакцией громкой и враждебной, подобной петуху из моего сна. Потом бес в образе обворожительной женщины, заявляя о своей невинности, постарается воздействовать на нас и с помощью лжи и лукавства воспрепятствовать нашему служению".

На второй день мне предстояло выступить в одной христианской телевизионной программе в Торонто. После беседы к нам подошел один брат с распечаткой какой-то статьи, которую ему прислали по электронной почте. Его бледное лицо выглядело крайне озабоченным.

"Брат Юн, - сказал он, - "давай присядем. Боюсь, у меня плохие новости для тебя".

С помощью нашего переводчика я познакомился с содержанием этой статьи, написанной одним христианским журналистом из Калифорнии. В тот день утром эта статья была разослана тысячам читателей во всем мире. Я никогда не встречался с автором этой статьи и даже не слышал о нем, тем не менее, он ожесточенно нападал на меня, ссылаясь на одного анонимного "китайского осведомителя".

В этой статье говорилось о том, что я лгу о своем чудесном избавлении в 1997 году; что мои заявления о посте в 74 дня просто сфабрикованы; что никто и никогда не ломал мне ног, и что я не был ни представителем, ни старейшиной "Ассоциации Синим".

Сильнее всего, в связи с этой статьей, меня огорчали следующие два обстоятельства. Во-первых в статье говорилось, что моя семья скрывается в Мьянме. Разглашение этого факта угрожало моим близким. Я беспокоился об их безопасности. Меня волновало не только то, что эту статью прочтут власти в Мьянме и начнут разыскивать моих родных, но также и то, что китайское правительство потребует их высылки в Китай и будет судить.

Я с нетерпением ждал наступления рождественских праздников, чтобы провести их с семьей в Мьянме. В предыдущем году я впервые за тринадцать лет провел Рождество с женой и детьми. Из этих тринадцати лет семь рождественских праздников я провел в местах заключения, а другие пять не мог быть на Рождество с семьей из-за того, что скрывался от полиции или был занят служением.

Теперь, когда в этой статье объявлялось местонахождение моей семьи, я уже не смогу отправиться на Рождество в Мьянму. Я был совсем расстроен.

Во-вторых, в этой статье меня сильно ранило следующее обвинение: "Вероятнее всего, это просто Иуда, который выдал лидеров домашних церквей в Китае в период жестоких гонений, предпринятых в 1999 году. Именно его деятельность принесла ущерб китайским домашним церквям и привела их к разделению".

Услышав эти слова, я был поражен в самое сердце. С тех пор, как Господь открылся мне в 1974 году, я никого и никогда из числа верующих в Китае, не предавал. В пытках и мучениях я провел в узах много лет именно потому, что не желал быть Иудой в Церкви Христовой.

Я поблагодарил Господа за то, что Он заранее подготовил меня через сновидение о крысе, петухе и обворожительной женщине.

Теперь все наше канадское предприятие оказалось в опасности, поскольку лидеры местных христианских деноминаций прочли эту статью и решили отменить встречу.

Главы китайских домашних церквей, включая всех старейшин "Ассоциации Синим", были уведомлены о сложившейся ситуации в течение первых суток. И тотчас по факсу полетели на Запад подписанные известными главами домашних церквей, таких как Су Юн-дзе и Чжан Ронлян, заявления о том, что все обвинения, выдвинутые в этой статье против меня, совершенно не обоснованы. Кроме того, они подтверждали, что я действительно являюсь старейшиной и уполномоченным представителем "Ассоциации Синим".

Мне пришлось бороться с новой формой гонений в течение нескольких дней после этой вражеской атаки, которая, как видно, была преднамеренно совершена перед самым началом нашего запланированного мероприятия в Канаде.

Пережив в Китае побои, истязания электрошоком и всякого рода издевательства, я считал, что теперь, на Западе, закончились дни моих гонений.

У меня не умещалось в голове, как человек, совсем не знавший меня, мог написать такую злобную статью. С горечью я говорил своим друзьям: "Отчего бы этим людям не позвонить нам и лично не добраться до истины самим? Вот же она перед ними!"

Наш переводчик сказал мне следующее: "Брат Юн, эти люди не желают знать истины. Именно поэтому они не звонят тебе и не хотят встречаться с тобой. В Китае христиан преследуют побоями и кандалами. На Западе христиан преследуют языком другие христиане".

Этот новый вид духовных гонений был ничуть не легче физических гонений в Китае, он отличался только по форме.

Я молился и плакал, прося у Господа сил. От всей души я простил этим людям и решил продолжать наши поездки.

Во время посещения Виннипега, Эдмонта и других канадских городов, Господь являл силу и множество церквей и отдельных верующих присоединялись в молитве за общее дело к китайским домашним церквям.

Брат Су.

Услышав, что на брата Юна стали нападать и клеветать во время его служения на Западе, мы, старейшины "Ассоциации Синим", написали в его поддержку письмо следующего содержания:

Брат Юн - слуга Божий и один из пяти старейшин "Ассоциации Синим" домашних церквей Китая. Библия ясно указывает: "Обвинения на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях" (1 Тим. 5 :19). И мы, все подписавшиеся под это письмо, подтверждаем, что брат Юн проповедовал о страданиях Христа как верный служитель Господень. Он - воин Христов, помазанный Святым Духом, воин истины, евангельский первопроходец в нашем веке. Его служение является сильным свидетельством хождения в Духе Святом.

Именно через него в 1996 году Господь основал движение китайских домашних церквей "Ассоциация Синим". Он не только один из пяти старейшин этой Ассоциации, но также преданный, честный, любящий правду, надежный, чистосердечный и богобоязненный слуга Божий. Он имеет доброе свидетельство от внешних, он хороший сын, верный муж и любящий отец.

Этим письмом мы свидетельствуем, что он постоянно старается быть похожим во всем на Иисуса Христа. Вот почему мы утверждаем, что он невиновен перед Богом. В единодушной молитве домашние церкви поддерживают этого слугу Божьего в его служении по всему лику земли, и да будет он благословением для дома Господня от востока до запада. Мы можем оценить его свидетельство одним словом: "истинное".

Старейшины "Ассоциации Синим" и другие сотрудники молятся за него от всего сердца и готовы засвидетельствовать о нем перед Богом, целиком и полностью поддерживают все его служение и выступают в его защиту. Как нам было заявлено прежде, он имеет все полномочия представлять "Ассоциацию Синим" всюду на пяти континентах (Европа, Америка, Африка, Австралия и Азия).

Мы выступаем за единство китайских и зарубежных церквей, членов Тела Христова, за совместный труд и созидание друг друга в любви, чтобы Евангелие Иисуса Христа успешно распространялось по всему миру, до самого Иерусалима.

Аминь!

Юн.

Господь по-разному ведет верующих по жизненному пути, но я убежден, что **всякий христианин рано или поздно встретит на своем пути страдания**. Господь допускает нам эти испытания, чтобы мы смирились и уповали только на Его помощь.

Слово Божье в 1 -ом Послании Петра 4:1 говорит: "Итак, как Христос пострадал за нас плотию, то и вы вооружитесь тою же мыслью; **ибо страдающий плотью перестает грешить**". Я знаю: когда умножаются боли и страдания, мы меньше грешим. Сказать про меня, что я уже "перестал грешить", было бы преувеличением. Я продолжаю жаловаться Богу, когда страдаю.

Степень нашей христианской зрелости во многом зависит от нашего отношения к страданиям. Одни из нас стараются избежать страданий или вообразить себе, что их на самом деле нет, но от такого отношения положение только ухудшается. Другие, в ожидании облегчения, пытаются пережить страдания, не видя в них ничего радостного, светлого. Это отношение лучше, но оно не подразумевает той победы, которую Господь желает дать каждому из Своих детей.

Господь желает, чтобы мы принимали страдание как друга. Мы должны постичь в глубине души, что посредством гонений Бог благословляет нас. Это может показаться невероятным, но с Божьей помощью мы достигнем этого понимания. Именно поэтому Иисус сказал: "Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас" (Матф. 5:11-12).

Мы можем достичь такого состояния во Христе, что станем ликовать и радоваться, когда люди будут злословить нас, потому что мы знаем, что мы не от мира, но наше жительство на небесах. Чем больше нас гонят за Христа, тем большую награду мы получим на небесах. Когда люди злословят вас - радуйтесь и веселитесь. Они проклинают вас - вы благословляйте.

Встретив испытания, примите их и будете свободны!

Если вы усвоите эти уроки, то мир уже ничего не сделает с вами.

Бог свидетель: все пытки и избиения, которые я перенес, не заставили меня возненавидеть моих гонителей. Нет! Я видел их орудиями Божиих благословений и сосудами, избранными Богом, чтобы очищать меня для большего уподобления Христу.

Иногда западные гости в Китае спрашивают нас, в каких семинариях мы учились. Мы отвечаем не в шутку, а всерьез, что много лет учились в Библейской Школе Святого Духа (имеется ввиду в тюрьмах).

Иногда наши западные друзья, не понимая того, что мы имеем ввиду, спрашивают нас: "И какие же материалы вы используете в этой библейской школе?" Мы отвечаем: "Этих материалов немного - кандалы, которыми сковывают нас, и кожаные плети, которыми избивают нас".

В этой тюремной семинарии мы усвоили множество ценных уроков о Боге, которые мы, возможно, никогда бы не узнали из книг. Мы узнавали о Боге в суровых жизненных условиях: о Его верности и любви к нам .

Христианина в узах за Христа нельзя назвать страдальцем. Люди, услышав мое свидетельство, нередко спрашивают: "В тюрьме тебе, наверное, было ужасно" Я отвечаю так: "Что вы имеете в виду? Я был там с Иисусом и тесное общение с Ним приносило мне огромную радость и мир в сердце". Если люди действительно страдают в тюрьме, то, значит, они никогда не имели общения с Богом. **Чтобы иметь общение с Богом, нужно пройти через трудности и страдания, другими словами, крестным путем.** Вас могут не избивать и не заключать в тюрьму за веру, но я убежден, что у всякого христианина окажется свой крест, который он должен нести.

На Западе этим крестом могут быть насмешки, клевета и отвержение. Сталкиваясь с подобными испытаниями, важнее всего не избегать их и не бороться с ними, но принимать их как друзей.

Поступая так всякий раз, вы приобретете опыт живого общения с Богом и получите помощь от Него.

Когда дитя Божье страдает, надо понимать, что Бог допускает это. Он не забыл вас! Дьявол не может погубить вас! Вот какое прекрасное обетование оставил Иисус Своим детям: "Овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их; и никто не похитит их из руки Моей. Отец Мой, Который дал Мне их, больше всех; и никто не может похитить их из руки Отца Моего" (Ин. 10 : 27-29).

Оказавшись в тюрьме впервые, я впал в искушение, задаваясь вопросом, отчего Бог допустил это мне. Постепенно я пришел к пониманию того, что Бог имел более глубокий замысел в отношении моей жизни, чем только служение Ему. **Бог желал, чтобы у нас были тесные, близкие отношения.** Он знал, что легче всего привлечь мое внимание - это предоставить мне отдых за решеткой.

Когда вы услышите, что кого-то из христиан домашней церкви бросили за решетку ради Христа, не просите о его или ее освобождении, пока Господь ясно не укажет, что мы должны молиться именно об этом.

Прежде, чем цыпленку вылупиться, жизненно важно, чтобы он три недели развивался в тепле под защитной скорлупой. Если взять цыпленка из этой окружающей среды на день раньше, он погибнет. Так же и утки должны оставаться в своем "заключении" в скорлупе и только через двадцать восемь дней могут вылупиться. Если взять утенка на двадцать седьмой день, он умрет.

Когда Бог допускает Своим детям пойти в тюрьму, Он всегда преследует определенную цель. Быть может, они станут там Его свидетелями перед другими узниками, или окрепнут духом в новых жизненных испытаниях. Но если мы стараемся освободить их из тюрьмы сами, причем раньше, чем усмотрено Господом, мы можем повредить Его замыслам, и верующие могут выйти из тюрьмы не достаточно зрелыми духовно, как этого желал бы Бог.

Мне часто задают вопросы о правах китайских пасторов. Пастор в Китае не имеет никаких прав, кроме права быть рабом! Каждый в этом мире - раб, каждый может быть рабом греха или рабом Христа. Все наши "права" во власти Иисуса. И **мы должны преклонять колени перед Богом в полной зависимости от Него.**

Христиане в Китае всегда ценят, когда верующие из других стран стараются поддержать их в тюрьмах или в гонениях, но все подобные усилия должны основываться на молитве и воле Божьей, иначе от такой помощи может быть только хуже.

Мир ничего не сделает христианину, который не боится людей.

Внезапная перемена планов.

Моя жена и дети провели в Мьянме почти два года, и вот, наконец, в начале 2001 года мы смогли приступить к переезду. Мы планировали переправить их сначала в Таиланд, а затем в Германию, где надеялись возобновить нашу совместную жизнь. Германское правительство выдало разрешение моей жене и детям присоединиться ко мне и заверило нас в том, что они получат такой же, как у меня, статус беженца.

Поскольку моя семья проживала в Мьянме уже порядочно времени, один из друзей помог нам достать бирманские паспорта. На севере Мьянмы постоянно проводились повальные обыски, и многих китайцев, за неимением оформленных должным образом документов, отправляли обратно в Китай. Такой оборот дела был бы для нас хуже всего, поскольку в Китае мы по-прежнему считались преступниками в розыске. Как оказалось в последствии, наши бирманские паспорта не были оформлены должным образом, хотя поначалу мы и не подозревали об этом.

В феврале 2001 года я вылетел в Мьянму последний раз. Моя семья внутренне приготовилась к отъезду. Согласно нашим планам, Делинь, Исаак и Юйлинь должны были вылететь в один приграничный городок, где им предстояло перейти по суше в Таиланд. Мне же надо было попасть в Таиланд прежде моей жены и детей, чтобы встретить их там.

И, как случается в жизни, наши человеческие планы провалились!

За два дня до моего отъезда из Мьянмы мне было ясное видение от Господа. Я видел, как мы с семьей оставляли Мьянму. Исаак шел впереди. Переходя границу, он очень волновался, но все же ему удалось благополучно пройти таможенную и покинуть страну.

Затем наступила моя очередь. Таможенник взял мой германский паспорт и попросил показать багаж. Обнаружив там мой бирманский паспорт, он велел мне пройти для допроса. Я запомнил таможенника в этом видении, а также обшарпанную и заплеванную комнату, где проходил допрос.

Когда я проснулся, было около пяти часов утра. Я разбудил Делинь: "Господь предупреждает меня. Если мы не будем осторожны, попадем в неприятность при переходе границы. Нужно молиться, чтобы Господь защитил нас".

Об этом сновидении я рассказал еще Исааку и просил его усиленно молиться. В тот же день Исаак вылетел на северо-восток Мьянмы в пограничный городок Тачилек. Делинь и Юйлинь должны были присоединиться к нему на следующий день, чтобы потом вместе перейти в Таиланд.

Невероятно, но через считанные минуты после того, как самолет Исаака приземлился в Тачилеке, там вспыхнула война между бирманскими вооруженными силами и шанской национально-освободительной армией! Вспыхнули жестокие сражения с бомбежкой и артобстрелами. Полеты на Тачилек были отменены на многие недели. Все связи с Исааком были прерваны, так что добраться до него не представлялось возможным. В тот же день я рассказал об этом предупреждении Божьем на встрече со студентами библейской школы, в которой мы остановились, и просил их молиться за нас. Студенты в один голос убеждали меня: "Дорогой брат Юн, у вас не будет никаких проблем! Границу пересечь будет очень просто. Вам нечего опасаться!" Я успокоился и стал уверять себя в том, что ничего плохого не произойдет.

Жена, которой Бог даровал, слава Ему за это, честное и мудрое сердце, предупреждала меня: "Не будь так самоуверен. Ведь Бог вразумил тебя, учти это. Обязательно оставь мне свой бирманский паспорт. Возьмешь - будут неприятности".

Я не послушал жену и не принял во внимание вразумлений от Господа. Мое служение в последние месяцы не оставляло мне времени на отдых. Я ездил по многим государствам и выступал в сотнях церквей. В моем сердце еще не утихла боль по моей покойной матушке, недавно отошедшей в вечность. Я просто переутомился, и мне необходимо было отдохнуть и восстановить силы.

В своем жалком и беспомощном положении, тем не менее, был уверен в "собственных силах" и "способностях". И тогда, чтобы смирить меня, Господь преподавал мне еще один урок. Он показал, что человек, надеющийся на все иное, кроме Бога, всегда потерпит поражение. Я слишком доверился своему германскому паспорту. Где-то в глубине души я уповал на то, что этот документ поможет мне во всех обстоятельствах.

Размышляя о случае в Мьянме, я понял одно: Бог никогда не поступится Своими принципами в угоду человеку. Если ты не повинешься ему, несомненно, попадешь в беду. Я не повиновался Господу и потерпел неудачу.

А произошло вот что. Утром следующего дня я вошел в таможенный зал янгонского (рангунского) международного аэропорта перед посадкой в самолет рейсом на Таиланд. Мне сразу же стало не по себе. Окружающая обстановка была точно такой же, как в моем сновидении. Полицейский, уже знакомый мне по сновидению, взглянул на мой паспорт и попросил показать багаж. Он тут же обнаружил мой бирманский паспорт, и выражение лица его стало серьезным. Он отвел меня в смежное помещение и велел подождать. Здесь я понял, что оказался в той самой обшарпанной комнате для допроса, которую Бог показал мне в сновидении.

Из-за военных действий в штате Шань власти аэропорта были начеку и не пропускали ничего подозрительного. Найдя у меня фальшивое удостоверение личности, и обнаружив, что я не говорю ни по-бирмански, ни даже по-английски, они решили, что я каким-то образом связан с шаньскими повстанцами. Они не обратили внимания на мой германский паспорт никакого внимания, поскольку были уверены, что он был фальшивым.

Итак, я сидел в этой комнате в ожидании своей участи. Мое сердце наполнилось горечью и сожалением, и я стал каяться перед Господом за свою гордость и непослушание: "Господи, прости меня, что я не обратил внимания на Твое предупреждение. Теперь я приму любое наказание, какое Ты назначишь мне".

Во второй раз меня арестовывали только потому, что в утомленном состоянии я не слышал предупреждения Господа. Мой арест в Китае в 1991 году также случился в то время, когда я был крайне утомлен, но уповал на собственные силы. Тот урок не пошел мне на пользу.

Если вы трудитесь в Церкви Божьей или желаете послужить Господу, то позвольте мне предупредить вас словами, которые я оставил в своей записной книжке во время ожидания допроса в аэропорту: "Берегись! Берегись! Берегись! Служитель Божий должен всегда повиноваться Божьим повелениям!"

Христиане, занятые видным служением, рискуют попасть в беду, если их соблазнить медными трубами. Если вы проповедник, берегитесь! Вы должны взывать к Господу в молитве, чтобы Он

даровал вам силы слышать Его голос, а не голос толпы, которая хвалит вас и делает из вас кумира. Божьи принципы часто не согласуются с нашими. В то время, когда мы надеемся, что люди станут любить и уважать нас, Иисус говорит: "Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо!" (Лк. 6 : 26).

Никогда в жизни не довольствуйтесь только служением Господу или Его дарами. Ищите удовлетворения во Христе Иисусе!

Многие слышат голос Божий, призывающий их закидывать сети для Царства Божьего. Слышали и ученики, когда Иисус сказал им: "Переправимся на ту сторону" (Мрк. 4:35-36): И гребли изо всех сил, взяв Его с собою, как Он был в лодке. Иисус вскоре заснул, а на море вдруг поднялась сильная буря».

Начав свое служение, проверьте, не заснул ли в вашей лодке Иисус! Вы можете грести изо всех сил или управляться в служении без усилий, но далеко вам не уйти, если Иисус спит. Ученики увидели, что "волны били в лодку, так что она уже наполнялась водою"(ст. 37). Разбудите Иисуса и сделайте его Господом и Владыкой всего, что вы творите! Как много церквей и служителей, пригласив к себе Иисуса в прошлом, трудятся ныне, уповая на собственные силы и планы, между тем как Иисус среди них спит.

Вскоре на место допроса прибыли трое полицейских из портового отделения полиции. Они стали сердито расспрашивать меня на бирманском и английском языках. Я не понимал ни слова, от чего они еще больше рассердились.

Они обыскали мой багаж и нашли несколько альбомов с фотоснимками из жизни моей семьи в Мьянме, в том числе снимки, сделанные в сиротском приюте, фотографии некоторых друзей и несколько видов сельской жизни. Этих фотографий было достаточно, чтобы полиция приняла меня за иностранного шпиона или репортера, и они стали обращаться со мной без всяких церемоний. По данным моего паспорта за последние два года я посещал Мьянму восемь раз. Каждый раз я приезжал в Мьянму, чтобы встретиться с женой и детьми, но для полиции это обстоятельство явилось прямым доказательством того, что я занимался противозаконной деятельностью.

Также нашли у меня много визитных карточек христианских руководителей. Пытаясь узнать, кем я был в действительности, власти на следующий день допросили по всей стране многих пасторов.

Как только власти выяснили, что моя жена и дети проживают где-то на севере Мьянмы, они начали их искать. Как мне сказали в полиции: "Найти, где скрывается твоя семья, не составит для нас труда. Они будут наказаны, так же как и ты".

В то время я еще не знал, что рейс моей жены и дочери был отменен, и что вся моя семья оставалась в пределах Мьянмы. Я сказал полицейским: "Уверяю вас, мое семейство больше не находится в вашей стране. Моя жена и дети уже отправились в Германию по официальному приглашению". Бирманские следователи, увидев такую уверенность, посчитали, что моя семья и в самом деле уже покинула их страну.

Заломив мне руки за спину и надев наручники, меня заставили стоять на одной ноге. С одиннадцати часов утра и до пяти часов вечера следующего дня, в общей сложности, в течение тридцати часов меня безжалостно избивали плетками и пинали, оставляя на всем теле

множественные ушибы и кровоподтеки. Когда я вставал на другую ногу, они били меня и кричали во все горло: "Кто тебе позволил встать на другую ногу?"

В обшарпанном и оплеванном помещении, где проходил допрос, было ужасно душно и влажно. За все эти тридцать часов допроса мне не дали ни воды ни хлеба. Губы мои потрескались, в горле пересохло, но пить мне все равно не давали. Несколько раз полицейские водили меня в туалет, обернув при этом мою голову рубашкой, чтобы посторонние не опознали меня.

Мой допрос тянулся часами. Я старался выстоять на одной ноге, пока полицейские срывали свою злость на моем теле. Пытаясь не думать о боли, я думал о Господе Иисусе. Я думал, какой контраст между моими страданиями и страданиями Иисуса. Господа нашего били потому, что Он исполнил волю Божью, а меня - потому, что не исполнил.

В определенном смысле здешние побои не были столь жестоки по сравнению с побоями в Китае, поскольку бирманцы не применяют шейкеров. Но, поскольку меня подозревали в шпионской деятельности в военное время, тормозов у них не было. Если бы им позволили продолжать в том же духе, то меня, конечно, забили бы до смерти, и все же в сердце своем я понимал, что время отправиться на небеса для меня еще не пришло.

Я плакал, но слезы не приносили мне облегчения. Из глубины души я воззвал: "Боже мой! Боже мой! Для чего Ты оставил меня? Разве Ты не употребишь меня больше? Прости меня и ответь мне, прошу Тебя, Отче".

Меня избивали, а я каялся в своем грехе. Господь простил меня и омыл мой грех. Неожиданно Господь дал мне видение. В духе я увидел такую картину: Моисей, пасущий овец в дикой пустыне, в полном одиночестве и нет никого, с кем бы можно было поговорить. Я сразу понял, что Моисей должен был стать верным пастырем своих овец и находиться в полной изоляции, прежде чем Бог доверит ему говорить во дворце фараона. Точно так же Бог желал посмотреть, буду ли я верен Ему в чужой стране, где я не мог ни с кем общаться, прежде чем Он избавит меня, чтобы мне снова выступать перед толпами людей во имя Его. Для меня это было своевременным утешением. Теперь я знал, что Господь не оставил меня.

Когда побои закончились, меня бросили в тюремную камеру. Первое, что я записал в своем дневнике, было следующее:

Боже!

Благодарю Тебя за праведность,

Благодарю Тебя за верность,

Благодарю Тебя за милость,

И славлю от всего сердца,

Боже!

Делинь.

Когда мне сказали, что Юн снова арестован, я почувствовала себя виновной, ведь Бог предупреждал моего мужа, а я позволила ему взять с собой бирманский паспорт. Когда он был арестован в Китае, мы не могли ничего предпринять. Но последний арест произошел, как видно, по нашей глупости, а не из-за благовестия.

Я так радовалась, что мы всей семьей отправляемся в Германию. Многие годы я мечтала о том, как снова мы станем жить одной семьей в относительно спокойной обстановке.

Теперь, увы, в самый последний момент наши планы рухнули.

Господь, я думаю, этим событием предупреждал, что наша жизнь на Западе не станет легче. Он показал нам, что независимо от того, где мы будем находиться, наша жизнь останется трудной и мы встретим противодействие.

Мы не могли отправиться в дорогу из-за пограничного конфликта. После ареста Юна властям стали известны наши имена и нас разыскивали. Друзья отговаривали нас ехать каким-либо транспортом, связанным с проверкой паспортов, поскольку нас сразу же арестуют и, скорее всего, отправят обратно в Китай, - серьезное наказание за нелегальный переход границы, не говоря уже о проблемах связанных с побегом Юна из тюрьмы и его эмиграцией из Китая в 1997 году.

Случившееся просто не укладывалось в голове. Теперь, после многих лет ожиданий воссоединения семьи в Германии, эта мечта казалась более туманной, чем когда-либо раньше. Мой муж находился в тюрьме. Никто не знал, что с ним будет дальше. В условиях военных действий мы потеряли связь с Исааком и не могли добраться до него.

За две недели мы проделали большой путь, молясь о том, чтобы никому не пришло в голову проверить наши паспорта. Проехав через всю страну в багажнике, мы оказались в районе тайландской границы. Оттуда друзья организовали нам переход через труднопроходимую горную местность в Таиланд. Мы остановились в какой-то соломенной хижине посреди гор, где контрабандисты предложили нам отдохнуть, поесть, и ждать их возвращения.

Каждый день в этой небольшой хижине казался нам вечностью. Мы много молились, но ситуация была настолько напряженной, что нервы сдавали. Конечно, мы понимали, что находимся в центре жестокого духовного сражения. Сатана постоянно набрасывался на нас, причем всегда неожиданно.

Однажды после полуночи, мы еще не спали, внезапно появились три бирманца и сказали, что пора отправляться. Строго запретив нам разговаривать, они заставили нас разуться и идти босиком.

Уже потом нам сказали, что эти люди ждали безлунной ночи, чтобы в темноте нас не могли обнаружить пограничники. Скрипучая обувь также могла привлечь внимание пограничников, так что нам ее пришлось снять.

На одном из участков мы шли нехоженой тропой через джунгли и наши проводники воспользовались длинными мачете. Час за часом мы брели под покровом тьмы. Весь переход совершался в кромешной тьме. На всем пути нам не встретилось ни души.

Однажды нам пришлось даже карабкаться по крутому склону горы вдоль водопада. Несколько раз мы почти срывались в бездну. Ноги соскальзывали и, чтобы сохранить равновесие, мы хватались за ветки и камни. Всю дорогу я плакала, стараясь не проронить ни звука. Я молилась про себя, рассказывая обо всем Господу. А случилось все это в день моего рождения.

Физически вынести испытания этой ночи было почти невозможно. Из-за жары и удушающей влажности, мы обливались потом, пока не произошло обезвоживание. Юйлинь поранила ноги об острые камни, но я гордилась ею. Найдется немного десятилетних девочек, способных вынести физические, эмоциональные и духовные страдания в подобной ситуации. Нас поддерживал только Господь.

Среди ночи Святой Дух напомнил мне следующее место из Писания, о котором я уже давно не вспоминала: "И даст вам Господь хлеб в горести и воду в нужде; и учителя твои не будут скрываться, и глаза твои будут видеть учителей твоих; и уши твои будут слышать слово, говорящее позади тебя: "...вот путь, идите по нему", если бы вы уклонились направо и если бы вы уклонились налево"(Ис. 30:20-21).

Напомню, что с того дня, как двадцать лет назад я уверовала в Господа в Хэнане, я не раз видела во тьме дивный свет, освещавший мне дорогу домой. Но вот уже почти два десятилетия я не имела подобного руководства от Господа.

И вот теперь, в феврале 2001 года, в предрассветный час, вскоре после того, как Господь напомнил мне о Своем обетовании из книги пророка Исайи, я увидела тот же свет. Он осветил мне путь в горах на границе Мьянмы с Таиландом. Этот свет не был постоянным: он появлялся всякий раз, когда я не видела, куда мне следовало ступить.

Перед восходом солнца, после шести с лишним часов пути, проводники сообщили, что мы находимся на территории Таиланда. Здесь они оставили нас и повернули обратно.

Мы в Таиланде! С нами были кое-какие вещи, но не было обуви и документов. Одежда разодралась, все руки и ноги были в грязи и в запекшийся крови. Глубокие раны на ногах Юйлинь кровоточили. В довершении ко всему я не знала, где находятся мой муж и сын.

Вскоре в то место, куда нас доставили проводники, прибыли друзья из Таиланда и забрали нас. Исаак добрался в Таиланд намного севернее того места, в котором оказались мы с Юйлинь. Мы встретились в северном тайском городе Чиангмай. Через несколько дней после этого германское посольство в Бангкоке выдало нам проездные документы и мы вылетели в Германию, во Франкфурт.

Наконец-то, после множества испытаний, мы оказались на Западе! Немецкие верующие постарались сделать все возможное, чтобы мы чувствовали себя как дома. Мы въехали в маленькую квартиру Юна в большом многоэтажном доме, но нам без него было не по себе. Наши сердца жаждали воссоединения.

После многих лет служения Господу Он избавил нас, как я поняла, от всякого имени, чтобы начать новую главу в нашей жизни.

Семя, брошенное в землю.

На второй день после ареста меня перестали избивать и бросили в камеру при полицейском участке аэропорта. К великому удивлению следователей мой германский паспорт оказался подлинным. В багаже у меня нашли документы "Ассоциации Синим", где говорилось о том, что я был полномочным ее представителем. Тут они поняли, что я и в самом деле христианский пастор, а не шпион!

Письма из "Ассоциации Синим" помогли следователям опознать мою личность, но эти же письма заставили власти Мьянмы поставить китайское посольство в известность о том, что ими задержан один из крупных руководителей китайской церкви. К этому времени о моем аресте узнали многие христиане во всем мире, и тысячи молитв возносились к Господу с просьбой уберечь меня от китайского правительства. Если бы китайцы узнали, что я бежал из тюрьмы в 1997 году, то, как опасались многие, меня вернули бы обратно и казнили.

Несколько дней спустя начальник полицейского отделения сообщил мне о посетителе из германского посольства. Этот чиновник передал мне немного пищи и одежду, а также расспросил о моих делах.

Буквально через день я узнал, что утром следующего дня в десять часов меня собираются посетить представители китайского посольства. Я начал тревожиться и воззвал к Господу в молитве, чтобы исполнилась Его воля.

Когда в тот же день меня посетили бирманские христиане, я рассказал им, что здесь утром на следующий день будут чиновники из китайского посольства. Понимая серьезность положения, мои друзья обратились в германское посольство и уведомили немцев. Они знали о моем прошлом в Китае и понимали, насколько опасно было для меня снова оказаться в руках китайских властей. Сотрудники германского посольства решили прибыть в мою камеру на следующее утро раньше китайских представителей, чтобы уведомить их, что я - гражданин Германии и они уже занялись моим делом.

Когда начальник полиции увидел, какая борьба ведется между германским и китайским посольствами по вопросу о том, кто должен посетить меня, он вызвал китайцев и сообщил, что не может им предоставить визит в настоящее время. Так что китайцам оставалось только просить перенести его на другое время.

В беседе с начальником полиции я дал понять, что мне не хотелось бы встречаться ни с кем из китайского посольства. После этого начальник связался с посольством и поставил их в известность: "Юн благодарит вас за искреннее беспокойство о его благосостоянии, но, будучи теперь гражданином Германии, он предпочитает иметь дело с германским посольством".

Однако китайцы и после этого не успокоились. Когда они узнали, кто я такой, то стали настаивать на своем праве участвовать в выяснении обстоятельств моего дела. Они предоставили доказательства моей виновности бирманским властям с целью убедить их передать меня им. Бирманцы оказались в пиковом положении. Конечно, им хотелось угодить немцам, но они чувствовали давление со стороны могущественного северного соседа.

В конце концов по милости Божьей китайцам не разрешили встретиться со мной, так что я не встретился ни с одним из них.

Обычно заключенных в камерах портового отделения полиции держат самое большое несколько дней, но бирманские власти не знали, как поступить в моем случае. Так что я оставался там целый месяц. Между тем мне разрешили иметь при себе Библию. Чтобы не терять времени даром, я выучил наизусть книги 1 Царств, Есфирь, Евангелие от Иоанна и Послание к Галатам.

В Мьянме государство не обеспечивает заключенных пайком. Каждый день мы должны были покупать еду у продавцов за стенами тюрьмы. Один раз в четыре дня разрешалось принимать душ, но не более двух минут. Из-за жары и повышенной влажности эти две минуты были всегда долгожданными.

Бирманские друзья сообщили мне, что меня освободят через месяц. Их пророчество, однако, не исполнилось. Через месяц меня не освободили, а перевели в самую большую тюрьму в Мьянме, в центре города Янгон (прежде - Рангун). Здесь находилось десять тысяч заключенных. Никакими словами не описать имевшиеся там условия. Большинство заключенных страдали ВИЧ инфекцией. Много было там и прокаженных, лепрозных больных. Запах гниющей плоти проникал во все уголки темного, заброшенного здания, где драгоценные души были оставлены умирать в полном забвении.

Камеры этой тюрьмы были страшно переполнены - в каждой по сто узников. Здесь было так тесно, что ни у кого не было возможности спать на спине. Все спали валиком. Мы были упакованы как сардины в банке. Если кто-то из осужденных ночью беспокойно двигался или неудержимо кашлял, окружающие просто избивали его.

Мне приходилось отбывать срок во многих заведениях Китая, но ни одно из них и близко не соответствует ужасным условиям существования в этом месте.

Климат в Янгоне - один из наиболее жарких и влажных в мире. Каждый день температура колебалась у отметки в тридцать градусов по Цельсию, при влажности воздуха в 81-90 %. В этой отвратительной влажной атмосфере мы непрерывно потели. Ко всем прочим неприятностям этой тюрьмы, мне не разрешили держать при себе Библию.

Здесь можно усмотреть противоречие: меня арестовали из-за непослушания Господу, но это был Его план - употребить меня в этой тюрьме в качестве свидетеля Иисуса Христа перед отчаявшимися преступниками. Именно для этого Господь отправил меня в это безнадежное место.

Перед тем как мне оставить Китай в 1997 году, Господь говорил мне: "Я пошлю тебя в другое место. Ты не будешь понимать их языка". Именно здесь теперь я и оказался. В бирманской тюрьме я не мог общаться с другими осужденными и это было самым тяжким бременем для меня. В моей камере было много неисправимых, безнадежных людей. Один из преступников, осужденный за контрабанду наркотиков, получил триста восемьдесят лет тюремного заключения! Другие имели больше ста шестидесяти. Бирманцы, будучи буддистской нацией, верят в реинкарнацию (перевоплощение). Такие необычные приговоры выносились не только с целью наказания преступников в их нынешней жизни, но и в последующих!

В углу нашей камеры располагалась буддистская святыня с жертвенником и идолами. Заключенные узнали, что я христианский пастор, и, не видя разницы между Живым Богом и идолом, заставили меня спать под буддистской святыней, полагая, что я лучше их знаю, как исполнять религиозные обязанности.

Три раза в день, между пятью и шестью часами утра, затем с полудня до часу дня и, наконец, между семью и восьмью вечера, все заключенные должны были садиться в буддистской позе лотоса и молиться, медитируя перед идолом в своей камере. Правительство Мьянмы считало, что молитва преступников перед Буддой является лучшим методом перевоспитания. Если кто-то из осужденных во время подобных медитаций засыпал, охранники жестоко избивали его.

С помощью одного заключенного, который немного говорил по-китайски, я настойчиво возражал охранникам: "Я не могу молиться как вы. Я христианский пастор. Даже если вы свяжете меня и станете избивать перед этими идолами, я не поклонюсь им и молиться перед ними не буду!"

Однажды, когда другие заключенные молились и медитировали перед Буддой, Святой Дух внушил мне одну простую мелодию:

Хвалите Господа, хвалите Господа! Аллилуйя!

Хвалите Господа, хвалите Господа! Аллилуйя!

Я пел и пел, а сердце мое становилось свободным как птица! Большая радость переполняла мою душу. Господь касался не только меня, но и смягчал сердца других осужденных. Осужденные присоединялись к пению, хотя совершенно не понимали слов. Вскоре все радостно улыбались. Простая песня принесла радость и мир в камеры ожесточенных грешников.

Тут же прибыл тюремный надзиратель: "В тюрьме пение запрещено. Немедленно прекратите пение!"

Я ответил: "Я христианский пастор. Иисус любит слышать, как люди поют о Нем. Поэтому, пожалуйста, войдите в мое положение, позвольте мне исповедовать свою веру так, как требует от меня мой Бог". Милостью Божьей, моя просьба показалась этому человеку обоснованной, и он исполнил мою просьбу.

Вскоре в пении «Аллилуйя!» стали участвовать все осужденные. Каждый день на несколько часов их мрачные лица просветлялись, а страдания облегчались. Атмосфера в камере менялась в корне. Осужденные видели, что со мной Иисус, и стали почитать за человека, знающего Бога.

На территории тюрьмы находилась небольшая часовня. Мне разрешали ходить туда, когда другие заключенные молились Будде. Там я встретил бирманских христиан, оказавшихся в этой тюрьме по разным причинам. Я поразился тому, что многие мои сокамерники, включая буддистского монаха, стали приходить со мной в часовню каждый день, чтобы послушать пение. Что-то необычное во мне привлекало их внимание, и они хотели разобраться, что это. Когда я вставал на колени, чтобы помолиться, эти люди тоже становились на колени рядом со мной в надежде получить благословение от моего Бога! Вследствие языкового барьера я не мог свободно разговаривать с этими людьми, но я знаю, что Господь в Свое время найдет, как утолить их духовный голод.

Иностранных заключенных периодически вызывали на допрос в центральное полицейское управление. На обратном пути в тюрьму нам разрешали зайти в магазин, чтобы сделать закупки для бирманских заключенных. Однажды я на свои деньги купил больше сорока зубных щеток, много мыла и несколько пакетов с продуктами для сокамерников. Для некоторых заключенных, умиравших голодной смертью, это было единственное пропитание, которое они могли иметь.

Тем временем информация о моем деле была весьма запутанной. Мне не предъявляли никакого обвинения. Несколько раз мои бирманские друзья уверяли меня, что вскоре меня освободят, но дни сменялись днями, а все оставалось по-прежнему. Вскоре я понял, что помочь мне в этой ситуации может только Бог. Я знал, что меня освободят из тюрьмы, как только мое служение в этом месте закончится, но не раньше и не позже.

Девятого апреля 2001 года я написал письмо всем христианам мира. Я знал, что тысячи верующих каждый день молятся обо мне и написал следующее:

Дорогие братья и сестры во Христе!

Благодарю за вашу заботу и молитву обо мне. Мое положение в Мьянме зависит только от Господа, и я полностью предаю себя Его воле. Я глубоко верю, что у моего Господа на все имеется Свое время и Он хранит мое будущее в Своих руках, поскольку Он мой Господь и Спаситель.

В этой стране нельзя надеяться на адвокатов и судей, поскольку их взгляды переменчивы как ветер. Я же полностью предоставил свое дело Богу. Только Он знает завтрашний день.

Условия существования здесь намного хуже, чем в китайских тюрьмах, но я имею возможность каждый день свободно молиться и петь моему Господу. Я знаю, что Господь Иисус проведет меня даже там, где пройти невозможно.

Слава Богу, я приобрел здесь для Христа две души из числа заключенных. Мы вместе молились молитвой покаяния. В моей камере находится приблизительно около сотни осужденных и я среди них единственный иностранец. Они все знают, что я христианский пастор.

Пожалуйста, пошлите мои лучшие пожелания моему семейству, и всем братьям и сестрам, которые заботятся обо мне. Продолжайте молиться и верить, поскольку молитва творит чудеса!

Итак, мои дорогие друзья, пусть Господь даст вам радость и мир. Надеюсь вскоре увидеть вас!

Да пребудет Бог со всеми нами! Брат Юн.

В условиях жары и повышенной влажности болезнетворные бактерии распространялись очень быстро. В нашей камере около ста человек вынуждены были пользоваться одним туалетом. В результате возникла вспышка ужасной чумы, от которой умерло много заключенных. Инфекция проникала через задний проход и половые органы. Чума свирепствовала несколько недель, унося каждый день десятки жизней. Болезнь проявлялась болями в животе. Перед кончиной пораженный чумой корчился в страшных муках.

Заразился этой ужасной болезнью и я. Целый месяц я не мог переваривать густой пищи. Все, на что я был способен в то время, это вместе с другими заключенными лежать и целый день чесаться. Паразиты свирепствовали в моем теле. Иногда я разглядывал свой живот и видел своими собственными глазами, как под моей кожей шевелятся черви.

Это был жуткий период, но я пытался не унывать в Господе. Болезнь поразила 80% осужденных. В конце концов из-за этой болезни я потерял сознание. Это состояние длилось около пяти дней. Я пришел в себя уже в тюремной больнице.

Наконец, через несколько месяцев заключения, наступил день суда. Мои бирманские друзья были уверены, что меня освободят из зала суда, возможно, даже оправдают и вышлют из Мьянмы. У меня такой уверенности не было, но я знал, что моя жизнь в руках Господа.

Меня привезли из больницы в наручниках. Судья рассмотрел мое дело, затем бесстрастно объявил: "Семь лет".

Мои бирманские друзья и адвокат просто остолбенели. Никто не ожидал такого оборота дела. Онемев от изумления, они смотрели на меня и плакали. Но я был тверд в вере, ибо знал, что Всемогущий Бог со мной, каким бы ни был мой приговор. Склонив голову перед судьей, я сказал через переводчика: "Хочу поблагодарить вас, ваша честь, за то, что вы предоставили мне визу на семилетнее пребывание в вашей стране".

По жесту судьи охранники надели на меня наручники и увезли обратно в тюремную больницу. Когда я рассказал одному сокамернику о своем сроке заключения, тот порадовался за меня, чем помог мне взглянуть на свой приговор с другой точки зрения. Сам он отбывал срок в сто пятьдесят лет.

В глубине души я уповал на то, что Бог освободит меня сразу же, как только я усвою урок, преподанный мне за мое непослушание. Я никогда не думал, что получу такой большой срок. И я жаловался Господу: "Отец Небесный, моя жена и дети ждут меня. Прости меня за непослушание, но теперь не угодно ли Тебе проявить ко мне милость и отправить домой?"

Сегодня, оглядываясь назад, я понимаю, что время, проведенное мной в бирманской тюрьме, действительно было для меня миссионерским поручением от Господа. И вовсе не случайно Бог послал меня в это мрачное место, ибо здесь было множество отчаявшихся душ, которые должны были познать Иисуса.

До меня дошли сведения о том, что в этой тюрьме находилось пятеро китайцев из Сингапура, каждый из которых получил пожизненный срок заключения плюс пятьдесят лет за контрабанду наркотиков. Это совсем еще молодые люди, лет около тридцати, провели в тюрьме уже несколько лет. Еще один китаец, лет сорока, был из Тайваня. Сверх пожизненного заключения он получил еще сто лет. Эти люди говорили по-китайски, и я очень хотел познакомиться с ними, чтобы рассказать им о Благой Вести в их безнадежной ситуации.

Приговоренных к пожизненному заключению держали в одиночных камерах - маленьких помещениях, где почти не было естественного освещения и вентиляции. Связаться с ними мне было крайне трудно, по причине их изоляции от остальной части тюрьмы.

Однако, провидением Божиим, не только я услышал об этих китайских заключенных, но и они узнали, что в тюрьме есть некий "китайский пастор, который любит Иисуса". Так что и они желали встретиться со мной так же, как и я с ними. Они узнали, что я лежу в тюремной больнице. Эти люди во что бы то ни стало желали встретиться со мной и составили следующий план. Каждый из них должен был притвориться больным, чтобы заставить охрану отправить их в больницу на медицинский осмотр.

Стоило мне увидеть этих людей, как мое сердце переполнилось состраданием от Господа. Падшие духом и утратившие всякий смысл существования, они были похожи на раненых животных. Я не мог сдержаться и обнял их. И вот что я сказал им: "Дорогие братья, вы благословенны! Величайшее прощение снизошло на вас свыше!" Мои слова удивили их: им

показалось, что их приговор пересмотрен бирманскими властями. Они подумали, что какой-то международный суд содействовал их освобождению.

Но я продолжал со слезами на глазах: "Братья, мне ничего неизвестно о ваших отношениях с земными властями, но я здесь для того, чтобы рассказать вам о Христе Иисусе, Судье истинном и вечном. Он положил за вас Свою душу. Это Господь, любящий прощать тех, кто ищет прощения". Они ответили мне: "Все мы выросли в семьях, исповедующих буддистскую религию, но Будда никогда не помогал нам. Как нам уверовать в Иисуса?"

Проповедуя им, я сказал: "После смерти вы уже не будете страдать: вы получите вечную жизнь в Иисусе. Только Иисус может спасти вас!" Один из китайцев упал на колени и схватил меня за ноги. В отчаянии он закричал во весь голос: "О пастор, пожалуйста, научи меня, как спастись!"

В этот момент нам помешала больничная охрана. Полицейские закричали: "Здесь запрещено говорить о религии!" Китайцам пришлось выйти из моей палаты.

Я тогда сильно расстроился. Ведь этим людям так хотелось поговорить со мной и мне так хотелось рассказать им о Христе. Я умолял Бога предоставить нам еще одну возможность встретиться.

Все приговоренные к пожизненному заключению носили арестантскую одежду красного цвета. Я попросил своего адвоката принести мне на следующее свидание красную рубашку. Я подумал, если надеть одежду красного цвета, как у тех китайцев, то на очередной встрече с ними охранники не будут так тщательно следить за нами.

На следующий раз я спросил этих китайцев: "Верите ли вы, что Иисус действительно умер за вас на кресте?"

"Да, веруем !" - твердо ответили они.

Тогда я спросил: "Готовы ли вы раз и навсегда отречься от идолов и признать Иисуса своим Господом и Спасителем? Веруете ли вы в то, что Его Кровь способна очистить вас от всякого греха?"

"Да, веруем!" - снова ответили они в один голос.

Мы помолились вместе. Это стало их обращением ко Христу. Они перешли от смерти в жизнь. Отдавая себе отчет в том, что время дорого, я тут же отвел их в ванную комнату, где был кран и слив. Я попросил новообращенных наклониться и сунуть голову под кран. Так я крестил их во имя Отца, Сына и Святого Духа. Я сказал им: "Есть люди, которые пользуются свободой в этой жизни, чтобы затем оказаться в вечном заключении а аду. Вы же в этой жизни находитесь в тюрьме, но отныне ваши имена записаны в Небесной книге жизни и вы свободны!"

Я еще не закончил водного крещения новообращенных, как в ванную примчался надзиратель. Он закричал: "Что это вы тут делаете?"

"Не волнуйтесь! Я знаю, что делаю! Я служу Всевышнему Богу!" - ответил я ему.

Надзиратель застыл, как вкопанный и онемел. И тут я сказал четверем новообращенным: "С этого времени вы имеете власть молиться о других заключенных и свидетельствовать им о чудесном спасении, которое получили сами".

Милостью Божьей я смог привести к Иисусу двенадцать осужденных, в том числе и Ю Мин-Ю, одного китайца из Тайваня, отбывавшего пожизненный срок плюс сто лет за контрабанду наркотиков. Ю рассказал, как евангельское семя было посеяно в его сердце служением группы евангелистов, посещавших места заключения, когда он отбывал срок в Тайване.

Я использовал любую возможность, чтобы преподавать новообращенным библейские основы и научить их молиться. Из-за своей болезни я оставался в тюремной больнице почти два месяца. После заражения страшной чумой, которая распространилась по всей тюрьме, я пролежал в больнице без сознания пять дней. Но даже поправляясь, я страдал от периодической лихорадки, головных болей высокого кровяного давления и сильных болей в животе. Только потом мне открылось, для чего понадобилось Богу допустить мою болезнь. Во-первых, это давало мне возможность благовествовать заключенным китайской национальности. Во-вторых, если бы меня не положили в тюремную больницу, то немедленно отправили бы в исправительно-трудовую колонию в сельской местности, где я должен был отбывать свое семилетнее наказание.

Врачи несколько раз осматривали меня, чтобы решить, можно ли выписать меня из больницы. Накануне врачебных осмотров я чувствовал себя хорошо, а на осмотре у меня вдруг повышалось артериальное давление, появлялись боли в животе или поднималась высокая температура!

По милости Божьей новообращенные в тюрьме духовно возрастали. Через пение я учил своих новых братьев во Христе многим библейским истинам. Поскольку мы говорили и пели по-китайски, охранники не догадывались, что мы разбираем Слово Божье.

Похоже, что охранникам и врачам пение наше даже нравилось. Жизнь этих заключенных изменилась коренным образом, что может сделать только Иисус. Сердца, преисполненные прежде гнева и ненависти, теперь были полны любви и милосердия. Они проповедовали в больнице умирающим. Не жалея собственных средств, покупали им дополнительное питание и как могли утешали. Они молились за больных и делали все возможное, чтобы поделиться с ними Благой Вестью. Новообращенные горячо молились о родных в Сингапуре и на Тайване, умоляя Бога помиловать их. Они говорили мне, что молятся каждый день о моем освобождении из тюрьмы, чтобы я мог продолжать свое служение на свободе.

Всякий раз, когда я вспоминаю об этих людях и о том, как милость Божья нашла их в отчаянной ситуации, я не могу сдержать слез. Мы сблизились очень скоро, и между нами установились поистине братские отношения. Я перепробовал все возможное, чтобы братьям разрешили передать в тюрьму Библии, но пока все мои усилия не имеют успеха. Я до сих пор продолжаю молиться Богу, чтобы мои братья в бирманской тюрьме имели Слово Божье.

Некоторые всю жизнь проводят на свободе, но в сердце остаются заключенными, поработанными греху. Эти же люди влачат в тюрьме самое жалкое существование, но внутренне свободны как птицы, парящие в облаках! Они любят Иисуса всем сердцем. "А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит" (Лк. 7:4-7).

Что за удивительные это были дни, наполненные присутствием Божиим! Честно говоря, я даже не чувствовал, что нахожусь в тюрьме. Я почти не думал о своем семилетнем сроке, поскольку каждый день в тюрьме был полон радости и жизни. Эти семь лет заключения напомнили мне семь лет ожидания Иакова Рахили. "И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, поскольку он любил ее" (Быт. 29 : 20).

Моя семья в Германии была теперь в безопасности. Вот что я писал своей дочери Юйлинь: "Как жаль, что я не могу быть с вами прямо сейчас, но твой папа теперь в Мьянме по особому поручению Господа. Как только я закончу здесь служение, которое мне поручил мне Господь, мы обязательно встретимся".

Узнав приговор, я решил не сообщать родным, по крайней мере, некоторое время, на какой срок меня осудили. Я знал, что на Западе им было очень трудно без меня, и мне не хотелось сокрушать их сердца новостью о том, что мы увидимся только через шесть с половиной лет.

Ранее, примерно через месяц после моего ареста в Мьянме, Господь положил мне на сердце следующий отрывок из Писания: "Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем, сохранит ее в жизнь вечную" (Иоанна 12:24-25).

Размышляя над этими стихами, я задумался о времени, проведенном на ферме в Хэнане, и о том, что **семя, брошенное в землю, прорастает примерно через семь месяцев**. И тогда я понял, что Господь предупреждает меня через это, что я буду в тюрьме семь месяцев, после чего Он избавит меня.

Иисус преподавал мне множество уроков, когда я был семенем, попавшим на тюремную почву. Я понял, что плоть противится духу. Когда малое семя попадает в землю, ему там очень неуютно. Оно находится в полной изоляции во тьме в течение многих месяцев, страдая от морозов зимой и от жары летом, да еще его сверху присыпают зловонным удобрением и компостом. И только потом, когда семя безмолвно перенесет все эти испытания, оно будет готово весной ожить и осенью принести урожай, который накормит многих.

Семя, брошенное в землю, не имеет выбора, кроме того, как терпеливо ожидать, когда Богу будет угодно воскресить его к жизни. И я понял, что совершенно бессмысленно надеяться на человеческие усилия вызволить меня из тюрьмы. Я не верил, что активисты из различных организаций, выступающих в защиту прав человека, могут освободить меня, потому что мое будущее полностью зависит от Бога, и выйду я из тюрьмы лишь тогда, когда исполнится Его время.

И вот однажды ко мне явился начальник тюрьмы со словами: "Вас ожидает представитель германского посольства. Оденьтесь и подойдите к воротам тюрьмы".

Когда я подошел к воротам, где в ожидании свидания с заключенными толпились посетители, знакомая мне фрау из германского посольства увидела меня и закричала: "Сегодня у меня для вас хорошие новости! Вас освобождают! Как только вы подпишете это прошение об освобождении, вы - на свободе. Вам придется подождать немного в тюремной больнице, пока будут оформлены необходимые документы, чтобы забрать вас в аэропорт, но уже с этого момента вы - свободный человек!"

Я подписал прошение и вернулся в тюремную больницу, ликуя от радости. Не успев добраться до своей палаты, я сбросил с себя арестантскую одежду. Охранник, не знавший о моем освобождении, стал угрожать мне наказанием. Я рассмеялся и сказал ему: "Я больше не преступник! Меня освободили!" Мне так жаль, что **многие христиане живут в неволе, хотя Иисус подписал их прошение о помиловании Своей Кровью. Если вы свободны, действуйте сообразно этой свободе!**

Как потом выяснилось, после того, как меня приговорили к семи годам тюремного заключения, германское посольство обратилось к правительству Мьянмы с просьбой помиловать меня и выслать из их страны. Германские власти обязались принять на себя ответственность за мое возвращение в Германию, где меня ожидала семья. Милостью Божьей это ходатайство было удовлетворено.

Три дня спустя, в одиннадцать часов утра восемнадцатого сентября 2001 года, представители иммиграционной службы доставили меня в наручниках в янгонский международный аэропорт. Они были очень любезны, что резко контрастировало с тем, как они обращались со мной вначале, после моего ареста!

В аэропорту меня приветствовали представители германского посольства и бирманские друзья. Одного из них звали Динь Кай. В бирманской тюрьме Динь Кай был одним из моих сокамерников. Я свидетельствовал ему о Христе, но он тогда еще не уверовал в Него. Динь Кая освободили вскоре после того, как я познакомился с ним. И вот что он сказал мне тогда: "Если твой Бог поможет тебе выйти из этой тюрьмы, я последую за Ним в тот самый день, когда тебя освободят".

Узнав о моем освобождении, мои бирманские друзья позвонили Динь Каю и поделились этой новостью. Не успел я прибыть в аэропорт, как он подбежал ко мне и обнял. Мы встали на колени и вместе помолились о нем, чтобы он признал в Иисусе своего Господа. За последние несколько дней в Мьянме я привел ко Христу по милости Божьей еще троих.

Я поднялся на борт самолета, вылетающего в Бангкок, Таиланд. Новость о моем освобождении уже дошла до христиан Таиланда, и они собрались в Бангкоке, чтобы встретить меня. При встрече я сказал им следующие слова: "Мое служение в тюрьме завершилось, и Христос вывел меня оттуда. Он послал меня туда благовествовать тем, кто никогда не слышал о Нем, и многие спаслись". Мы встали в круг и, взявшись за руки, склонив головы, возблагодарили Господа за Его благость и милость.

Воистину, наш Бог - Живой Бог!

Многие богословы считают, что число семь символизирует Божье совершенство. Меня приговорили к семи годам тюремного заключения, однако, Господь не согласился с этим человеческим определением. Согласно Его совершенному замыслу, меня освободили через семь месяцев и семь дней после ареста.

В полете из Бангкока во Франкфурт меня сопровождал один друг, который прибыл в Таиланд специально для того, чтобы встретить меня из тюрьмы. Во время полета, который продолжался несколько часов, этот друг спросил меня: "Брат Юн, ты хотел бы послушать новости - что произошло в мире, пока ты был в тюрьме? "

" Сейчас нет! - ответил я.

" Ну, тогда взгляни на кое-что", - сказал он мне.

И передал мне несколько китайских газет недельной давности. Сначала я ничего не понял. Это были снимки самолета, врезавшегося в небоскреб. Я прочел статьи и узнал, что ровно за неделю до моего освобождения, 11 сентября 2001 года, ужасный террористический акт переменял мир коренным образом.

Делинь.

Летели дни, недели и месяцы, но никаких указаний об освобождении моего мужа не поступало. Моя вера уменьшалась и слабела, а я расстраивалась все больше и больше.

Я мечтала о том дне, когда Юн встретит нас в Германии и повезет по стране, которая приняла его четыре года назад. Пока мы были в Мьянме, он ожидал нас почти два года. Я и подумать не могла о том, что теперь, когда мы оказались в Германии, нам придется ждать его: ждать, когда его освободят из тюрьмы в Мьянме.

В Германии поначалу нам было тяжело, хотя местные христиане делали все возможное, чтобы помочь адаптироваться к новой культуре. Никто из нас не говорил по-немецки ни слова. Пища и культура были для нас совершенно чуждыми. Раньше я никогда не получала денег из банкомата, поместив в него пластиковую карточку и набрав соответствующий код. Все это было крайне необычно для меня.

Шли месяцы, и я постепенно уходила в глубокую депрессию. Я умоляла Господа ответить мне.

Однажды ночью мне было видение. Я увидела несколько чисел и освобождение Юна из тюрьмы. При сложении этих чисел получалось восемнадцать. Я записала число "18" в своем дневнике и сказала детям, что я ожидаю освобождения их отца восемнадцатого числа.

Однажды утром раздался звонок и мне сообщили, что Юна освободят 18 сентября! За время его заключения в бирманской тюрьме было столько ложных надежд и разочарований, что мне, несмотря на видение, которое послал Господь, не верилось этому до тех пор, пока я не убедилась, что Юн на свободе.

А восемнадцатого числа мне позвонил мой муж. Он звонил из Бангкокского международного аэропорта перед вылетом в Германию. Милостив Господь!

Светлое, как Божьи обетования, будущее.

Девятнадцатого сентября 2001 года в шесть часов утра мой самолет приземлился на посадочной полосе во Франкфурте. С тех пор, как я впервые оказался в Германии в 1997 году, прошло четыре года.

Когда я покинул Китай, я думал, что моя семья вскоре последует за мной, но Господь распорядился иначе. Он хотел преподать нам еще несколько уроков и провести нас через многие испытания, прежде чем соединить нас как одну семью в одном месте.

Пройдя таможенный досмотр, я вышел и увидел, что меня ожидала не только моя семья, но и толпа верующих! Мы обнимались и смеялись. Прибыл в аэропорт приветствовать меня даже известный немецкий проповедник Ранхард Боннке - человек, через которого Господь даровал спасение миллионам душ в Африке и других частях света! Для меня это была честь!

Жена моя, Делинь, светилась от радости, а дети были в восторге. Наконец-то мы были вместе. Это был замечательный день, подаренный нам Господом.

Мы поехали домой, в квартиру, которую предоставила нам одна христианская миссия. Мебели здесь почти не было, не было даже кровати, но Делинь и дети жили в этой квартире и не хотели искать новое жилье до тех пор, пока мы все не будем вместе. Войдя в наш дом, мы закрыли двери и, вставши на колени, со слезами на глазах возблагодарили Господа за Его милость и верность. Я простер руки свои к Господу и запел:

Блаженный, радуюсь и плачу я :

По Божьей воле вышел из тюрьмы!

Мне Бог надежда предлежащая:

Пойду за Ним - пути Его прямы!

В пронзенных я руках Его -

Блаженному не страшно ничего!

Прошло две недели после моего освобождения из тюрьмы. Мое здоровье в тюрьме было сильно подорвано. В организме после чумы оставались паразиты. Недоброкачественная пища и вода в тюрьме не могли не сказаться на моем общем состоянии. Зудела вся кожа. Первым делом Делинь взяла мою одежду и прокипятила, чтобы покончить с паразитами. Постепенно с Божьей помощью я поправлялся. Это были хорошие дни. Я мог отдыхать и проводить больше времени с женой и детьми. Наконец-то мечта Делинь об устроенной семейной жизни начала сбываться.

Мы с Делинь были женаты уже двадцать лет. Наш брак далек от совершенства, но я могу честно признаться, что он становится дороже для нас с каждым годом. Делинь - мой самый лучший друг. Двадцать лет тому назад, когда она была юной девушкой, я сказал ей: "Бог поставил меня Своим свидетелем, чтобы я следовал за Ним крестным путем через страдания. У меня нет денег, и меня постоянно преследуют власти. Ты действительно согласна выйти за меня замуж?"

Она ответила: "Не беспокойся, я никогда не оставлю тебя в беде. Мы станем одной плотью и будем вместе служить Господу".

Это обещание Делинь выдержало много испытаний, но она всегда была верна Богу и мне. Из двадцати лет нашего брака около семи я провел в узах и, кроме того, много лет, скрываясь от полиции, находился на нелегальном положении.

Делинь - замечательная жена и мать. Будучи сильной духом, она напоминает мне о моей слабости, когда видит, что я увлекаюсь своими делами или доверяюсь своим способностям. Имея кроткий и молчаливый дух, она никогда не сплетничает и никого в церкви не вводит в искушение. Господь наделил ее замечательным голосом. Однажды, еще на родине, я собрался было проповедовать в одной общине, но братья и сестры попросили меня: "Мы много раз слышали твою проповедь, теперь хотели бы услышать пение Делинь!"

То, что мы теперь живем за пределами Китая, не означает, что мы оставили нашу родину навсегда. Мы не бежали из страны по собственному желанию в поисках легкой жизни. Мы оставили Китай потому, что Господь ясно указал нам сделать это. И Он подтвердил это, отворив перед нами все двери.

За границей мы по-прежнему много благовествуем и учувствуем в делах Ассоциации "Назад в Иерусалим". При этом мы понимаем, когда нами руководит Святой Дух, жизнь приносит множество неожиданностей. Иисус сказал Никодиму: "Дух дышит, где хочет, и голос Его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа"(Ин. 3:8).

Если мы действительно следуем за Иисусом, то должны следовать, не ставя никаких условий и не составляя собственных планов. Если в один прекрасный день Бог повелит нам вернуться в Китай, мы вернемся. Это ясно как день. Кто-то может возразить: "Это же глупо! Вы прекрасно знаете, что в Китае вы объявлены в розыск! Вас тотчас арестуют, как только вы там окажетесь!"

Мы не призваны жить, руководствуясь человеческими стандартами. Важнее всего подчинение Слову Божьему и Его водительству в нашей жизни. Если Бог велит отправиться - мы отправимся. Если Он велит остановиться - мы остановимся. Когда мы исполняем Его волю, мы в полной безопасности в этом мире.

Делинь.

За двадцать лет нашего брака я хорошо узнала сердце моего мужа. У него сильный характер и твердая вера. **Он очень открыт и доступен.** У него нет страха перед людьми. Он говорит то, что думает. Для меня он всегда предсказуем. Все, что видишь в нем, это и есть весь Юн - ни больше и ни меньше.

Я уважаю его за любовь и верность Богу. Его верность мне хорошо известна, хотя, конечно, во многих других отношениях я не знаю его так же хорошо, ведь в силу наших жизненных обстоятельств мы большую часть жизни провели врозь. Но для меня тяжелее всего было то, что я редко видела его и в основном воспитывала детей одна.

Но не все в нашей жизни было плохо. Кроме бед, страданий и долгих разлук были победы и постоянное переживание глубокой любви Божьей и милости Его к нам.

Благодаря детям, я не чувствовала себя одинокой. Они всегда были со мной и приносили мне огромное утешение. Для меня тяжелым крестом и острой болью были не бедность, не гонения, и даже не одиночество. Труднее всего было перенести клевету - в церкви стали распространять ложные слухи о моем муже. По сей день я не могу понять некоторых братьев, распространяющих заведомую ложь о своем же брате, который старается честно служить Господу и любить людей.

Юн часто говорит мне: "Мы абсолютно ничего не стоим, так что гордиться нам совершенно нечем. Своего у нас нет ничего - нам нечем пожертвовать Богу. То, что Он желает употребить нас, обусловлено всецело Его благодатью. Такова Его воля. И если бы Бог для Своих целей пожелал избрать других служителей и никогда больше не употреблять нас, то нам не на что было бы и роптать".

По молодости я воспринимала Бога как могущественного Исцелителя, Который совершил кое-что для моей души, но после долгих лет бедствий и мучительных испытаний, Господь стал моим Другом, Который никогда не оставляет меня. Он перестал быть для меня историческим Богом, а стал живым и близким. Много раз я оступалась во время этих гонений и испытаний, но Он всегда был рядом со мной. Всякий раз, когда я обращалась к Нему за помощью, Он помогал мне.

Иисус - все, а мы - ничто.

Юн.

Когда я размышляю о том, что Господь приготовил для меня в будущем, я воодушевляюсь! Будущее - это великие времена жизни для Иисуса! В последнее время Святой Дух могущественно действует по всей земле и для нас огромная честь влиться в этот труд на ниве Божьей.

Я полагаю, что центром моего служения остается движение "Назад в Иерусалим". То, что начиналось с ручейка миссионеров, оставляющих Китай, теперь превратилось в поток, и вскоре, я полагаю, бурный поток тружеников пересечет границы Китая для труда на миссионерских полях.

У меня по-прежнему имеется возможность выступать во многих церквях по всему миру. Моя проповедь, обращенная к церкви на Западе, заключается в призыве вернуться к истокам, чтобы снова услышать голос Иисуса, говорящий каждому из нас.

Однако мне хочется призвать не только западную церковь, но и верующих всего мира, присоединиться к нам, чтобы обучать и поддерживать миссионеров на побелевших нивах; чтобы утверждать Царство Божье не только в Китае, но и во всех странах по пути в Иерусалим.

Началась новая эра церкви.

Я полагаю, что роль западной церкви состоит в партнерстве с нами для совместного труда на ниве Божьей.

Мы ищем не милостыни, но сотрудничества.

Я не знаю точно, что ожидает нас в будущем, но я достоверно знаю, в Чьих руках находится это будущее! С тех пор как Господь спас меня, подростка, жизнь моя стала увлекательным путешествием! Я никогда не знал того, что ожидает меня за поворотом.

Однажды меня могут убить ради Евангелия в буддистской или исламской стране. Если вы услышите об этом, то, пожалуйста, не плачьте обо мне, но плачьте о миллионах драгоценных душ, поработанных сатаной и погибающих без евангельского света. Смерть для слуги Божьего является не концом, а всего лишь началом блаженной вечности в общении с Иисусом.

Если вы услышите, что меня призвали домой в небеса, то, пожалуйста, займите мое место: проповедуйте и наставляйте людей до второго пришествия Христа.

Мой Господь Иисус - самый замечательный Друг из всех, которых вы можете когда-либо приобрести. Он был любящим, терпеливым и милостивым ко мне все эти годы, когда проводил меня долинами смертной тени.

Многие говорят мне: "Юн, ты так сильно любишь Иисуса!" Им не понять, что любовь к Иисусу в моем сердце существует лишь потому, что Он прежде возлюбил меня. "Будем любить Его, поскольку Он прежде возлюбил нас" (1 Ин. 4:19).

Иисус достоин того, чтобы познакомиться с Ним. Он действительно достоин того, чтобы мы отдали Ему всю нашу жизнь. Если вы посвятите Ему свою жизнь, то никогда не пожалеете об этом.

Вы идете за Ним?